

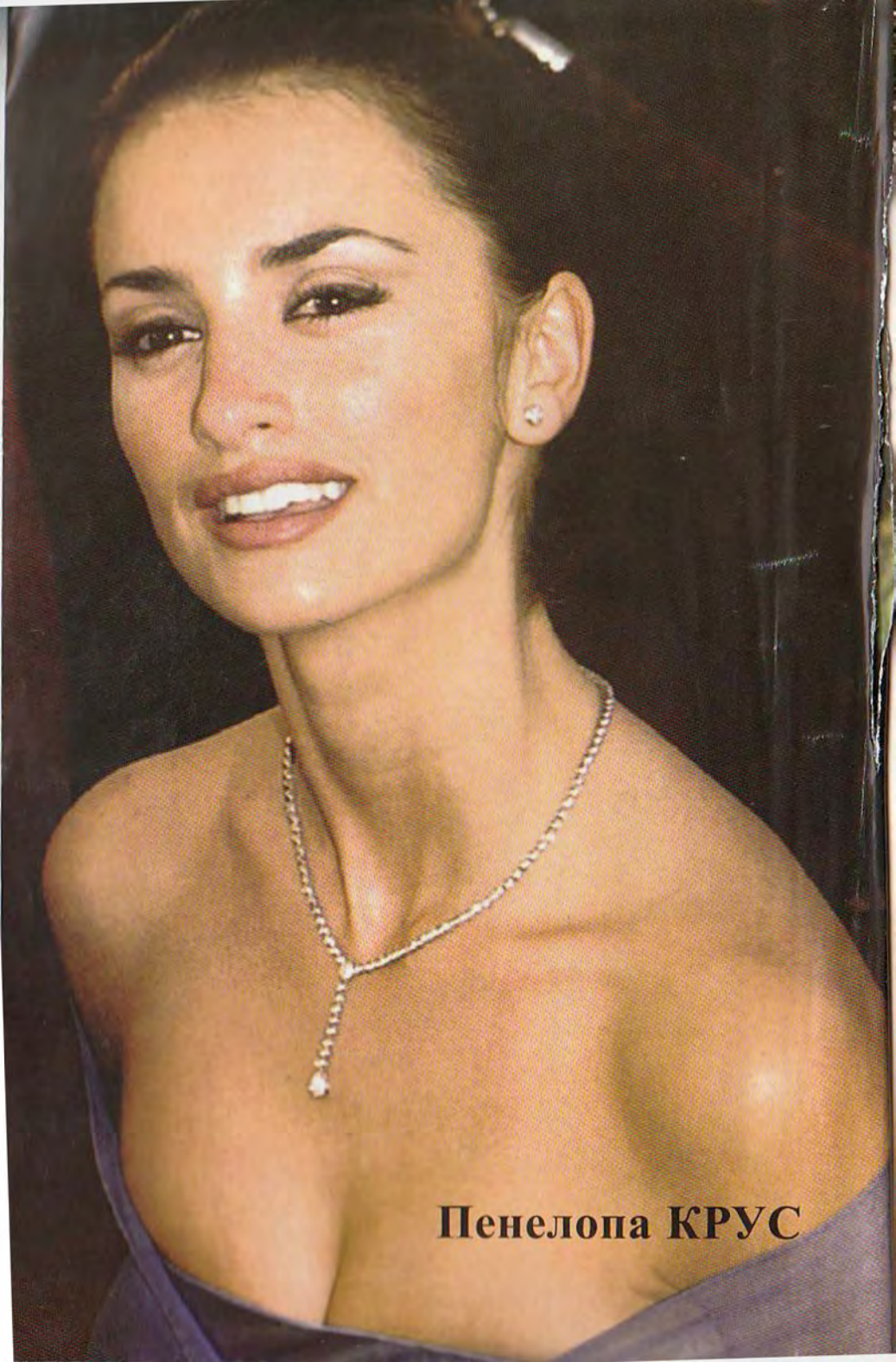
A full-page photograph of a woman with long dark hair, wearing a black cowboy hat and a dark, possibly fur-trimmed, jacket. She is smiling and holding a small, scruffy dog. The background is a blurred outdoor setting with trees.

**ПЕНЕЛОПА
КРУС -
ИСКРЫ
И ПЛАМЯ**

МЫ

3/2002

Пенелопа КРУС

МЫ

3/2002

Основан в 1990 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ
Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Сергей ЕСИН
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Аркадий ПЕТРОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал "Мы"»

✉ Адрес для писем:

Абон. ящик № 1, Москва, 107005

☎ Контактные телефоны

(095) 150-11-97, 733-32-48

E-mail: magazine_we@mtu-net.ru

Сдано в набор 25.02.2002 г.

Подписано в печать 14.03.2002 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Тираж 11750 экз. Заказ № 323.

ГП Московская типография № 13
Денисовский пер., 30.
Москва, 107005.

E-mail: type@printshop13.ru
http://www.printshop13.ru

© «Мы», 2002

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Светлана Соложенкина. Тень от облака. Стихи 6
Альберт Лиханов. Сломанная кукла. Роман. Окончание 10

■ ПРОБА ПЕРА

Татьяна Линде. Чужое царство. Стихи 85

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Планета-дайджест. Как стать красивой? 88
Письма в «Мы» 2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Пенелопа Крус высекает огонь из любого предмета 98

■ НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

Сергей Демкин. Очаровательная «ведьма» 109

■ МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Новости виртуального мира, или Во что бы нам сыграть? 130
Ищу друга 134

■ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Александр Серов: «Каждый слышит то, что способен услышать». С певцом беседует журналист Сергей Соседов 152
Компакт-известия 146

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Страницы сатиры и юмора. Выпуск посвящен прекрасным дамам 138

■ ВИДЕООБЗОР

На малом экране 117

ПИСЬМА В «МЫ»

Я КАК БУДТО ПРОСНУЛАСЬ

Я давно хотела написать в журнал «Мы», но всё как-то не решалась. Но теперь, думаю, настал мой черед. Не буду жаловаться на родителей, да и вообще на кого-либо. Мне просто хочется поговорить о том, что накопилось у меня в душе.

Мне 16 лет, я живу в Башкирии, учусь в педагогическом училище. Меня волнуют те же проблемы и вопросы, что и многих подростков. В нашем возрасте всегда хочется чего-то неопределенного. Казалось бы, все в жизни нормально — семья, хорошие отношения со сверстниками, много друзей, но... Но всегда чего-то не хватает. Пережила такой период и я. Мне казалось, что всё вокруг так плохо, что хоть кончай жизнь самоубийством. Почему? — спросите вы. Сама не знаю. Почему-то мне стало казаться, что жизнь — это не что иное, как испытание. Испытание перед нашим будущим существованием, тем, которое будет потом. После смерти. И вот я решила, что я этого испытания не выдержу. Я слабая. У меня не хватит сил достойно прожить жизнь, и дальше жить мне не имеет смысла.

Но потом я поняла, что это было нечто вроде дурного

сна. А потом я как будто проснулась. Открыла глаза. И поняла, что, наверное, все подростки проходят такой период — когда кажется, что в жизни есть только одно плохое, что самое главное — любовь и секс, и даже здесь переживаешь только одни предательства, что жизни без верных друзей быть не может, а где найти тех, кто понимал бы тебя, был бы твоим верным другом, без которого нельзя жить? Но разве — по большому счету — всё это верно, всё это так? Все эти мысли неправильны. Не буду говорить о любви — тут я всем не судья. А жизнь — неужели в ней только всё плохое? Да, плохое есть, но почему? Не из-за нас ли, из-за людей? Разве кто-то нас заставляет пить, курить, употреблять наркотики, воровать, убивать, равнодушно проходить мимо беды соседа? Нет. Всё это мы делаем только по своей воле. Так жизнь виновата в том, что она плохая, или плох человек?

Но я не буду спорить по этому поводу, каждый должен сам всё решить для себя. А вот друзья... В нашем возрасте многие очень переживают, что у них нет друзей (я много читала писем об этом на страницах «Мы»). А я думаю по-другому: друзья-то всегда есть, но вот какие? Надо ведь

различать настоящих, преданных друзей от ложных или от просто приятелей. И здесь, мне кажется, всё очень просто: настоящие друзья — это те, кто думают о тебе. А ложные — это те, кто думают о себе в первую очередь. О своей выгоде, о том, с кем им удобнее быть вместе. А проблема в том — как отличить настоящего друга от ложного. Не могу всем этого советовать, но, думаю, нужно устроить такому человеку небольшое испытание. Как в поговорке: друг познается в беде. А потом просто проанализировать его поступки в сложной ситуации. И если вдруг обнаружится, что у тебя и в самом деле нет друзей, настоящих друзей, то, наверное, всегда можно рассчитывать на то, что ты не одна в этом мире со своими взглядами и мыслями. Мне кажется, что все мы, подростки, в определенном возрасте мыслим и чувствуем практически одинаково. Ну, конечно, каждый чуть-чуть по-своему, индивидуально. А настоящие, верные друзья — это явление вообще крайне редкое. Но даже те, кто есть вокруг, не дают думать, что ты одна в этом непростом мире.

А сейчас я хочу сменить тему разговора и написать о том, что меня тревожит по-настоящему. Это наше отношение к природе. Ведь природа — это наша мать. А мы ее унижаем, оскорбляем, губим! Хорошо, что сейчас стали обращать внимание на экологию. Если бы мы, люди, об этом не задумались, нас ждала бы ка-

тастрофа. Ведь это наши родители: мать — природа, и отец — Бог. Это родители человечества. Да, сейчас многие верят в бога (у каждого своя вера), но в то же время те, кто считают себя верующими, губят и загрязняют природу. Но ведь какая бы ни была религия, какой бы ни был бог — что стоит эта вера у людей, которые губят лес, загрязняют всё вокруг мусором, а самое главное — издеваются над животными?

Наверное, мои мысли многим покажутся наивными и нелепыми. Многие мои сверстники думают только о себе, своих взаимоотношениях с родителями, со своими девушками или парнями, с друзьями. Но ведь, в сущности, они думают только о себе! А неужели нас не должны волновать вопросы, которые касаются и других, проблемы тех, кто рядом? Да, когда нам плохо, мы не можем (и, честно говоря, не хотим) думать ни о ком, кроме как о себе. Но ведь если все будут думать только о себе — получится какой-то всеобщий эгоизм. Он нас убивает — мы становимся агрессивными, циничными, жадными и пошлыми. И при этом думаем, что верим в бога. Но вера в бога начнется только тогда, когда мы будем больше думать о других, забывая о себе. А если этого нет, то любая вера — обман самого себя.

Спасибо тебе, «Мы», если напечатаешь мое письмо. Ведь Мы — это все те, кто хочет больше узнать друг о

друге, о чужих проблемах, о их талантах и свершениях. Само название журнала отвечает моим мыслям звучит как призыв – Мы, мы вместе. Наверное, только вместе мы сможем достойно пройти ту дорогу, которая нас ждет.

Альбина
г. Белебей, Башкирия

НЕ ХОЧУ МЕНЯТЬСЯ

Я долго не решалась отправить это письмо, но все-таки сделала это, и теперь оно у вас в руках. Я решилась послать его в «Мы», потому что доверяю этому журналу и надеюсь, что его читатели поймут меня.

Не судите меня слишком строго...

Мне 16 лет. Проблема, о которой я хочу рассказать, не любовная (я заметила, что большинство девушек пишут в редакцию о своей любви), а личная. Так получилось, что я выросла в своем городке «белой вороной», не такой, как все. Мама, которая меня воспитывала, «сделала» из меня воспитанную, культурную, скромную девушку. Я люблю и часто слушаю классическую музыку, люблю и часто посещаю театры, жить не могу без книг – не любовных романов, а настоящей литературы. Интересуюсь историей, психологией и философией.

Но зачем мне всё это нужно, если остальные подростки моего маленького городка полная моя противополож-

ность? Почему мне не пить, не курить и не ругаться матом, если остальные все это делают? Даже две мои подруги совершенно другие – не такие, как я.

И, естественно, у меня нет бойфренда. А ведь мой идеал мужчины – совсем не сказочный принц, а обычный парень без вредных привычек, умный, с хорошими манерами и романтический, желательно симпатичный – вот и все. Только почему-то я пока не встретила такого, да в моем городке это и невозможно. Все парни, которых я знаю, не только курят и пьют – так они за девушками нормально ухаживать не умеют. К тому же мне просто не о чем с ними говорить.

А может, мой идеал старомоден? Может, мне стоит снизить требования?

Я пыталась измениться с седьмого класса, но не смогла. Не смогла переступить через себя, изменить своим вкусам. Не смогла начать пить и курить. Ну не могу я быть как все! Просто не могу.

А в этом году я вдруг поняла, что и не хочу меняться, что мне нужно общение только с подобными мне людьми. В моем городке таких нет. Но Россия – огромная страна. И я не верю, что я одна такая. Тем более что я совсем не монашка, как некоторые могут думать. Я хожу на дискотеки, в походы и – мечтаю прыгнуть с парашютом.

Ева
Московская область

От редакции. Знаешь, Ева, мы целиком и полностью поддерживаем твоё решение. Наверное, твоё желание «измениться, стать, как все» было продиктовано не безвыходностью ситуации, а просто минутой грусти. Ничего не поделаешь — люди бывают разные, и никогда еще не кончалось ничем хорошим, когда отдельный человек — личность! — пытался подделываться под вкусы большинства. Поэтому лучше оставайся такой, какая ты есть.

Что же касается твоих требований к будущему избраннику — нам кажется, что хочешь не так уж и много. Ну вот только насчет «вредных привычек» не очень упирайся. Нет ничего страшного, если молодой человек в меру выпивает — по этой причине отворачиваться от него не стоит. Поверь, этот недостаток весьма извинителен — особенно если учесть вдалбливаемую телевизором привычку «идти за "Клиным"»: ведь без него, похоже, молодежь уже не может проводить свое свободное время. Гораздо важнее другое — что он за человек. Пусть он будет не такой, как ты, но если он способен понимать и уважать тебя, твои интересы, увлечения — здесь уже заложена попытка успеха.

ДОМА МЕНЯ НЕ ЖДУТ

Наверное, многие меня не поймут, скажут что-нибудь типа: «Ну чего ей еще надо...» А мне вот кажется, что моя проблема, увы, не решится, пока я живу с родителями. Дело в том, что мне очень слож-

но живется в родительском доме — такое ощущение, что засиделась в гостях. Нет, у меня есть хорошая одежда, я нормально учусь, родители не пьют, внешне всё в порядке... Но дело в том, что у меня нет психологического тыла: мои родители поженились только из-за того, что на свет появилась я. Возможно, это было их ошибкой, но вот уже семнадцать лет они вместе, у меня есть младший брат. Главным добытчиком в нашей семье изначально была мама — получается, в семье трое детей (один из них — мой отец). Мама работает с утра до ночи, получает в десять раз больше папы, но я ее почти не вижу. Дом, огород — всё на мне. Брат живет у бабушки. Я ни разу не обсуждала с мамой проблемы моей жизни — я с пяти лет привыкла все решать и делать сама.

Я хорошо играю в шахматы, нередко уезжаю на неделю и больше по России на турниры — и ни разу не скучала по дому. Потому что меня там не ждут. Я уже давно не праздную свой день рождения — не зачем да и с кем? В этом году мне нужно поступать в вуз, и я с радостью думаю, что наконец-то уеду из холодного дома.

Может быть, можно было бы посоветовать что-нибудь таким, как я? Ведь, наверное, ситуацию как-то можно поправить. Но не мне — мне уже поздно.

Марина, 17 лет
Томская область

Светлана
СОЛОЖЕНКИНА

ТЕНЬ ОТ ОБЛАКА

* * *
Весна прибежала и дразнится,
кидает в зиму снежком,
чистая, как первоклассница
с беленьким воротником.

Постой, не спеши, отличница,
не раз еще схватишь «кол»,
старуха-зима обидится,
а нрав у нее тяжел.

* * *
То лужи, то вновь поземка.
Серебряною лисой
метнется пурга в сторонку —
и выведет вензель косой.

Писала бы по линейчке!
Никто ничего не поймет.
Весна сидит на скамеечке,
с досады сосульку грызет.

* * *
Это вечно, неизбежно: полка с книгами,
в сирень распахнутое окно...
Оказалось только счастливыми мигами
то, что было навеки дано.

Я бессмертной была, и не знала про это.
Первым снегом бумага ложилась на стол...
Как мне нравилась штора зеленого цвета
тем, что отсвет бросала на пол!

Как мне нравился чай с легким привкусом дыма!
Он весь день кипел на живом огне,
красный уголь в печи, как руины Рима,
открывал величье пурпурное мне.

На закате стрижи с пронзительным писком
проносились так низко, как только могли...
И казалось счастье не то чтобы близким,
но покорно ждущим на краю земли.

И спешить туда мне было не надо.
Я и так, без счастья, - счастливой была,
потому что вливалась прохлада из сада
и, казалось, - звонили колокола.

Почему? Откуда? Ведь я же помню:
храм снесли когда-то на высоком холме...
Но вставало облако, светло и огромно,
и бежала тень от него по земле.

* * *

Я укрывалась голубою шалью,
я грелась возле красного огня...
Печаль глядела на меня с печалью –
а как еще глядеть ей на меня?

Нахохленную золотою птицей
она сидела в сумрачном углу...
И сладко было мне сомкнуть ресницы,
и не хотелось уходить во мглу.

Я поднималась, шевелила угли,
опять садилась около огня...
И золотая птица глазом круглым
внимательно смотрела на меня.

Что в сердце у меня прочесть хотела?
Когда-то я, любимых не виня,
сама тревожно и светло горела...
А вот теперь – лишь греюсь у огня.

* * *

Не ставь бокал на краешек стола.
Пожалуйста, ведь я тебя просила.
Неловкое движенье, всплеск стекла...
Мне больше смерть ничья не выносима.
Не ставь бокал на краешек стола.

* * *

Я Ибсена читаю. Мне пятнадцать.
По капле тонкий яд Пер Гюнта пью...
Я вечерами так люблю шататься
и кланяться знакомому репью.

Живу, как на вселенском перекрестке,
плыву корабликом средь вешних льдин...
А тетя Галя в плащике неброском
опять бежит с кошелкой в магазин.

И Коля Водолеев – вечный Коля! –
корову в стадо проводив, идет...
И звонкий ор грачиный слышен в школе,
а также – пенье ангелов с высот.

Заречка! Теплый космос мой родимый,
где куры, козы и лошадка есть.
Труба разворачивает свиток дыма,
в нем – письма, которых не прочесть.

Петух поет. Сегодня он в ударе:
еще бы, ослепительна весна!
А папа все играет на гитаре,
и мама вышивает у окна.

Все отцвело, отпело, отсверкало,
но даже тень былого на отдам,
когда, в пятнадцать, Ибсена читала,
не ведая своих грядущих драм...

* * *

Фонарь слепил глаза прохожим,
край их сознания теребил,
и было вовсе не похоже,
чтоб он кого-нибудь любил.

Свет должен намекать, тревожить,
просачиваться из-за туч,
а этот – не кричать не может,
он – серп и молот, а не луч.

Он все крушит, он все сминает,
победно комкает снега,
полутонов – не понимает,
его девиз: убей врага!

Нас всех преследует прожектор,
настойчивый и злой, как зной...
Вон человека ищет некто,
фонарик бы ему – ручной!

Лучи – как хлещущие плети,
я и не знала до сих пор,
что можно тосковать о свете,
когда он бьет и бьет в упор.

Луна, тебе поэтов жалко?
Меня в толпе за локоть тронь
и, хоть я вовсе не гадалка, –
позолоти мою ладонь!

* * *

«Пастушья сумка» – скромная трава,
ее легко узнает каждый школьник...
Со вздохом глянув на нее, вдова
припомнит вдруг солдатский «треугольник».

Без марок с фронта доставляли их,
те письма, а хранили – за иконой,
и был закат непоправимо-тих
тогда, на волосок от «похоронной».

Нет, не причем пастух тут... В тишине
Иная в сердце западает думка:
всем, кто писал войною – о войне,
есть травка-памятник – «пастушья сумка».

* * *

Приходит ностальгия по Уралу.
Она могучей, светлую волной
сто тысяч раз мне сердце омывала,
но вновь, как в детстве, я хочу домой.

Я прохожу с закрытыми глазами
по улице, где знаю каждый дом,
с любимым прохожим поделюсь я снами,
но он, боюсь, поймет меня с трудом.

Какие сны? Пора сажать картошку!
Зевая, бабка мелко крестит рот.
И триумфальной аркой встала кошка,
победно спину выгнув у ворот.

Обычный день. Поют негромко птицы –
джазофрения не коснулась их,
и тень былинки зыбко серебрится
на камешках, как небо, голубых.

Я вдоль реки бреду, куда – не знаю,
свой путь не ведает сама река...
Я вечером вернусь домой иная:
меня весь день касались облака.

И точка пресловутая опоры
мне больше никакая не нужна:
довольно, что вдали синеют горы...
Жемчужиною в сердце – тишина.

СЛОМАННАЯ КУКЛА

Роман

Иллюстрации Левона ХАЧАТРЯНА

6 Перемены внешней жизни совпали с прямо-таки революцией того, что происходит за кулисами, тайно от иных, и тем не менее, играет не просто важную, а все определяющую роль.

Речь идет об интимной жизни.

По старым временам частное обитание человека оставалось яством психологов, а паче того — психоаналитиков, теперь оно стало жратвой быдла, трясущегося ночными часами у окошка телека в мире чужих страстей. Мне же придется окунуться в эту сферу, увы, по необходимости, которая много, если не все, объяснит, ведь не зря Маса так любила разгадывать скрытый смысл, тайные причины.

Впрочем, упрятанное от лишних глаз — не только повод для разгадок и удивлений, особенно детских, а вовсе недетские пружины весьма серьезных поступков. Не зря же так многое объяснил австриец по имени Зигмунд Фрейд, основатель анализа человеческих действий, скрывааемых, но не скрытых...

В общем, Маня еще до загса кинулась в интимную связь с Вячиком словно в омут — со страхом, очертя голову. Перед сим была выпивка, она наглоталась водки, как снотворного, чтобы анестезировать себя, не думать ни о чем — ведь долгих пять лет у нее не было мужчин. Она считала это главным условием верности погибшему Лехе.

Букеты роз, проводы домой и встречи у Бауманки, приглашение на работу за неслыханную зарплату — все это были приманки к настоящему соблазну, и не следовало строить из себя мудрую Кассандру, чтобы разобраться в произнесенных словах и неизъявленных желаниях. Ни она, ни он не были детьми, тинэйджерами — напротив, взрослыми, немало повидавшими людьми, и весь этот ухажерский флер означал более или менее приличную упаковку неведомого, но ясного. Запрос выглядел вполне очевидным, и Маня была откровенно поражена, когда за первыми же интимными встречами последовало предложение Вячика зарегистрировать брак.

Окончание. Начало в №2.

Итак, выпившая, страшась, закрывшая глаза от грядущего ужаса искушения и предательства, Маня нежданно, без больших переходов, ощутила сначала облегчающее освобождение и сразу за ним – радость удовольствия.

Мужчина, добившийся от нее самого последнего, оказался необыкновенно сильным, неутомимым, энергичным, основательным – все активные определения годились ему.

Дело, по требованию Мани, происходило в полной темноте, и хотя это чудодействие начинающих, оно помогло ей разобраться в радуге накативших плотских радостей.

Если уж признаваться до конца честно, происходящее напоминало ей ее дебют на предпоследнем курсе с Алешкой, но отличалось тем, что первый ее мужчина был юн и неопытен, как и она (впрочем, она отталкивала, выпихивала из сознания это воспоминание или, точнее, сравнение), а новый мужчина, второй по счету, был просто виртуоз, если дозволено будет так выразиться.

В ее голове мелькнуло молнией, тотчас же и погашенной, что иступленность, с которой осуществляется близость, не может быть русской, она точно непонятно восточная, необъяснимая – но поразительно сильная, наполняющая, высокая.

Она расслабилась, развалилась, как разваливаются человеческие тела на хирургическом столе под влиянием небольшой доли яда кураре – чтоб сподручнее было доктору резать и шить людскую плоть, и этот ее чудесный хирург резал и шил, вбрасывая в сознание сияющие, радужные, мучительно постыдные картины.

Во время первой их близости Вячик просто измучил ее. И в то же время открыл ее: распахнул все форточки бабьей плоти.

Женские радости многообразны. Но, увы, не всем удастся даже просто проснуться, если речь об интимной жизни. В сущности, утро самосознания похоже на выигрышный лотерейный билет – не каждой он достается, и миллионы уходят из жизни, так и не отведав полноценной радости. Замученные работой, готовкой, стиркой, гладкой прекрасные и несчастные женщины державы, кичащейся собственным величием, миллионами так и не одарены простой радостью ощущения полноты собственной плоти.

Но – помните? – Мария Николаевна всегда была отличницей. Мотаясь по магазинам и выбирая мебель, расслабляясь в сауне фитнес-клуба, посещая галантерейные магазины и парикмахерские салоны, она немало дум посвящала тому, что ждет ее грядущей ночью, а потому заглядывала в книжные магазины. Ведь знание, которого ей не хватало, не займешь, например, у матери, которая и без обмена словами сама-то пещерный человек относительно крытых обстоятельств бытия.

В каком-то магазине она купила книжку с привлекательным названием «Любовь и воля» знаменитого, по всему, американского психиатра Ролло Мэя. По дороге из магазина в клуб, развалиясь в кожаном удобстве «мерседеса», она подчеркнула полированным, ухоженным ногтем указательного пальца такие строчки:

«На Западе традиционно говорят о четырех типах любви. Первый – это секс, или то, что мы называем вожделением, либидо. Вторым является эрос, любовь, как стремление к воспроизводству или творчеству – высшим, по мнению древних греков, формам бытия и отношений между людьми. Третий тип – это филия, или дружба, братская любовь. Четвертым типом является агапэ (или каритас, о которой говорили древние латиняне) – забота о благе другого человека, прототипом которой является Божья любовь к человеку. Любое человеческое чувство подлинной любви является смесью (в различных пропорциях) всех четырех типов любви».

Маня откинула голову на кожаный подголовник, втянула ноздрями устойчивые мерседесовские ароматы. Он знала теперь, чем пахнет машина ее патрона и мужа – сладострастным мужиком, большим восточным умельцем, немногословным, но выразительным в своей особенной тайной жизни.

Еще до загса, может, после той, первой ночи, он кратко признался ей:

- Ты такая большая... Люблю, когда тебя много.

Вот тебе и вся наука. Она рассмеялась, а что можно было ответить? Поколение отца и мамы, как некий гранитный барьер, отделяет от нее именно это: умение и неумение не только владеть, но и управлять новыми виртуальными технологиями. И вот она, мастерица сложных математических эскапад, подчеркивает ухоженным ногтем азбучные прописи высокой грамоты. Бог ты мой! Какая же она темная в светлой своей сверхобразованности! Выходит – она хохотнула про себя, – теперь попала на кафедру профессора, большого специалиста в области совершенно особых наук. Сокращенно: СОН.

В сауне после фитнеса она оказалась среди еще троих полусветских дамочек и, разнежившись от жара, пересказала им чуть не дословно прочитанный в машине абзац. Оживление это вызвало пренеобычайное. Дамочки, едва прикрытые простынями, кто постарше, кто помоложе, оглядывали выдающуюся и без одежды Маню какими-то новыми, возбужденными взорами, и такая развернулась в предбаннике дискуссия – радостно визгливая, почти щенячья и совершенно непрофессиональная, – что Маня всерьез решила: надо учиться.

7 Как и все иные дисциплины, эта давалась ей легко. Сходив к врачам и купив целый комплект таблеток, облегчающих женщин от опасностей и страхов, она освобожденно кинулась в стихию Вячика, не забывая при том ни Мзя, ни Фрейда, ни Юнга – впрочем, она скупала все новинки на заданную тему, пренебрежительно отвергая, конечно же, горы макулатуры ширпотребного свойства для особой женского пола низших степеней развития. Почти сразу Маня поняла, что книги, которые она держит в руках, – не просто прежде скрытое (похоже, не только от нее) серьезное знание, а ключ к вещам куда более важным и ранее небывалым.

Поразительное дело, чем дальше удалялись они от пространства, называемого медовым, тем Вячик становился все более оголтелым и требовательным. Однажды Мане даже пришлось в голову сравнение: она — породистая корова, а он горный баран с упорно закрученными рогами, сильный, запальчивый, неутомимый, но баран, которого только его переполненность и влечет к богатому телу. Тем не менее, корова плавала в наслаждении, покоряясь любому поворотам тел и изощренной игре воображения.

Кроме метафоры о корове и горном баране, была еще одна трудно преодолимая данность: рост. Еще в самом начале их постельных утех Вячик со смехом сообщил Мане, что в постели все равны — это было его главное интеллектуальное постижение, на что Мане следовало поддерживать его согласительным смехом. В быту же она спрятала все туфли с каблуками, доставая их лишь по особым случаям и непременно откликаясь на пожелания Вячика, — и ходила в плоской обуви, не приближаясь к нему близко.

Всякий раз, когда это правило нарушалось, она смотрела на него сверху вниз и терялась, если шел разговор, точнее, сбивалась — и это был ее сформированный и укрепленный комплекс прошлого: Маня вспоминала облегчение и радость в разговоре с ректором, высоким, как и она, но особенно — Леху. Ей было просто иметь дело с равным себе, пусть хотя бы по росту, и неудобно с тем, кто ниже, а, может, и выше: был однажды такой разговор на перекрестке коридоров Бауманки с длиннющим баскетболистом, который пытался к ней подкатиться.

Она вздрагивала, что-то искрило в ней, какое-то короткое замыкание, она торопливо садилась, например, или делала несколько шагов в сторону, так, чтобы Вячик ничего не заметил и разговор шел по прежнему кругу, — и никакое материальное благородство мужа, никакие волнующие воспоминания о ночных развлечениях, ни даже гости, если они случались, не могли перебить это чувство неравенства, которое мгновенно, как электроток высокого напряжения, ударяло Маню.

После чтения этих книг, разбросанных по кабинету Вячика — уж так получилось с первых же дней, что кабинет стал ее любимой комнатой, а любимым местом Вячика оказалась спальня, — Маня подолгу лежала на диване, глядела в окно, без всякого, впрочем, отчаяния или особенной раздумчивости — просто лежала, смотрела, потом встряхивалась, думала, улыбаясь, что становится похожей на отца, который так любит глядеть в окно, что это стало его привычкой. Что происходило с ней в детстве? Ведь она прожила в родительском доме, как безмолвная герань на окне. Расцветала от тепла, причем не обязательно веснами, но и зимой. Ее радовали книги, она едва ли не единственная из класса освоила все, что полагалось по программе внеклассного чтения. Но в равной степени Мане была любопытна математика с ее тяжелой для кого-то логикой, которая внимательно и неленивому оказывается потаенной и удивительной радостью.

...Маня бросала книжку на стол, промахивалась, и она с шумом падала на пол, но это никого не беспокоило в доме. Маша была в школе, Вячик в офисе. Маше позволялось жить, как ей захочется, и это сбивало ее с толку. Работница и жена сразу, попробуй-ка в этом разобраться? Она путалась в деньгах, которые ей платили в качестве зарплаты, и тех, которые давал Вячик на расходы, не знала, где время для работы, а где настает пора общественных связей, что тоже ведь работа. Право слово, нелегко было разливаться, расчертить эту божественно вольную жизнь, не ограниченную звонком будильника, автобусной давкой, получкой два раза в месяц – аванс и расчет, какие глупые, забытые слова! – которой не хватает и на пару недель, счетами за квартиру, тайной арифметикой у застекленного прилавка – хватит или не хватит того, что зажать в кулаке, на пальмени и молоко...

Никто ничего от нее не требовал. Скинуть халат, принять душ, набрать номер – и у подъезда объявится «мерс» с запахом ночного зверя, а дальше можешь следовать, куда заблагорассудится... Но что будет, если... Как подумаешь, что ведь теперь у Мани нет собственной квартиры, пусть убогой; что работы при некоторых обстоятельствах можно лишиться в любой миг, а, значит, и денег; что муж – это единственный владелец ее жизни, и не будь его с его работой и деньгами, что останется?

Маня думала все чаще о своей зависимости, о своей принадлежности, даже рабстве, и когда ночью Вячик требовал от нее прежде немыслимого, покорно подчинялась.

8 Роскошная мамина спальня была расположена в противоположной от Машинной комнаты стороне: их отделяли дверь спальни, коридор, дверь в гостиную, пространство гостиной, дверь из нее в совсем маленький коридорчик перед комнатой девочки и еще одна дверь. Звукоизоляция полная. И все же порой Маша слышала сквозь сон смех, разговоры, шум воды в ванной.

Девочка переворачивалась на другой бок и продолжала спать, а то и вовсе ничего не слышала. Жизнь взрослых ее не касалась – при всей любви разгадывать тайное. Прежде она страдала за маму, думала о ней почти беспрестанно, но вот жизнь Мани установилась, они с Вячиком, как две здоровые касатки, нырнули на глубину, невидимую и недостижимую Маше, и играют друг с другом, что ж, это их, взрослое дело, а касатенку, который зависит от них, но не может так глубоко за ними нырнуть – да и не требуется этого – надо плыть своей дорогой, и если на глубине, то небольшой, теплой, прогретой добрыми лучами солнца.

Новая школа заполнила Машу по самое горлышко: не так-то легко в двенадцать лет менять товарищей и подруг, учителей, даже сам класс. И хотя класс этот оказался приветливо-светлым, выходил на солнечную сторону, а лица учителей излучали сплошное сияние, она сразу поняла решительное отличие новой школы от старой. Первая ее, останкинская школа была какой-то простоватой

и учителями, и их обличем, и разговорами, даже, кажется, самым образом обучения, и детьми, простого, как выяснялось теперь, происхождения.

Школа неподалеку от Кремля – каких-нибудь пять-шесть кварталов – во-первых, походила на даму с высоким, наглухо застегнутым воротничком. В Останкине, по нынешним временам, при входе тоже стояли охранники, но какие-то небритые, пожилые и сильно разгильдяистые, совершенно небдительные и благодушные. Они просто присутствовали при входе – вот и все. Здесь же охранник стоял прямо перед входом, подражая американской морской пехоте: в берете с какой-то аббревиатурой по борту, в серых навыпуск брюках и в высоких ботинках со шнуровкой, рубашка с такой же аббревиатурой была туго заправлена в брюки под широкий и блестящий ремень. А стоял охранник на дороге, и попробуй оставь дома нагрудный пластиковый квадрат с именем и эмблемой школы, которая считается пропуском в школу! Крику будет, вызов звуча прямо к двери или дежурного учителя!

А уж взрослых в школу, и родителей поперед всего, пускают только после предварительно созвона, записи в специальную книгу и предъявления документов. Так что школа по имени лицей прежде всего была изолирована, полузакрыта и, как постепенно понимала Маса, не только по причине безопасности – это было удобнее ее взрослым обитателям.

Закрытость почти автоматически означала строгость, а строгость – власть над учениками, да-алеко не всегда беспристрастную. Директриса лицейская напоминала вождя в юбке. И хотя такого слова нет, дети звали ее вождицей. Возраста скорее преклонного, наверное, за пятьдесят, вождица специально носила каблуки, окованные латунью, так, чтобы если она идет по коридору во время уроков, все слышали ее приближение. И, соответственно, вибрировали. Вибраж распространялся не только на учеников, но и на учителей.

С детьми прилюдно она говорила крайне редко, в пожарных случаях предпочитала вызывать в свой кабинет. Там же общалась с учителями. И с родителями. Пару раз, во время перемен, Маса встречала у дверей вождицы расстроенных и растерянных взрослых, только женщин, ведь отцы в школу не ходят. Эти женщины походили на провинившихся учениц: было ясно, что их призвали на выволочку или еще какой другой неприятный разговор, и одеты эти женщины всякий раз посредственно, а то и бедновато, без особенки, отличающей людей состоятельных или влиятельных. Маса ловила себя на мысли, что опять ищет тайное в явном, но шаг придерживала, к женщинам этим, к родительницам несчастным, приглядывалась с недетским пониманием и жалостью.

Однажды она увидела тут и маму, но совсем в другом состоянии: дверь вождицы распахнулась, из нее вышагнула ее любимая красавица-верста, толкающая перед собой запах как минимум «Живанши» номер пять, метра два этого запаха, как будто пар-

воз,двигающий впереди себя платформу, но только с пленительным и воздушным ароматом, за ней, семена, выкатилась вождица, они, не замечая ни перемены, ни редких учителей в коридоре и уж тем более детей, включая Масю, пошли к выходу, и Маня снисходительно как-то склоняла голову вбок, к директрисе, а та, несравненно ниже Мани, головы на две, на три, приплясывала обочь и чуть сзади, поднимала высоко кверху свое рыльце, понятно, исполненное самого высокого радушия и подобострастия.

Мася механически сделала вслед за ними несколько шагов, потом остановилась и повернулась спиной, чтобы, не дай Бог, не заметили и не позвали.

Эта картина вписалась в Масин компьютер: в норковой шубе, на каблуках, с короткой стрижкой, высоченная стройная мама, благоухая, идет с мелкотравчатой вождицей в суе школьного коридора, спиной к ней, а потом покровительственно, но и дружески хлопывает начальницу по плечу. И та – ничего, глотает. Даже, кажется, с удовольствием.

За ужином Мася потребовала от матери отчета. Похоже они с Вячиком уже пережевывали эту тему, остались одни объедки.

– Да так, – лениво объяснила Маня, – пустяки. Тебя, в общем, не касается. Требуется спонсорство – на ремонт, оборудование, учебники, типичное вымогательство.

– Брось ты, – вмешался Вячик, – это жизнь. По крайней мере, можешь выбросить одну проблему: Машину учебу.

– Но почему наличными-то? – не то поразилась, не то восхитилась мама. – Разве не ясно? Ну попроси оплатить счета – строителей там, магазины, еще кого! Так нет, наличные!

– Угомонись, – рассмеялся Вячик, и мама угомонилась, а Мася смотрела на них во все глаза, по-взрослому понимая: ей в этой школе будет лафа.

И хотя она без того не ленилась, учиться здесь, у Кремля, стало совсем легко: пятерки летели в дневник целыми стайками, будто красивые бабочки в сачок на жаркой летней поляне.

9 Все это, однако, не было главным в жизни маленькой Маши, хотя и волновало и заставляло задуматься, однако двигалось по боку, и если уж говорить о поляне, то находилось на краю. Главной была классная жизнь, уроки, учителя, но еще главней – народ, девочки и мальчишки разной масти и качеств.

Посадили Масю рядом с хрупкой, тоненькой девочкой Аней Бочкаревой на вторую парту у окна, отправив с этого места Вовика Лебединского в угол симметрично противоположный – на вторую парту с конца, в ряду у двери. Он что-то такое пробормотал невнятное, зато Анечка приветливо повернулась к новой соседке и протянула: «Слава Богу!»

В этот первый миг своего перемещения из жизни в жизнь Маша сразу заприметила только одну еще личность – сероглазого русого мальчика на параллельной с ней парте и месте. В первый же день

она узнала от учительницы, вызывавшей его к доске, что зовут его, как отца, Алексей, а фамилия так просто удивительная – Благой.

Алексей решал алгебраическую задачу на доске, плюхался, схватил трояка, а Маша разглядывала это привычное, в общем-то, зрелище с новым для себя интересом: мальчик ей понравился.

У доски он нервничал, что-то знал, но не точно, и учительница, сухая и застегнутая до горла, как и сама школа, надменно ему подсказывала, демонстрировала свое «фэ» неблестящему ученику, а в конце концов снизошла до тройки, разделяя слова, забывая как бы алгебраические гвозди в мозги класса, сформулировав правило и показав неправильности, которые совершал Алексей.

Перед тем как сесть за парту, он вытер влажной губкой пальцы, испачканные мелом, и вернулся на место с безразличным лицом.

Маша хлопала глазами, внимала происходящему с улыбкой привыкания: новые люди, учителя, класс еще много сил потребуют. Анечка шепнула:

- Пронесло!

Пронесло, удивилась Маша, тройку получил, и пронесло? В отличие от мамы, маленькая Маша никогда не была круглой пятерочницей, но с математикой, видать, по наследству, дела обстояли благополучно. К ним примыкала физика. А в остальном она не напрягалась, относясь к литературе просто с любовью – ведь она обожала читать, но совершенно не могла запомнить правил русского языка – и запросто хватала трояка. Тосковала на истории, в общем, была равнодушная гуманитарка.

Впрочем, это почти не имеет отношения к повествованию, просто чуть позже Маша узнает, что Алексей Благой как раз все наоборот по сравнению с ней. Точные предметы для него – зеленая тоска, зато историю он обожает и знает, равно как и по русскому у него, слава Богу. Единственное, что у них было общим – литература, хотя и не классическая, которую проходят в школе.

Двенадцать лет вроде бы слишком рано для влюбленности, и Маша с Лешкой просто были знакомы, разговаривали по дороге домой, потому что их путь поначалу шел в одном направлении и лишь потом расходился. Скоро Маша узнала, что Леха из потомственной профессорской семьи: и отец, и дед, и прадед – все профессора филологии Московского университета – были или есть, потому кое-какие знания ему передались, видать, через кровь предков, впрочем, как и нелюбовь к математике, и ничего уж тут не поделаешь: это стихия.

Лешка и в самом деле знал множество всякой ерунды, как он сам выражался, знал назубок множество стихов самых невероятных поэтов, о которых, как проверяла потом Маша, даже слыхом не слыхивали не то что мама или там, к примеру, Вячик, но даже дед Николай Михайлович, человек все же гуманитарный и исторический. Например, он ничего не мог сказать про армянского поэта далекой древности Григора Нарекаци, а Лешка сделал о нем доклад, да такой, что учительница литературы просто обалдела.

В отличие от всех застегнутых, Елизавета Петровна, по прозвищу Лизуня, была как бы всегда полурасстегнута и походила на цветок: кофточка на ней были цветные, с рюшечками и кружавчиками, блестящие и нарядные, а головка – чернявенькая, прилизанная, углаженная на бока и разделенная пробором, – выглядывала, как большая тычинка из наворота цветастых лепестков.

Лизуня поначалу кивала Алексею Благому, пока он рассказывал, что Григор Нарекаци, ученый монах из далекой древности, и жил тогда, когда и одностысячного-то года от Рождества Христова еще не исполнилось – в девятьсот пятьдесят с чем-то году. Но когда Алексей достал пухлую книжицу, обернутую в газету, и начал читать стихи, Лизуня ушла незаметно на заднюю парту и как мышка устроилась там.

Лешка читал совершенно не артистически, даже как-то сухова-то, будто нарочно очищал слова от всяких там чувств, а выходило потрясающе. Их, все время называемых детьми, словно опрокидывали с какой-то скалы в новые слова и новые мысли, будто бы доступные только взрослым. И они все обалдели, умолкли, ни на каком уроке еще не бывало так тихо, когда Алешка читал стихи армянского монаха.

И зря, конечно, Лизуня, желтый в тот день цветок с черной тычинкой головы, не поверила все-таки в их силы и после того, как Алешка закончил чтения, принялась им что-то такое разжевывать и дополнять, а потом хвалить Благого и ставить ему пятерку. Не в том было дело, не в похвалах и пятерках, а в словах, точнее, даже в необыкновенных мыслях, которые выступили из полутемных кулис древности и их, новых людей другого века, просто ударили.

Мася, может быть, впервые почувствовала какую-то боль от стихов. Они ее сначала подавили, будто камень какой навалился на сердце, а лотом в глазах получились слезы. Она проморгалась, незаметно смахнула их рукавом, а в перемену попросила Алешку:

- Дай мне эту книгу.

Он опустил голову, сказал:

- Не могу. - Потом вскинулся: - Ты не обижайся, но это дедова драгоценность, я поклялся, что принесу ее домой.

Мася сказала:

- Тогда дай переписать. Хотя бы те строчки, как он просит Бога. Ты читал...

Они остались после урока, и Мася торопливо переписала в тетрадку слова, которые так обожгли.

*Меня, мой благодетель совершенный,
Хоть жалости не стою, пожалей
И вместо меди звонкой, но презренной
Даруй мне золото милости своей.
Не повергай меня в смертельный страх
И не ожесточай мой дух скорбящий,
Не обреки бесплодным быть в трудах.*

*Как пахаря на почве неродящей,
Не дай мне лишь стенать, а слез не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучею, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться
За помощью к бездушным приходить,
Рыдать без утешенья, без ответа
Не дай мне у неслышащих просить.
Не дай, Господь, мне жертву приносить
И знать, что неужодна жертва эта,
И заклинать того, кто глух и нем.
Не дай во сне или наяву однажды
Тебя на миг увидеть лишь затем,
Чтобы не утолить извечной жажды.*

Маша переписывала стихи, ощущая холодок во всем теле. Слова, которые она писала, были совершенно обыкновенные, но, соединенные вот именно так, получались совсем другими, что-то в них наливалось, какая-то влага – не светлая, не тягучая, а трудная – наверное, так: влага с совсем не подходящим к жидкости определением.

Потом они пошли домой, и Маша спросила Алешку:

- Ты веришь в Бога?

- Да, - ответил он спокойно. - А ты?

- Не знаю, - растерялась она, совсем не ожидавшая, что и ее спросят об этом. - Наверное, да... Но я не знаю, как.

Он хотел что-то сказать или спросить, но не спросил, ведь напрашивалось-то узнать, что же за родители у Маши, а он уже знал, она рассказывала раньше. Рассказывала и про то, что у них в семье три Марии. Он тогда спросил:

- А ты знаешь хоть, как Богородицу зовут?

- Мария, конечно, но мы не богородицы.

- Да уж ясно, - ухмыльнулся Благой. - Но все-таки могли бы хоть свечу ставить заступнице нашей.

- Нашей? - переспросила Маша.

- И вашей тоже, - сказал он.

10 Алексей не был высоким, но то ли русая голова его, то ли свет, который собирали его волосы, особенно в солнечный день, делали Благого ярко обозначенным центром класса. Маша постоянно заглядывалась на него, особенно когда не надо было писать, а только слушать, допустим, рассказ учителя, и Алеша улавливал этот взгляд, чуть-чуть поворачиваясь в сторону, откуда смотрела Маша и, едва улыбаясь, посылал ответный знак.

Анечка Бочкарева, прямо под носом которой пролегалли незримые нити этих взглядов, чувствовала их, ощущала, слегка укоризненно поглядывала на Масю и вздыхала. Маша садилась прямо, отводила взор, слушала учителя и не слышала его.

Однажды Анечка спросила ее, читала ли Маша «Ромео и Джульетту». Маша ответила, что не читала, но смотрела фильм.

- Фильм, - сказала Анечка, - не сумел самого главного.

- Да? - удивилась Маша. - Чего же?

- Объяснить, сколько им было лет.

- А сколько?

- Четырнадцать.

Маша задумалась. До четырнадцати ей было не так чтобы далеко, да и о Благому тоже. Но и не о любви речь, как у Шекспира. Просто он... Она не знала, как подумать. Светлый мальчик, вот и все. И влечет его свет. А ей еще не стыдно поиграть в куклы.

И хотя ее сломанная кукла - а вся сломанность только в том, что глаза не закрываются, когда ее укладывают спать, - сидит всегда перед ней на краю стола, уютно загороженная лампой с зеленым абажуром и стопкой запылившихся книг для внеклассного чтения, Маша давно не играет с ней и даже не думает о ней.

Ведь забывая о куклах, девочки начинают видеть во сне светлых мальчиков, черноволосых мальчиков, веснушчатых мальчиков, но вовсе это не любовь и никакое не преддверие даже любви - просто, наверное, так выглядит тайное осознание девочкой, что она девочка, а мальчики - это совсем другое.

Однажды выйдя из школы, Благой вдруг сказал примерно такое: как удивительно знать, что по улице, где мы идем, когда-то ходил и Пушкин. Маша рассмеялась такому неожиданному повороту мысли: они - и вдруг сам Пушкин.

- А чего тут смешного? - спросил Алеша. - Ты бывала в храме, где Пушкин венчался с Гончаровой?

- Нет!

И они пошли к пересечению Бульварного кольца с Никитской.

Войдя в церковь, Маша, как многоопытная старуха, натянула на голову шарфик. При входе Благой купил две свечки, одну протянул ей и, не оборачиваясь, двинулся к образу Богородицы.

Маша бывала в церквях, но со старшими, чаще всего с мамой, а ведь и редко - так что, когда Алеша быстро отошел от нее, замешкалась и растерялась, вовсе остановилась.

Она стояла и смотрела на Алексея, как он стоит перед большой церковной иконой в киоте и тускло сверкающем окладе, крестится и что-то шепчет - издалека она видела, как шевелятся его губы. Свечу он уже зажег и поставил. Солнце сквозь боковое окно вновь осветило его голову, и выходило, что кто-то сверху благодарил, благословлял, осенял своим теплом и светом его золотистые русые волосы.

Полутемная икона с мерцающим окладом и светлая Алешина голова были в согласии и взаимном приятии - не хочешь, а поймешь это, почувствуешь. Благой дошептал слова свои, перекрестился, поклонился и повернулся к Маше, подзывая ее к себе.

- Зажги свечу, перекрестись, попроси у Богородицы прощения и благословения.

И отошел. Маша не знала, как креститься, не умела молиться, не думала, о чем попросить. Но вдруг на нее нахлынул теплый жар, волна какая-то подхватила, и неумело крестясь, она прошептала:

- Прости, пресвятая Дева, и помоги нам, трем Мариям, праведно быть.

Она не знала, откуда взялись слова ее, особенно такое, никогда раньше не употребляемое ею слово «праведно»; стояла, вглядываясь в иконные сумерки, и солнце, входя в окно, грело ее волосы, точно одобряла и поощряла чья-то незримая, но добрая рука.

Когда они вышли из храма, Маша поняла, что была там напряжена и взволнована. Поняла по тому, что напряжение и волнение проходили, отступали. Они шли молча, говорить не хотелось. Для самой себя неожиданно Маша спросила:

- А ведь необязательно, правда, что любовь - это поцелуи и все такое взрослое, а? Как по телевизору? Есть ведь просто чистая любовь. Или это выдумки?

- Нет, конечно, - ответил Алексей. - Не выдумки. Есть ведь Божья любовь - самое главное. А среди людей - любовь братская и сестринская, милосердная. Это чистая любовь, про это и Пушкин пишет, и тот же Григор Нарекаци.

Он так и сказал - пишет, а не писал, в настоящем, а не в прошедшем времени, и Маша услышала это, почувствовала и снова поразилась свету, который там, в храме и в школьном классе, и здесь, на улице, шел от Алексея.

Она тихонько и согласно рассмеялась, а Алексей своим чистым голосом опять стал читать великого Нарекаци.

*Сколь, Боже, Ты велик, столь я - ничтожен.
Ты - свет, о Господи, я - мрак ночной.
За грех свой я тобой не уничтожен.
Я грешен пред твоею добротой.
Порой мой нрав лукав и путь мой ложен.
Воистину, ничтожен я и грешен
Пред силой милосердья твоего,
Что сотворила все из ничего.
Перед Тобой, кем я бывал утешен,
Мой грешен дух и грешно естество.
О Господи, я грешен, грешен, грешен.
Я грешен трижды, грешен пред Тобой.
Перед тропой неисповедимой,
Пред милостью Твоей непостижимой
Я грешен в большей мере, чем другой.
Перед Твоею правдой я - лукавый,
Бесславный пред Твоей бессмертной славой,
Пред кровью чистой, пролитой Тобой,
Я грешен, грешен я, о Боже правый!*

Алеша шел по улице прямой, строгий, взгляд его был обращен вверх и, казалось, не Маше вовсе даже произносит он эти неслы-

ханные слова, а кому-то еще, и даже не кому-то, а чему-то: какой-то власти, что ли, какому-то престолу, какой-то невидимой, но обязательно доброй, прощающей людям, силе.

Маня еще усмехнулась про себя: грешен, грешен, читает Аляша, но ведь он самый безгрешный. Отчего так мучается?

11 В этот самый миг произошли два события.

Старшая из Марий передала риэлтеру шестьдесят три тысячи заработанных ею вместе с мужем долларов на покупку трехкомнатной квартиры в новостройке – конечно, подальше, чем их прежнее жилье, но комфортнее и просторнее. Прежнюю квартиру все тот же риэлтер должен был продать тысяч за сорок минус коммиссионные, и экономическая защищенность, материализованные усилия Мапы и Николая Михайловича, таким образом, сохранялись. Этаж, правда, был третьим, что сокращало в прямом смысле слова кругозор Николая Михайловича и время, которое он прежде проводил, вглядываясь в столичную и историческую даль.

В этот же миг Маня, возвращавшаяся в «мерсе» с клубного ланча, попросила водителя срочно затормозить от неожиданно подкатившего к горлу комка. Едва она успела распахнуть дверь, как ее вырвало. Она ругнула мысленно хозяйку клуба вместе с ее рестораном – что-то, видать, было не первой свежести заложено в салат или куда там еще. Но ее рвало – надсадно, с желчью.

У «мерса» остановились двое – чтоб им неладно было. Какой-то бомжового вида мужик Маниных лет, если его отмыть как следует, и согбенная, скукоженная старуха.

- Вот сучки! – воскликнул мужик. – Натрахаются, нажрутсЯ да еще и углы наши облевают!

- Не бойсь, милай! – сказала хрипло старуха. – Отольются им наши слезки! Он-то все видит! – И наклонилась к Мане. – Ужо тебе, продажная тварь! Ужо!

Маня всхлинула – не от обиды, от неудобства, захлопнула дверцу, велела ехать. Но сцена не выходила из головы, и, приехав домой, она стала искать Пушкина. Но Пушкина не было. Не было Пушкина в их доме.

Она позвонила филологичке Линочке, спросила ее, где у Пушкина кто-то говорит: «Ужо тебе!»

- Может, юродивый царю Борису, – уточнила она.

Линочка обещала перезвонить и скоро перезвонила. Оказалось, у Пушкина эта угроза есть, но не в Годунове, а в «Капитанской дочке»: «Ужо тебе будет». Но есть и у Блока, в «Двенадцати»: «Утек, подлец! Ужо, постой, Расправлюсь завтра я с тобой».

Закончив филологические разыскания, Маня вернулась к своему состоянию – поневоле вернешься, если снова рвет.

Во время одиннадцатого приступа она махом оправдала и клуб, и ресторан, и кухню с их хозяйкой. Вдруг ей пришла в голову – как вспышка! – идиотская мысль: она беременна.

Через сутки это подтвердили врачи.

12 Сперва она кляла себя, не понимала, как опростоволосилась, - подвели эти хваленые иностранные таблетки, - сначала сама себе, когда пойти на аборт. Между делом проболталась по телефону Линочке, а та заверещала от восторга.

- Манька, - кричала, - да ты же получила вторую попытку! Радуйся!

Примерно так же отреагировала мать, конечно, со своим акцентом:

- Это средство укрепить семью.

Самому главному, Вячику, призналась последнему, да и то в неловкой ситуации. Когда он в очередном приступе ночного бешенства перевернул ее и принялся атаковать уже и не с бараньим, а каким-то волчьим бешенством, кусая спину, ее просто вырвало прямо на подушки. Но он не остановился и рычал по-звериному, пока не достиг своего апогея. И только потом спросил:

- Что случилось?

Убрав за собой, сменив подушку и простыни, успокоившись, призналась, что беременна и прикидывает, когда сподручней сделать аборт.

Признаться, она побаивалась этого момента, неохотно, но все же просчитывала, что он скажет. Но он молчал. Лежал рядом с открытыми глазами, глядел в потолок и молчал.

- Ты слышал? - спросила Маня.

- Слышал, - равнодушно, думая о чем-то своем, ответил Вячик.

- Понял?

- Понял.

- И как мне поступить?

- Да как хочешь.

- Может, даже и оставить?

- Ну и оставь...

Мужчины, наверное, чаще негодуют, когда жены говорят им такое, или радуются, как в американских фильмах, но оставаться совершенно равнодушным - такого Маня не ждала.

Она повернулась, выключила свет и лежала в темноте с закрытыми глазами, не в силах по достоинству оценить происшедшее. И все-таки, по логике, ее как бы задвигали чуть назад, когда она была совсем одна и сама принимала решения. Теперь вроде замужем, однако муж возвращает ее в одиночество - думай сама. Но так не положено. Скажи «нет», но скажи! Они не молоды, ему, похоже, не хочется быть отцом, да и ей не двадцать и даже не тридцать. Так в чем же дело?

Постепенно из забвения выплывали ночные видения: ее Леха, первая беременность, волейбольный зал, мертвый ребенок. Бог мой, как это было давно и какая же она на самом деле сука: Леха забыт, а первого ребенка будто не было вовсе, да и Маша где-то в стороне оказалась, и она, будто молодая стерва, резвится тут в роскоши, тусуется в клубах, катается на «мерсе». Удобная, но ведь свинская жизнь - разве не ясно? И неужто во имя достижения этого

родилась она на свет Божий, училась в Бауманке, страдала? И ради этого свинства, во имя его не знает теперь, как быть с зачатым дитем своим, торгуется с собственной совестью?

Да вообще-то кто она теперь такая? Раньше, в студенчестве, все ясно - ее окружал другой мир. И она дитя того мира - как ни карабкается, ни хамелеонствует, ни приспосабливается сейчас. Впрочем, есть даже научный термин - адаптация, приспособление, в том числе и к новым обстоятельствам, к новой жизни. Она адаптировалась, это так. Но ведь не благодаря себе и своим усилиям. А благодаря Вячику. До него она не могла приспособиться к новым правилам. Сначала - не хотела, потом - не могла. Так что она заложница другого. Другой воли, других возможностей, которые ей, в сущности, не принадлежат. Все - Вячик. Все блага - от него.

Господи, она и заложница и наложница - вот что. Но наложница со странными правами: решай сама, выносить тебе ребенка или убить его.

И снова мысль крутилась по тому же кругу: зачем же я тогда, во имя чего родилась? А, может, еще раз стать матерью, совершить вторую попытку жизни, как воскликнула Линочка, может, это и есть верховный, над всем бранным сияющий смысл? Смысл, все оправдывающий, не зря же ее зовут Марией.

Маня решила родить, забывшись протяжным, но и счастливым зном, а проснувшись, как истинный математик, составила точную программу жизни.

Теперь все посвящалось младенцу - питание, прогулки, сон, образ жизни. Она просто хорошо помнила свою девичью неосторожность с этим волейболом, свои муки, слезы, падение духа, нежелание жить, и повторять испытанную уже ошибку было бы непростительной глупостью. Конечно, начисто исключались тусовки, празднества, секс.

Она определила цели своего бытия и, как всегдашняя отличница, рьяно принялась их исполнять. Но тут же споткнулась.

Вечером она заявила Вячику, что будет рожать, и он снова произнес поразительно равнодушно:

- Мы же условились. Решай сама!

- Я решила. Но это исключает постель. Пока не рожу!

- Это невозможно! - вскинулся Вячик и тут же, несмотря на сопротивление, одолел ее. Когда буря закончилась и ее вновь вырвало, Маня сказала ему спокойно:

- Ты выгоняешь меня из дома?

- Почему? - удивился он.

- Я уже рассказывала тебе о моей неудачной беременности. Значит, я буду вынуждена уехать. Или мы будем спать порознь.

Днем она застлала диван в кабинете, опробовала замок в двери. Похоже, он был надежным.

С тех пор они спали порознь, и по утрам Маня ловила на себе голодный волчий взгляд мужа. Тогда она отыскивала немолодую домработницу, и та накрывала завтрак Вячику, а она лежала в ка-

бинете, пока он не уходил. Маня старалась реже оставаться наедине с ним. Она страшилась карих глаз его, становящихся черными - от гнева, от похоти, от нетерпения.

Что-то остановилось в их отношениях, исчезла гармония, и Маня испугалась. В общем, она сразу поставила точный диагноз: правда, в неуверенной как бы форме: неужели их связь держалась только постелью? И ничего иного? Но тут же отбросила этот приговор. Так часто бывает: мы не верим собственной правде.

Так что она отменяла эту свою точную мысль, а стала тратить свободное время, энергию и деньги на новые обязанности: отыскание знатных консультантов по делам явления младенца во свет, анализы, поездки по бутикам и приглядывание к вещам и вещичкам для маленького человечка, которые заранее, по примете, не покупают, но присмотреться, приглядеться, выбрать лучшее и заранее составить перечень ведь никому не возбраняется.

Она стала повнимательнее к Маса. Они теперь часто сумерничали вместе, и Маня с удивлением узнавала, как подросла ее дочь, пока она неистовствовала в своих супружеских бурях, как много открыла девочка серьезных ценностей. И эта ее детская влюбленность поразила, но и согрела ее - бесхитростный рассказ Маси про Светлого Мальчика и храм, где венчался Пушкин. Но особо восхитили ее стихи неведомого Нарекаци:

*Не дай мне лишь стенать, а слез не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучей, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться...*

Маня складывала и вновь разворачивала бесхитростный листок из школьной тетрадки, где робкой рукой дочери были начертаны такие твердые и роковые слова, и удивлялась: что за фамилия такая у странного мальчика, который знает эти стихи? Благой!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОБВАЛ

1 Маня все меньше владела собой. Острый математический ум как будто со сладостной охотой отказывал ей, то ли отключаясь - будто выдергивали вилку из розетки, - то ли погружаясь в какие-то приятственно теплые глубины ее большого нутра, проваливаясь в темные неги.

Она, как дурочка, похикикивала над собой, сравнивая себя с удавом, проглотившим непомерную добычу, - ведь она без конца спала, и ночью, и сразу после завтрака почти до обеда, и потом, едва поев, снова спала, разбухшая, огромная, не справляющаяся с собственной плотью большая женщина.

И еще - ей не хотелось никого видеть. Она договорилась с при-

ходящей горничной на готовку обеда и ужина - для Вячика, главным образом, и главным же образом ужина, потому как на обед он не приезжал, но к ужину привик долгому, обильному и роскошному, - а сама спала, спала, спала... Интерес к дочке, вспыхнувший поначалу, погасила сонливость, тупоумие, обуявшее ее, и бесконечная, восхитительная лень.

Пересекаясь все же с Вячиком, пусть на минуты, главным образом, по вечерам, Маня, даже с учетом своей замедленной, утомленной беременностью, реакции, нюхом самки чуяла его полыхающее недовольство, неукротимую жажду. Она боялась, что с него достанет схватить ее, где бы он ее ни застал, чтобы справиться со своей волчьей нуждой прямо на глазах свидетелей - впрочем, эти немногие свидетели были последней Маниной оградой, и она, немотря на сонливость, лень, нежелание думать, все-таки упредила горничную, чтобы та никогда и ни в коем случае не отлучалась, даже на кухню, и не оставляла ее, Маню, наедине с мужем.

Церемониться смысла не было, и Маня назвала горничной по имени Эльза подлинный мотив своей просьбы, ничуть не задумываясь над тем, какое впечатление это произведет и произведет ли вообще - в клубах и ресторанах, среди себе подобных, она освоила в достаточном объеме умение общаться с людьми, стоящими ниже и зависимыми по договору: лучше всего говорить без обиняков, впрямую, это точнее доходит и внятнее исполняется.

Эльза же была из новой obsługi. Нанимаясь, с гордостью сообщила, что проходила стажировку в Германии, и предъявила тамошний диплом горничной высшего класса и домоправительницы, но уже не высшего класса. Это зовется мажордом, обучаются ему, как правило, мужчины, и управлять там требуется целым штатом; обычно такие спецы нанимаются в замок или же поместье, двух-трехэтажный дом; покупки, готовка, белье - смена, стирка, глажка, и дополнительный персонал из одного-двух человек - это по ее части. Но по московским меркам она справляется и одна.

У Эльзы, как очевидно, было немецкое имя, и Маня, когда нанимала ее, поинтересовалась, не с примесью ли она немецких кровей, но та ответила отрицательно, сказав, что язык, правда, знает хорошо, учила в школе, а усовершенствовала на германской стажировке, да и постановка специальности у нее немецкая, отличающаяся предельной точностью, так что если Маня желает, можно считать ее немкой. Этакая готовность слегка удивила Маню, но лишь слегка, а немецкая подготовка действительно покоряла: Эльзе не надо было ничего повторять по два раза или что-нибудь разъяснять. В неделю-полторы освоив стиль жизни и образ потребления этой семьи, однажды уточнив с Маней детали, Эльза работала, как часы, дальше с ней можно было даже не разговаривать, она никогда не навязывалась сама, оставаясь вежливой, как бы даже отзывчивой, но никогда инициативной, что-то предлагающей или улучшающей в сравнении с тем, что уже оговорено.

Впрочем, улучшать ничего не требовалось. Однажды сервиро-

вав ужин как в первоклассном ресторане, Эльза получила одобрение и Мани и Вячика - на этом уровне, без всякого снижения, и продолжалось обслуживание. И всякое пожелание Мани, пусть мимолетное, исполнялось Эльзой неукоснительно. К ужину, на тот случай, если Маня остается за столом с Вячиком, выставлялась достойная оборона: передвижной столик с готовым уже горячим под серебряными колпаками, приготовлены все открывалки, стол тщательно сервирован, вплоть до соли, перца, майонеза или сметаны, и Эльза в крахмальном переднике с хрустящей наколкой на голове - сама вежливость, предупредительность, готовность такого высокого рода и такой отменной подготовки, что никуда ей бежать за чем-то забытым не требуется: она при столе неотлучно.

Маня ела плохо. Тыкала вилкой в рыбу, в мясо, в колбасы, и ее воротило от еды. Выливали фужер воды и, усмехаясь, подшучивали над собой - ни в коем случае не над напряженным, недовольным тяжелым Вячиком, - неожиданно поднималась и исчезала в кабинет, под надежный замок. Сердце ее лениво всхлипывало - разок другой, - но тут же утешалось в лени, в неге, в природной материнской безмятежности, одна из форм которой провозглашала необъяснимый покой, терпение, готовность в отведенный Богом срок служить только одной цели, отвергнув все прочее, всю суету, все иные обязанности и любви, кроме этой новой, которой подчинены все - и пусть гремят пушки, бьют барабаны, сгорают банки, страдают и плачут близкие - все слышится матери сквозь туман, сквозь вату, вполголоса, вполуха, вполкраски.

Чувства, владеющие завтрашней матерью, столь сильны, так подавляют ее волю и настолько эгоистичны, что в эти дни может случиться самое невероятное рядом, даже прямо на глазах, но это невероятное не будет увидено, не станет слышимо и не вызовет сострадания.

2 Теперь о Вячике.

Вячеслав Кимович кажется закрытой фигурой. Даже для себя.

Нет, он ничего не скрыл, рассказывая о своей жизни. Сын корейца и украинки, на самом деле бедолага, испытывавший немало горького и случаем вознесшийся на нефтяной Олимп, он в неестественно краткие сроки одолел путь от яйца до личинки, до гусеницы и дальнейшего превращения в жука. То, что носит научное название «морфология» и касается строения существ, имеет ведь отношение и к людской породе. Говоря упрощенно, всякому овощу свое время; из грязи да в князи - путь нескорый и непростой, и от твари Божьей, хоть человек она, хоть жук, требуется пройти дорогу, не такую простую и легкую, и именно пройти, на каждом шагу меняясь при этом, а не пробежать, не перепрыгнуть целые стадии, которые формируют природу тех, что попроще, а у тех, кто посложней, определяют сущность, выявляют смысл.

Вячик овладел технологиями, научился нефть, принадлежавшую кому-то, например, народу - или, может быть, государству

казне, - превращать в олигархическую, оформлять правильные бумаги, научился крутить маховики, единственным горючим для вращений которых были правильные связи и зеленые деньги, продавать эту самую нефть за границу, оставляя всем, кому положено, в этом процессе их долю и блюдя таким макаром известную гармонию, при которой все оказываются довольными, а у него самого остается нехилый остаток, позволяющий чувствовать себя завершенным значительным жуком - или полноценным, сформированным человеком. А это не что иное, как большой самообман.

Большие деньги проще иного учат человека обманываться. Стечение обстоятельств - недолгая радость, где свои приливы и отливы, внушающие испытавшим чувство случайности, знание, что фортуна не только умеет поворачиваться к тебе, но и отворачиваться.

С ней, с фортуной-то, надо бы полегче на поворотах, повежливой, посуверней, и, шанс получивши однажды, не мешает успех закрепить знаниями, а не только связями, владением, не только подслащиванием, расширением, не одним лишь торопливым выкачиванием. Короче, успех постоянен, когда лишь сам постоянно меняешься. Но для этого нужен ум. Критическое самого себя осмысление. Неленость. Умение переучиваться. Долбать самого себя.

Вот всего этого у Вячика не хватало.

Были деньги, много денег - в России и не только. Где-то там круглые сутки чикал банковский счетчик: каждый месяц небольшие, но надежные проценты, а поскольку капитал был более чем достаточен, проценты эти выглядели в виде кругленьких сумм. Дома было сложнее. Здесь и проценты у банков объявлялись покруче, и связи у Вячика были отработаны, и денежки капали на шифрованные счета, а все равно получалось тревожно: из-под дефолта он выскочил в последний миг, как из-под поезда, помог, слава Богу, тот самый, щедро унавоженный помощник Президента, велел немедленно подъехать к условленному месту и шепнул, что следует. Вячик потом опять отдался, страх ушел, но не до конца: такое могло повториться снова и снова.

Позже он психически восстановился, в долгах не остался, капитал выволок чудом в двух кейсах и старом портфеле, а после постепенно водворил на старые или новые места под проценты куда меньшие, конечно, и не более надежные.

Часть денег, и немалых, он держал в сейфе на работе, часть в сейфе же, но дома. Главная идея, овладевшая им после дефолта, была идея вложения. Вот он отбабахал квартиру, женился, вложив немало в жену, ковал монету дальше, как-то при этом охладев к делу, не зная, что и как получится в будущем, въехал в круг приближенных к власти, хотя занял далеко не первые и даже не третий ряды, может быть, генетически освоив восточную истину, что голову рубят тем, кто хорошо виден.

В общем, не посвящая никого лишнего, он все-таки назвался жуком, даже стал им, даже, кажется, закрепился в этом качестве немалыми твердыми деньгами. Однако душа его ныла.

В какие-то молодые года, в отроческом еще возрасте он попал в компанию парней постарше, главным интересом которой было чисто животное совокупление. Выпивка, впрочем, вовсе не глухая, так себе, для веселья, - просто денег не хватало, хотя водка в старые времена стоила гроши, - и едва не круглосуточная охота за женским полом, всяким и разным, бесстрастная, похожая на физкультуру - они и звали это пискультурой, - а порой и на спорт - похоть.

В ту пору еще царствовала официальная мораль, все, чем они занимались, было вроде как делом неприличным, осуждалось и обсуждалось, а в то же время существовало, как оборотная сторона официальной морали. Но секса в американском - а теперь уже и русском - смысле слова на Руси тогда на самом деле не водилось. Практически не было в Советском Союзе и проституции - обслуживания за деньги. Ха! Еще говорят, не было коммунизма! Был, и какой! Вячик в узком мужском кругу не раз, с горечью посмеиваясь, утверждал, что сексуха в светлые времена существовала совершенно бесплатно, на общественных, так сказать, основаниях. Если девка хотела ублажить парня, так и ублажала. И на всяких там танцплощадках, в домах культуры всегда было достаточно доступных побрякушек - только захоти.

Нет, это вовсе не означало, что все лица женского полу были похотливо доступны. Танцевала ведь вся страна, но народ был разный - и девицы и парни. Люди искали пару, счастье, и у них это, худо ли, хорошо ли, получалось, но на всякой танцплощадке присутствовали и энтузиасты.

Расходились солидно, под ручку, или просто так - провожать полагалось; чистые люди чистыми и оставались. Ну а шалуны и шалуньи шли шалить. Бывало, вино и водочка склоняли к этому, но чаще - из, казалось, каких-то чувств, или из-за безделья, просто так, но, упаси Боже, за деньги!

Так что Вячик еще до армии стал большим спецом по избранному хобби. В записной книжке тогда у него числилось до двухсот пассий с телефонами или адресами, среди них и замужние молодайки, которым не хватало то ли семейного пыла, то ли приключений, - и все за так, без корысти, лишь за довольное повизгивание. И без всякой любви там, страсти, страданий. Во всяком случае, как только Вячик чуял приближение неких чувств, соплей и объяснений, он рвал когти, чаще всего сказываясь больным. Когда требовались жесткие слова, он говорил, что болен триппером, - помогло безотказно. Все посягательства снимались в мгновение ока.

Впрочем, раза три за доармейскую свою бурную юношескую жизнь он гонорею все-таки схватывал: сказывались профессиональные издержки среды обитания. Лечился он скоростными методами, не боясь вендиспансера и марганцовых промывок, подкрепляя научные процедуры многочасовыми ядреными банями, и хворь прицепную выдворял в кратчайшие сроки.

Словом, солидный джентльмен при нефти и «мерседесе», крутых бабках, родинке у губы и плоской груди владел потаенным ка-

чаством, которое у одних вызовет мягкую улыбку, у других осуждение, а у третьих простую мысль, что эти страсти с годами проходят, но в некоторых положениях, наоборот, развиваются, особенно не будучи ничем ограничены, а, напротив, укреплены отсутствием препятствий, деньгами, властью, вседозволенностью и еще чем-то там неясным, невнятным, скрытым от близких даже людей, и в науке называемом извращенным подсознанием...

3 Но за все, как известно, приходится платить, и, весело прожив молодость, к вершине своего делового успеха Вячик как бы оказался пустым.

Сотни женских лиц, ни одно из которых не вызывало воспоминаний, редкая опытность, сводившая практически на нет разного рода моральные траты на ухаживание и прочее угодничество перед слабым полом, безотказная физиология превратили Вячика в какого-то монстра.

Задумавшись, он страшился себя. Судьба предоставила ему невиданный материальный шанс. Но он не знал, зачем ему это богатство: душа-то была свободна. На женщин он смотрел решительно безразлично. Вернее, он видел в каждой только постельную партнершу. Невзыскательность еще доармейских времен толкала его на всеядность. Он знал про себя, что готов переспать с любой в любое время - если перед ним не полный крокодил или перезрелый окорок. Его не трогали женские истории, попытки флирта, заемная нежность. Немногословно и властно добившись своего, он немедленно забывал свою клиентку. Или пациентку?

Однако все это входило в противоречие с его положением. Ему требовался имидж семейного человека. Он готов был платить. Как человек неглупый, понимал, что это еще не все. Деньги были цементным раствором. С его помощью надлежало построить, и не что-нибудь, а семью.

Его решительно не волновали молоденькие идиотки - он знал их ненадежность. Маня, с ее величественным ростом, образованием, рваной судьбой показалась, во-первых, надежной, во-вторых, чистой. Ну а, в-третьих, ее масса вызвала в нем ретивость молодых лет. Не зря его любимой поговоркой была эта: «В постели все равны».

На некоторое время он ожил, подумал, что расчет оправдался. Голову занимали большие траты - квартира, обстановка, новые знакомства - и те, к которым стремился и устанавливать которые помогала Маня, и стихийные, формирующие как бы класс общения. Конечно же, вери импортант персонс, VIP.

Все это занимало Вячика, но не очень-то меняло его. Ясное дело, в сорок пять не грех и измениться, но если обстоятельства к тому толкают. И вовсе не благоприятные, между прочим.

Перемениться к лучшему богатому и заевшемуся доходчивее всего поможет, к примеру, разорение, тщеславному - удар по самолюбию, вору - его собственное ограбление. Но пока прет все

своим ходом и богач богатеет, тщеславный пользуется лживым успехом, а нечистый на руку безнаказанно ворует, им трудно стать иными.

Вот и Вячик скучал. Особенно с тех пор, когда большая его же на предпочла будущего ребенка ему самому. Спряталась, закрылась в кабинете под крепкие замки и плевала на его желания. Не ведь это не она, а он все построил: квартиру, благоденствие и даже будущего ребенка, на кой он ему!

Вячик ни разу не подумал об этом будущем ребенке с радостью. Да, он знал, что это принято, понимал, что его имиджу это только прибавит и что если уж строить дом - без ребенка не обойтись. Но младенец не интересовал его.

Было время, он, засыпая, думал о деньгах, о многих тысячах долларов, и в страхе обрывал себя: выходит, надрываясь целый день в трудах своих и ухищрениях, перед сном ему не о чем больше подумать, как о деньгах. Но денег много, их уже хватит не на одну его жизнь, а он все равно думает о них. Что же, выходит, он раб? Пусть, денег, больших денег - но раб?

Теперь к мании денег присоединилась мания дома - вот этой квартиры, ванной комнаты с позолоченными краями и сортира (золотым же узором по стульчаку. Перед сном он думал о деньгах и всем этом добре, но не мог, как ни силился, подумать о друзьях которых, впрочем, не было - была прислуга, а для друга, выбившегося в олигархи, он сам был прислугой, - не мог подумать о жене, он ее не любил, а просто нанял, чтобы тратить вместе деньги, справлять по ночам супружескую нужду, даже родить, если кто-то родится, тоже он нанял. И никогда не думал о своем собственном сыне. Или дочке.

Вячик страдал безнадежным, но нередким комплексом...

Вы наблюдали когда-нибудь, как малыш строит пирамиду из цветных пластмассовых кубиков? Он работает увлеченно, терпеливо и радостно. Вот пирамида готова. В лучшем случае он зовет мать, чтобы показать ей свою работу. Но он может ее и не звать.

Он может посмотреть на пирамиду несколько мгновений, а потом одним махом развалить свою постройку.

Почему? Она ему не понравилась? Он так не скажет. «Но ты же строил!» «Ну и что?»

Созидание и разрушение, доброта и жестокость удивительно уживаются в одном ребенке, вполне нормальном, как нам кажется. При этом разрушение есть часть созидания, пусть здесь и заключен парадокс. С годами воспитанный или внушенный рефлекс позволит отделить созидание от разрушения. А если этот рефлекс плохо закреплен?

Вячик был сбит с панталыку отказами Мани. Связь с женщиной напоминала громоотвод для его странной корейско-украинской породы, для гормонов востока и запада, скрещенных на луковых плантациях Южной Украины, а потом брошенных в неуправляемое саморазвитие, которое нашло такое странное воплощение.

«Что я теперь должен? – примитивно вопрошал себя Вячик. – Идти на сторону?» Но он удерживал себя – теперь, как это ни странно, такое выглядело бы позорно, и не для кого-нибудь, а для него самого!

Он строил-строил свой дом, он завел семью, нанял жену, да еще с ребенком, он сделал все для них, и – у него же! – теперь! – ничего! – не получалось! Какой бред!..

Вячик рассерженно метался по своей клетке, им же построенной – для самого же себя! – и им владело жестокое желание – развалить эту пластмассовую пирамиду ко всем чертям.

И хочется, мочи нет! И нельзя! И он мечется, мечется – заливаются тяжелой кровью глаза, наполняется жестокой болью верхняя часть головы, заложье, да так, что голову клонит вниз.

Вячик не смотрит на людей, своих служащих, не ездит к другому олигарху, боясь, что посмотрит на него неоправданно, к тому отношения не имеющим, тяжким взглядом, и вызовет подозрение. С ним боится разговаривать его прислуга, лишь лъстиво улыбается эта непробиваемая, ничего не желающая признавать немка Эльза.

Вячик приезжает в офис, сбрасывает пиджак и полулежит на кожаном диване. Не помогает и фитнес-клуб с парилкой. Днем – а он срывается туда днем – там одни бабы, жены богатых мужей, – мужики все-таки на работе, и он выглядит как бездельник, лох или, лаче того, киллер, работа у которого по ночам, так что днем он спит или оттягивается в замкнутой цепи дорогих удовольствий.

От клубного одиночества – не считать же людьми охрану, с ними лучше не говорить, разве что вспоминать старые анекдоты; всякий охранник должен быть почтителен и немногословен, – Вячику становилось тошно, физические нагрузки и изнуряющая баня не снимали напряжения и этих преследующих дум о деньгах и пирамиде из пластиковых кубиков, так что вечером, явившись домой, он, поев, полубодруствует, закрывшись в спальне, пока не сморит неверный сон.

4 Неверные сны – что это такое?

А это когда толком не поймешь – спишь ты или это только тебе кажется. Кажется, что сон не идет к тебе, вспоминается прошедший день или вообще какая-то ерунда – то ли из того, что было с тобой, или только могло быть...

Картины возбужденного, никак не могущего уюмониться, устать, утихнуть воображения перемешаны фразами или словами, которые неизвестно кто произносит, повторяет досадливо и настойчиво, и эти слова кажутся ничего не выражающими, но потом непременно что-то означают – забытое, обещанное кем-то, но неисполненное. И вдруг ты замечаешь, что глаза твои открыты, и находишь в полутьме линии, разделяющие потолок и стены, оконные проемы или спинки стульев.

Ты встаешь и прешь в туалет, а потом в ванную, вглядываешься в свое незнакомое лицо, отраженное зеркалом, бледное – слег-

ка опухшее, не узнаешь и узнаешь себя, поспешно умываешься и уходишь в спальню, надеясь, что теперь все установится и ты вольешься в плавное течение ночи. Но – тщетно; вспоминаются недоделанные дела, слова, сказанные не так, как надо бы было, и вдруг приходит на ум какое-то откровение, мысль, истина – наутро, вспомнив о ней, ты только ухмыльнешься, настолько при ярком свете утра она покажется смешной, несерьезной, просто глупой, – но ночью, в неверном сне, смещении забытья и бодрствования, обман или мнимость могут затмить сознание, показавшись откровением.

Не ночь и не две провел Вячик в неверных снах, а с месяц или полтора, и это был его предел. Снедаемый своим пороком, западно-восточной плотью, где завязаны две явные противоположности, он каждую ночь, вставая, подходил к дверям кабинета и униженно нажимал ручку. Увы, беременная жена спала и ничего не слышала, а если бы и услышала, то не открыла – не для того она убралась в другую комнату.

Подбрюшье волчины было переполнено, он, начокавшись коньяком сам с собою на пустынной кухне, поскуливая, неслышно ходил по квартире – босиком, по мягким коврам, по теплому кафелю, по паркетному полу, беззвучно открывая двери, закрывая их, валился на диван гостиной, тщетно листал глянцевые журналы, шумно выпуская застоявшийся в груди воздух, но этот шум был неслышим и одинок, как все его непонятое им самим существо.

Однажды в своих инстинктивных метаниях, полуглухой и полуслепой, волчара остановился перед слегка прикрытой забытой дверью. В одно мгновение острый слух и хищное зрение вернулись к нему. Не отдавая себе отчет, он вошел в комнату.

На узкой односпальной, в белый цвет окрашенной кровати лежала Маса, его падчерица, которую он не решался назвать дочкой.

Она спала крепким детским сном, небольшую ее фигурку облегло тонкое светлое одеяльце.

Вячик подошел вплотную и обнюхал девочку, как самый настоящий волк. Он уловил запах чистоты и детства, но в эти ароматы невинности вклинивался еще один, самый резкий – запах, означающий превращение куколки в бабочку.

Волк стоял, склонившись над жертвой, слегка покачиваясь, истекая истомой, потом тихо откинул одеяльце. Девочка не проснулась. Вячик освободил себя от одежды и лег на кровать.

Маса не смогла закричать – ее рот был зажат крепкой мужской ладонью, она не смогла повернуться, потому что ее прижала необыкновенная тяжесть. Она попыталась действовать руками, но что могли сделать две тонкие слабые веточки – оцарапать грубую полужелтую кору?

Она ощутила страх, рожденный неожиданностью, какой-то странный обвал, такое, наверное, испытывают люди, когда случается неожиданное землетрясение и пол в доме обламывается вниз, падает в пропасть, и все в тебе обрывается, теряя опору – а

человек охает или кричит, у кого на что остается сил, и уже потом только ощущает боль.

Она не понимала, сколько это длилось, но обвал казался бесконечным, отнявшим всю ее короткую жизнь.

Потом тяжесть отступила. Что-то освободило ее, но она чувствовала прежнюю тяжесть и боль. Маша кричала, но вместо крика слышала лишь жалкое кряхтенье.

Она не узнавала свой голос.

Долго ли продолжалась эта пауза, понять было невозможно.

Она лежала распластанная, раздавленная, не ощущая на себе смятой задранной рубашки, ничего не видя во тьме и ничего не понимая.

Потом ее что-то подхватило.

В гостиной горел яркий свет, и она увидела, что ее несет Вячик.

Ей стало чуточку легче. Она поняла, что Вячик ей помогает.

Вопрос о том, что с ней случилось, еще не пришел к ней, не достиг ее. И она не связывала себя с мужем матери никак иначе, нежели запоздало пришедшая взрослая помощь.

Нет, она ничего еще не могла понять.

Не понимала, что с ней случилось – и со сна, и от страха, перепугавшего все представления о возможном.

Отчим нес ее аккуратно, осторожно, казалось, нежно.

Беззвучно прошел по коридору, опустил ее в пустую ванну и включил теплую воду.

Сноровисто наполнил водой стакан, достал из аптечки таблетку. Маша послушно проглотила.

Она по-прежнему всхлипывала, ее трясло, просто колотило, но теплая вода делала свое дело, расслабляя девочку.

И, конечно, таблетка.

И еще одно: Вячик ласково обводил ее тело душистой губкой, проходил там, где не дозволялось даже маме.

Нежно и ласково обмывал ее. И разорванные в клочки ощущения превратились в знание.

- Это ты! - прохрипела она, теряя сознание, и закричала. - Мама! Мама!

Но крик обессиленного ребенка был слабым, хриплым, и не разбудил счастливо спящую мать.

Маша была одна перед этим полуголым человеком. А он вел себя нежно, и у нее не было сил оттолкнуть его, и не было сил крикнуть громче.

Ей становилось как-то все равно, будто ее голова проваливалась в мягкую тьму и требовалась сила, чтобы из нее вынырнуть.

А этот дядька со страшными глазами говорил ей сквозь сумрак:

- Ты не бойся! Я тебя люблю! Люблю! Люблю!

Он унес Машу в ее комнату, завернув в махровое розовое полотенце, уложил в кровать, сменив простыни, и пока она не уснула, время от времени вздрагивая от страха и широко открывая глаза, видела в неверной полутьме неверный чужой силуэт.

5 Когда она проснулась, вернее, очнулась, освободившись от давящей тяжести снотворного, силуэт превратился в Вячика, одетого для работы, в костюме, при галстукe, и в комнате было светло.

Она приподнялась, с трудом выбираясь из морока, и Вячик бросился к ней, помогая сначала сесть на кровать, потом встать - и бодро, умело, как опытный, чадолюбивый отец, принялся ее одевать, дав возможность самой натянуть лишь самое исподнее.

Потом отвел ее умыться, схватил портфель и вывел на лестничную площадку.

Мася была не в силах противиться, взрослая таблетка все еще подавляла ее, делала тело ватным, ничего не чувствующим, а сознание замедленным.

Ей бы надо было сначала натянуть халатик, принять душ, почистить зубы, и уж после этого чмокнуть маму, встретив ее возле утреннего стола, но сегодня она оделась, вернее, ее понудили к этому, зашла на минуточку в туалет, в четырех близко подступивших стенках вспомнила все, сморщилась, чтобы заплакать, но ничего у нее не вышло, - заглянула в ванную, брызнула в лицо пригоршню холодной воды, едва утерлась и предстала перед Вячиком.

Он взял ее за руку, вывел из квартиры.

Никто им не попался по дороге, пока пересекали двор, и Вячик ловил такси. Мася не очень понимала, куда ее везли, все еще полуспала, полубодрилась. За окном машины мелькали какие-то дома, двигались немногие люди. Весна прикрывала своей первой зеленью городскую наготу, но еще не захватила власть окончательно: серость и влага да низкое, с пухлыми облаками, небо наваливались на весну холодной памятью недалеко отступившей зимы.

Машина затормозила в каком-то тупичке. Мася вслед за Вячиком вышла из нее, глубоко вздохнула, оглянулась и вдруг узнала Останкинскую дубраву, где бывала не раз, когда они жили неподалеку. За деревьями высился храм, поодаль белели колонны шереметевского дворца, позади взблескивал пруд, а там, за ним, по широкому проспекту летели неслышные отсюда автомобили, и некому было вспомнить, что тут, на дороге, неловко пытаюсь спрятаться от пуль за невысоким бордюром, лежали когда-то люди - раненые и убитые, и вот там, неизвестно в каком месте, остался недвижимым ее, Масин, отец, Алеша, Леха, Алексей Сергеевич.

Мася повернулась к пруду, к проспекту, где когда-то лежал одинокий отец, заплакала и перекрестилась.

Вячик заволновался, ничего не поняв:

- Церковь-то, вот она, Машенька! И не плачь, не плачь!

Он ухватил ее за руку, потащил мимо древних дубов до первой лавочки, усадил и стал торопливо говорить:

- Я зверь! Негодяй! Подлец! Но ты не убивайся, понимаешь! Я сделаю тебя принцессой! Я выучу и выращу тебя первой-классной леди! Ведь что человеку надо? Благополучие! Достаток! Покой! Все это у тебя есть, а будет еще больше!

«О чем это он?» - подумала Мася сквозь полудрему. Но дейст-

ние снотворного отступало медленно, как тает от тепла тонкий слой льда на оконном стекле и смазанные силуэты, нечеткие движения обретают ясность и резкость.

В один случайный миг настало полное отрезвление - все вернулось к ней, вся ее горькая правда. Она не себя пожалела. Она вспомнила светлого мальчика с божеской фамилией Благой. Как он делал доклад в школе и читал стихи древнего монаха. Как молились они в храме, где венчался Пушкин. Венчался!

А как венчали ее? За что?

Новыми, как бы постаревшими глазами посмотрела она на Вячика, своего насильника. Да он же преступник! Его в тюрьму надо! И что он ей говорит? Как язык поворачивается!

А Вячик не останавливался, повторял на разный лад одно и то же.

- Я тебе деньги буду давать, Машенька! Большие деньги! И всегда, понимаешь? Ты будешь как куколка! Замуж, когда подрастешь, выдам! За самого знатного, красивого, сильного парня. Квартиру вам куплю, машину классную. В общем, что случилось - не беда, пойми это. В некоторых восточных странах, - он коротко рассмеялся, - цари, ханы, шейхи, или как их там, даже специальных рабов держат, чтобы они лишали невинности их будущих жен, царских невест, понимаешь? Чтобы не утруждать себя, как бы: обойти неприятный момент. Вот и ты! Считаю меня своим рабом, хочешь? Представь: я, владелец нехилой нефтяной компании, взрослый, богатый - твой раб с сегодняшнего дня. И не стесняйся! Проси чего хочешь. И в любое время! Я никогда ни в чем не откажу!

- Волшебную лампу Аладдина, - пробормотала Маша.

- Что? - испугался Вячик.

- Я нашла волшебную лампу Аладдина?

Он допер, обрадованно рассмеялся.

- Вот именно! Потри об меня ладошкой, - он схватил Машину руку, прижал к себе, - скажи «Тох-тибидох-тибидох» - и получишь, что тебе хочется.

- Это из «Старика Хоттабыча».

Он опять не понял, снова испугался:

- Что?

- «Тох-тибидох»!

- А-а! Да ладно! Из любой сказки! Согласна?

Согласна ли? Она? Да о чем он спрашивает? Что такое говорит вообще? И кто, он, этот человек? Кто - ей?

Масины мысли не двигались, не плыли, не шли, а дергались, как будто невпопад шевелились руки и ноги сломанной куклы.

Мамин муж? Отец маминого второго ребенка, который явится скоро на землю? Ее насильник? Как вообще все это вместе можно соединить? Зачем? Во имя каких таких правил и законов?

В какую-то паузу Вячик встал со скамьи, отошел в сторону, вытащил мобильный телефон, кому-то что-то кратко и резко сказал, вернулся.

Завел снова:

- Я ни в чем тебе не откажу, девочка моя! Ты будешь королевой! Сначала - маленькой принцессой, а потом - юной королевой! Понимаешь, многие об этом только мечтать могут!

Мася повернулась к нему и спросила, хотя надо бы не спрашивать, а утверждать:

- Вы преступник?

Он вскочил. Мигом переменялся.

Только что выглядел все-таки просительным, настаивал, повторял свое, но все же уговаривал, увещевал. А тут заорал:

- Преступник? Да ты вместе со своей матерью в один час исчезнуть можешь! Превратиться в прах! Испариться! Поняла? Мне от вас избавиться дешевле, чем тебя вот сейчас уговаривать!

Он бегал перед ней - не человек, а зверь какой-то, - ведь он и сам себя назвал зверем - бегал мелко, коротко; пять небольших шажков вправо, пять влево, но ни шагу вперед - будто мешает пока еще какая-то стенка, может, клетка, в которой он сам себя держит. Но ведь клетки на самом деле нет. Это он знает тоже. И кричит, кричит, будто обрастает шерстью:

- Чего тебе не ясно? Я купил вам с матерью все! Дом! Машину! Благополучие! Я и вас купил, все в этом мире продается и покупается! И мать твоя - умная баба, не дура! Она знала, что продается! За дорого! Но продается! И продалась! С тобой впридачу! Только пикни у меня, Машка! Исчезнете вдвоем - на раз! И даже втроем. У меня не заржавеет.

Дубовая аллея была пуста, но в этот миг кто-то побежал к ним от входа.

Маня дрожала. Она подумала, может, посторонние, тогда она бросится к ним, попросит защитит и убежит вместе с ними.

Но по аллее бежали двое охранников Вячика. Один из них держал пакет. Вячик пакет выхватил, порвал, вывалил из него на скамейку содержимое. Это был макдональдсовский джентльменский набор: биг-маки, закрытые стаканы с колой и яблочные пирожки. Для двоих.

- Думай! - приказал Вячик и пошел к выходу. - Завтракай и поезжай в школу! Машина ждет тебя у входа. И знай: я не шучу!

6 Мася сидела на лавочке рядом с разорванным, разворошенным пакетом, из которого вывалилось нетронутое содержимое, и мучилась глупым вопросом: думала, что такое или кто такая сомнамбула. Она знала это сравнение - как сомнамбула, то есть что-то вроде сонное, медлительное, тугодумное. Но это что-то - кто-то? - должно же - должен! - как-то выглядеть, иметь свою форму, содержание.

Сомнамбула, сомнамбула... Это ясно - она была сейчас как сомнамбула, после этого ночного обвала, землетрясения, против которого оказалась бессильной, плохо соображала, неважно двигалась и даже говорила, хотя, как известно, уж говорить-то человек может, ничего не соображая. И вот - сомнамбула...

Может, сомнамбула похожа на странное существо, которое она видела по телеку в «Мире животных» – как будто слепленное из веточек, ну чистая веточка, и движется еле-еле, как в замедленном кино, по имени, кажется, богомол. Или как смешной австралийский звереныш коала – древесный медвежонок, едва передвигающий лапы с цепкими, как у монтера, крючковатыми лапами?

Но она-то, она!.. Никак не похожа на коалу или уж совсем – на богомола, она же все-таки человек, но все в ней шевелится медленно, едва-едва, что такое сомнамбула, непонятно, но она и есть сомнамбула. Не знает, что делать, куда идти, зачем...

Мася, похоже, уронила голову, по крайней мере, надолго уронила ее на грудь и, может быть, заснула на какое-то мгновение, потому что, вздрогнув и открыв глаза, увидела перед собой нищую старуху.

Была старуха эта похожа на артистку, что ли, только не лицом, а костюмом – на голове сиреневый фетровый колпак на любой сезон, на ногах разбитые, солдатские, видать, ботинки. Куртка с короткими рукавчиками, из которых вылезали красные кулачки и белые, как из бумаги вырезанные, ручки, била по глазам неестественно оранжевым цветом – похоже, такие носят дорожные рабочие, и яркость искусственной краски включает в себя способность отражать по вечерам свет автомобильных фар. Такой вот карнавальный костюм.

Лицо старушечье из-под больших полей лилового капора сильно не выдавалось, тайлось как-то в тени, а потому разглядеть, например, цвет ее глаз было совершенно невозможно – они, эти глаза, взблескивали лишь в глубине, означались двумя отражающими утренний свет огоньками. А нос – выступал из тени, огромный утиный нос высовывался из-под шляпного карниза и под ним плоский и маленький ротик, как легкий, едва не забытый создателем этого существа дополнительный штрих. И еще два уха – больших, пропорциональных носу, так что вместо лица, щек, лба, бровей – чего там еще полагается всякому лицу? – из-под сиреневой шляпки высовывался вытянутый утиный нос и два округлых толстых уха, да две отраженные точки света.

Мася сразу прозвала старуху Издевкой, а та, будто дождавшись присвоения имени, вполне в его духе, произнесла:

– Чё это, ваше принцесское величество, раскидалась эдак харчами-то? Аль глубоко дышите?

– Еще дышу, – проговорила Мася, не зная, как себя вести и что отвечать.

– Чё? – спросила старуха сочувственно. – Откупились вот этой соломой, и все? Кинули?

Мася поежилась, ничего не сказала.

– Чё-то не пойму, – не могла остановиться Издевка, – вроде не наша, богато одетая, а слезы на щеках, как у бедных. Да кто ты будешь, принцесска?

– Хватит вам, – осерчала Мася. Первое впечатление от яркой

старухи прошло, все, что могло получиться дальше, радости не обещало. - Какая я принцесска!

- Да ладно, - не жалела Издевка. - То ли еще повидаешь, высокочество! Ведь бабьему полу чем дальше, тем жутче! - И уже в спину Маше - Обернись! Погляди на меня еще раз! А ведь и я была красоткой, ха-ха! Можешь это вообразить?

Мася не утерпела, обернулась. Нет, улыбнуться она не смогла, не сумела. Но зла против старухи-насмешницы в ней не было. Жалость была. Ведь и правда, это существо могло когда-то совсем по-другому выглядеть. И молодым быть могло. Как тогда выглядело, интересно знать.

- Принцесса! - гнула свое Издевка. - А можно это ням-ням? - И показала на раскиданное по скамье богатство Аладдина. Мася кивнула.

«Мерс» подвез ее к школе с крайней наглостью. Подъезжать нагло - это не тихо причаливать к тротуару, не спокойно тормозить, вписываясь в свободное от иных машин пространство, а большая скорость, молчаливые, потому что классные, тормоза без скрипа, и резкая притертая остановка в сантиметре перед стоящей впереди тачкой. Да еще на виду у народа.

Вот так прирулил Вячиков «мерседес» с Масей в салоне - перед самым носом Ани Бочкаревой и Лешки Благого. А на крыльце вытирала ноги литераторша Лизуня.

Масю никто не сопровождал из взрослых, что можно было бы еще рассматривать, как некоторую случайность, ну мало ли, маме было, например, по дороге, так почему не подвести к школе дочь - и все выглядело нехорошо, нескромно, подчеркнуто нагло: девочку везут на уроки в «мерсе», фи, дешевое пижонство. Впрочем, Масю сопровождала иная репутация, так что Анечка сразу бросилась к ней с тревогой на лице:

- Что случилось?

Позади озадаченно стоял Благый. Да и Лизуня тревожилась: даже мерзкий «мерс» не может создать дурное впечатление, если ты знаешь человека. Мася поняла все это, и смута, накопленная страшной ночью, но сдерживаемая снотворным да прохладой туманного останкинского утра, вдруг вырвалась из нее протяжным взрослым стоном.

Лизуня проворно сбежала с крыльца, подхватила Масю за рукав куртки, приняла ее сумку с книгами, а она падала, падала, летела вниз... словно только теперь все пришло к ней, все добралось до нее, и все в ней застрадало, заплакало, заныло.

И оскорбленное тело, и униженная душа, и растоптанное достоинство, собравшись вместе, сплетаясь в один большой узел, обрели, наконец, выход в вое - недетском, бабьем, горьком.

Конечно, существует женская интуиция - спору нет! А то почему бы вдруг Лизуня сунула Масину сумку Благому и замахала руками на него, погнала в школу, чтобы шел, не задерживался, не привлекал лишнего внимания, а маленькой худенькой Анечке Бочкаревой

велела пойти с Машей домой, пропустить урок-другой, а если надо, и весь день, потому что Машеньку нельзя оставлять одну сегодня.

Аня отдала учительнице и свой портфель. С другой стороны «мерса» стоял платяной шкаф - водитель Вячика и по совместительству телохранитель - удивлялся, не понимал, изъяснял готовность домчать во мгновение ока, куда скажут.

Но Маша слабо махнула ладонью, Лизуня усилила этот жест взрослым жестким махом, в котором читалось не только отрицание подобных услуг, но и оскорбленное достоинство, черный крейсер ухнул выхлопом и исчез.

Исчезла и Лизуня, благословив их, двух худеньких букашек, старушечьим, многоопытным откуда-то, знаком - то ли благословением, то ли прощанием, - и они пошли по улице.

Неподалеку от школы был сквер, пустынный поутру, они присели на краешек скамьи, и Маша как надежной и мудрой подруге рассказала Анечке о том, что с ней произошло.

7 А Маню разбудил настойчивый стук.

- Эльза, ты? - крикнула она сонным голосом.

- Завтрак накрыт, - ответила та, - и Вячеслав Кимович просит выйти.

Было светло, часы показывали половину одиннадцатого, но Маня не заторопилась, не упрекнула себя ни в чем: ей жилось, как хотелось и могло, с тех пор, как она приняла историческое решение, сказала себе - стоп, никаких гонок молодости, никакой поспешности, плыть по течению, как велит природа, есть единственный справедливый ход жизни. А ведь она отличалась тем, что умела следовать принятым решениям с пунктуальностью отличницы.

Встав, она не заторопилась, как сделала бы раньше, не побежала в туалет и ванную, а проследовала туда неспешно, качественно исполнила все дела, включая легкий утренний макияж - негоже подурневшей по случаю беременности жене предстать перед впечатлительным и особым мужем неприбранной и неприятной, и где-нибудь через полчаса - минут сорок явилась в столовую.

Эльза блистала немецким умением - стол был похож на рекламную картинку: салфеточки, дорогие чашечки, чайнички, вазочки, тарелочки, ложечки - господа ты Боже мой, - сияли, сверкали, были уместны, уютны, комфортны.

За столом, скинув пиджак и изнемогая от нетерпения, сидел Вячик. Увидев жену, он не поднялся - так не было принято у них, лишь подставил щеку для поцелуя, - глянул на нее и они, перебрасываясь ничего не значащими репликами, приступили к завтраку.

- Чего ты сегодня задержался? - спросила Маня, не придавая своему вопросу большого смысла.

- Да я уже наработался, - ответил он. - В восемь был в офисе, в девять провел планерку, в десять подписал бумаги. Утром отвез Машу в школу, - и на удивленный вопрос жены пояснил: - Оказалось, по пути.

Далее было пустовато. Маня, прихлебывая чай, опускалась в себя, в свое тело, в свою тайну. Ей жилось неинтересно, вернее, ей было хорошо в самой себе - она прислушивалась, когда же там, внутри нее, что-то шевельнется, и, казалось, все свои ощущения направила на это главное занятие - прислушиваться к самой себе. Внимание беззвучной музыке. Остальное было неинтересно.

Вставая из-за стола, Вячик сказал небрежно:

- Я тут к ювелиру заскочил. Одна безделушка приглянулась. Нака, померяй!

Он поставил на стол маленькую коробочку из синего бархата, подтолкнул ее по полированному столу к Мане, та, пискнув, едва поймала ее, все еще заторможенная, снулая, и тут же, едва открыв коробок, очулась:

- Господи! Да сколько же здесь каратов!

- Много, - хехекнул богатый муж. - Но можем и больше.

Пока Маня примеряла кольцо, сопровождая сие действие восклидательными междометиями, Вячик вглядывался в Эльзу, буравил ее взглядом, и та под действием гипнотизирующих зрачков переступала с ноги на ногу, роняя свою несходящую улыбку, но тут же торопливо натягивая ее на лицо.

Вячик сказал:

- Эльза, а можно нас оставить на минутку?

Та зарделась, вскинула взгляд на Маню, пока хозяйка не кивнула разрешительно, мгновенно исчезла, будто только того и ждала, а Вячик произнес:

- Маня, а что такое происходит с твоей дочкой?

Средняя из Марий не взволновалась ни чуточки, не отрываясь от кольца, ответила:

- Растет девочка, становится девушкой, видишь, грудки какие ягодки?

- Вот-вот, - мрачно проговорил Вячик. - Ягодки-цветочки!

- Тебя что беспокоит-то? - вяло спросила теперь уже Маня.

- Ах, это новое поколение! - томно проговорил Вячик.

- Ну что-что? - нетерпеливо проговорила Маня.

- Понимаешь, Мария, - Вячик встал и подошел к окну. Лица против света было теперь не разглядеть. - Дети становятся взрослыми гораздо раньше, чем это было с нами. Сцены секса - пожалуйста, включая только телки. Ценности сменились. Теперь деньги главное, я и сам подтверждаю - да, главное, никуда не денешься. Любой мало-мальский комфорт - это большие деньги, ведь так? Квартира хорошая - а кому нужна плохая? Машина. Отдых. Врачи. Даже учеба, ты же неспроста ходила в Масину школу, так? И вот дети, имеющие все это, в один прекрасный миг осознают: когда еще они смогут все это заработать? О! Да и смогут ли вообще! И им приходится на ум закрепить существующее, понимаешь? Нам бы в нашем детстве это и в голову не пришло. А им приходится! И как!

Он обернулся, посмотрел на жену и сказал:

- Сегодня Маса приставала ко мне утром. Понимаешь? Тащила

меня в постель! Я еле удержался. И не удивляйся, если она придет к тебе и обвинит меня в самом страшном, в насилии.

- Что за бред? - пробормотала Маня, но Вячик оборвал ее:

- Дослушай! Я уже проконсультировался у психиатра, он подтвердил, ссылаясь на Фрейда. Дочки часто хотят разделить материнскую постель. Девочки любят отцов как своих мужей, понимаешь? И это связано с взрослением. Мозгами правят гормоны.

Он озабоченно пробежался от окна к двери, потом, будто спохватившись, вернулся. Опять вместо лица Маня видела глубокую тень.

- А в нынешние времена синдром старины Фрейда соединен с тем, что дети видят. И чего боятся утратить, пойми. Ты же отличница. Вот, видно, и Мася забрела в этот тупик. Она хочет быть моей женой - заодно с тобой - и не хочет потерять все, что у нее есть.

- А что у нее есть? - глупо спросила Маня.

Вячик рассмеялся.

- Да все, что вокруг! Все, что видимо и невидимо! Например, невидимые ей деньги. Однако же предполагаемые - нетрудно догадаться!

- Что ты говоришь? - завела свое Маня. Ей было слушать все это просто неохота. Какая-то мура. Но он говорит про Фрейда. А она знала кое-что все-таки. Это верно, в отношениях детей и родителей есть свои непонятные странности. Она читала, что мальчики иногда не любят своих отцов, потому что ревнуют их к своим матерям: матери принадлежат отцам, а сыновья хотят, чтобы им. И хотя не могут это высказать, сформулировать, и даже понять, но подсознательно - а, значит, беспричинно, - чувства свои выражают в конфликтах, в нелюбви, в спорах и даже драках с отцами.

Ну, а девочки? Она и про это читала. Да, девочки любят отцов. Но ведь Вячик не отец. Отчим. Впрочем, кто он Масе, ей, Мане, непонятно. Муж матери - вот и все. Ведь он Масю даже не знает как назвать: Мася, да Маша. А дочкой - никогда. Не пробовал. Бойтся. И, главное, Мася ни разу не дала ему почувствовать себя дочкой. Ни разу не приласкалась, не сказала теплого слова, даже толком не приблизилась. Что же случилось?

Может, он прав, и она таится? И в этом таинстве вырос и окреп этот ее странный бзик?

- Что же ты хочешь? - спросила Маня мужа.

- Ничего, - ответил он спокойно, - просто знай это. Будь повнимательней. И если Маша обвинит меня в чем-нибудь дурном, попробуй принять решение не вашими бабыными соплями, а умом, ты сможешь, ведь ты отличница. В противном случае...

Он потоптался на месте, она снова попыталась разглядеть его лицо и снова не сумела.

- В противном случае все может обернуться слишком всерьез. Такая сплетня поставит под удар мой бизнес. А значит, наше благополучие - мое и твое. Не будет денег. Не будет радостей, к которым ты, надеюсь, привыкла. И - страшнее. Ведь это уголовщина.

Уголовная статья. Тут уж не до жиру, быть бы живу. И я ни перед чем не остановлюсь, чтобы защитить себя, свое имя. И тебя, пока ты со мной.

Он быстро пересек комнату и вышел.

8 А старшую из Марий и мужа ее, Николая Михайловича, престарелых, в общем, людей, не покидали удачи. Их обоих, теперь уже вполне определенно, - что они частенько и обсуждали, оставшись вдвоем, - постоянно настигала мысль - да что там мысль, простые факты, - будто большая часть их жизни, прошедшая в равенстве всех и вся, оказалась пустяковой и серой, и, может быть, в силу этой несправедливости, даже просто исторического заблуждения, теперь, в старости, им улыбнулась удача и они могут жить, как все приличные люди заречных стран.

Мапа, которая со страхом полагала временами, что возраст для нее серьезная помеха, неожиданно для себя освоила компьютер и, задерживаясь по вечерам, в тайне от всех, даже суженого старичка, набросала учебник по общей стоматологии для зубоучебных институтов и факультетов, вписав туда многое из западных журналов, которые ей охотно переводили студентки разнообразных и многочисленных вузов иностранных языков.

За переводы она платила, скверно, правда, но сразу, и отбоя от голодных мальчишек у нее не было, что хорошо принималось ее молодыми коллегами. Раскатывая на прикупленном ксероксе западные статьи, она помогала им держать форму. Потихоньку, не без смазки, конечно, банкетов, друзей, все они позацили кандидатские, а потом - и во главе с Мапой - докторские диссертации, и уже не фирма, но клиника «Стоматологика» оказалась тотально докторской - не в смысле врачебной профессии, а в смысле докторских диссертаций.

Сама же Мапа, как уже говорилось, довольно sporo изготовила учебник примерно на триста страниц, наняла верстальщицу, указала, куда и какие картинки надо вставить по тексту, и когда та вывела первоначальные, пробные пока, для корректуры, оттиски, сама же и затрепетала от восторга.

С приходом свободного рынка в столице образовалось множество фирм и представительств западных фармакологических концернов, специализирующихся в том числе на зубных делах, а поскольку нанимали в эти фирмы и представительства бывших зубников, то Мапе, при содействии вездесущего Мосешвили, со всеми - или почти - удалось войти в деловые контакты, которые носили взаимовыгодный характер: фирмы поставляли «Стоматологике» многие западные новинки, пусть дорогие, цены теперь никого не останавливали: стоматологическое сообщество дружно взвинтило их, переложив полностью, ясное дело, на пациентов, а «Стоматологика» стала как бы одним из пробных центров, где впервые осваивались эти новации.

Это, таким образом, насытило учебник Марии Павловны описа-

нием еще и нового оборудования, лечебных технологий и препаратов, конфетка получилась - пальчики оближешь.

Когда, после размножения верстки на ксероксе и прочтения будущего учебника докторами наук «Стоматологии», они все вместе собрались на чаепитие в кабинете президентши, приговор оказался суров, но справедлив.

Немедля выделить средства из общего кошта клиники на массовое издание книги, докторскому составу - вновь в научном смысле слова - подписать обращение в соответствующую службу Минздрава, присваивающую книге гриф «Учебник», с одновременным, теми же лицами, подписанным экспертным заключением, а возглавят перечень подписантов два-три стоматологических светила, действительные члены и члены-корреспонденты Академии медицинских наук, что организовать берется Мосешвили - с чистым сердцем. Такого учебника еще не было!

- Самая балшая пэчаль, - с неизгладимым акцентом заключил грузин московского разлива, обладающий тотальными связями, - что вас ожидает, Марья Пална, так это что вам прыдетца нэмного патэснится, прапустив впэрод балших ученых. И тогда будет опасно, что вас избэрут в академию!

Это заключение знатока - и частичного владельца - главных грузинских рестораций столицы, многоумного и сверхвлиятельного человека, завершилось могущественным успехом. Пара академических светил, прислав по небольшой дополнительной главе для учебника, согласились на соавторство, минздравовская волокита обернулась скоростным восторженным приговором, клиника наняла пару мастеров по части профессионального пиара, которые не только заказали тираж, но и отправили всем ректорам стоматологических вузов и деканам аналогичных факультетов то ли предложения, то ли предписания, то ли рекламный текст на срочное и массовое приобретение учебника.

Проценты с этого необычного капитала были необыкновенны. В материальном смысле - гроши, особенно в сравнении с ценой на стоматологические услуги. А в моральном - просто феерические. Этот усатый, добродушный грузин оказался филантропом высшего класса. Уже на банкете в «Араги» по случаю издания учебника, где, конечно же, расслаблялись и высокие соавторы, было решено выдвинуть Марию Павловну в члены-корреспонденты, но не настоящей Академии меднаук - это было бы уж слишком! - а общественной Академии медицинских исследований, за поступление куда следовало слегка приплатить. Что и было сделано.

Так что теперь во главе «Стоматологии» находилась пожилая женщина с открытым, располагающим лицом, крупный зубной хирург, доктор наук, а теперь член-корреспондент Медицинской академии - поди разберись, какой академии, да и разве это имеет значение? Но все это - не хухры-мухры! Не сотни мелких зубных лавочек, кажется, в любом свободном подвале открытых! Да и все врачи клиники - до единого! - доктора наук!

В «Стоматологику» образовалась настоящая очередь, зная разного ранга обрывала телефоны, и теперь уж Мапа не лукавила по вечерам с государством, перебивая чеки на подложном кассовом аппарате. Хотя и царствовала она во все том же маленьком, но уютном кабинетике, но царствовала по-настоящему: пила чай, беседовала по-прежнему с самыми замечательными из пациентов, оперировала только по выбору, а все думала: спасибо, Господи, что хоть на краю жизни все так счастливо сложилось и получилось.

И академия, и учебник, и новая трехкомнатная квартира, пусть далековато, но теперь-то уж у нее персональный новенький «фольксваген» с шофером - еще одно преимущество клиники.

Под вечер она едет домой на этом бесшумном автомобиле с Петей, вежливым молоденьким водителем, обученным открывать дверцы перед знаменитой старухой и нести портфель с бумагами, а надо, так и сумку с овощами, - а обочь дороги, пусть нечасто, но на нее смотрят щиты с ее громадным портретом в белом халате и в белой же шапочке - совсем другая фотография, чем тогда, поначалу. Текст на щите рекламирует клинику именно так, как полагается в конкурентной борьбе: лидер «Стоматологии» - автор учебника, член-корр, а все врачи доктора наук. И все - без боли! Беги, человек, в наши объятия!

Что же касается Николая Михайловича, то и его радостями судьба не обделила: система влиятельных демократов положила на него глаз и включила в состав редколлегии по изданию архивных бумаг о сталинских репрессиях. Бумаг этих в архиве было как дров - целые штабеля, и, за редким исключением, никто их прежде не трогал. Теперь они вошли в цену, и заместителю директора архива - что ж, по-прежнему заместителю и по-прежнему кандидату наук - едва хватало рабочего времени, чтобы просто дать распоряжения, скоординировать действия группы молодых, борзых, политически точно сориентированных, а частенько с иностранными паспортами людей, которые с нерусской организованностью и быстрой копировали документы, сортировали их, комментировали сами или нанимали старых спецов, откликавшихся на просьбы с большим интересом: платили за сие отменно.

Ну, а что про Николая Михайловича толковать! Сомнительные продажи документов канули в прошлое, все у него двигалось теперь законно и чисто, тяжесть свалилась с плеч, и он ощущал себя почти по старому лозунгу - мобилизованным и призванным.

Разглядывая по вечерам из окон третьего этажа прилегающие окрестности и утыкаясь в стены одинаковых железобетонных типовушек, странное дело, Николай Михайлович, глубоко пожилой и склонный к философичности человек, не замечал, что взор его замурован. Там, в центральной Москве, он обозревал крыши нижестоящих зданий, залатанные, безрадостные, и они не пересекали пространства - видеть можно было далеко, и это наполняло ощущение мысленного простора, позволяло мечтать, пусть и о глупом, смешном, почти детском.

Стены перед новой их квартирой ограничивали мир. Перед глазами выстроился бетонный лабиринт. А то, что было за спиной - достаточное для благоустроенного обитания, благополучное пространство нового жилья и мысль об успехе в конце жизни, - освобождало от всякого рода пустых мечтаний.

О чем мечтать, когда есть успешная реальность?

9 Мася с Анечкой сидели на холодной скамье скверика, пока не продрогли, и тогда Анечка предложила пойти к ней домой.

- Если не испугаешься, - прибавила Анечка, но Мася пропустила эти слова, отвергла их. Ей хотелось в тепло, куда-нибудь привалиться и уснуть. А вначале - душ, принять душ, все ее тело вдруг стало ей противным, показалось грязным, испачканным.

Они быстро двинулись, сокращая путь, каким-то закоулками, вошли в зашарпанный подъезд старого приарбатского дома, где отвратно пахло мочой и вдоль стен стояли пустые винные бутылки. Анечка двигалась первой, этаже, кажется, на третьем отомкнула ключом дверь, и они вступили в коридор, по обеим сторонам которого были распахнутые двери.

- Это коммуналка, - сказала Аня, - нас расселяют, остались только мы с мамой. Но мы не хотим уезжать из центра. Только нас все равно вышвырнут.

- Как? - удивилась Мася.

- Как хотят! - усмехнулась Анечка. - Знаешь, как вышвыривают на улицу безродных котят?

Мася не знала. Сказала глупо, невпопад:

- А я думала, ты дочка того Бочкарева. Который пиво.

- Глупышка, - по-взрослому парировала Анечка. Они уже были в их комнате, и она доставала полотенце, свои чистые трусики, маечку, разрывала новую пачку душистого мыла.

Ванная оказалась действительно страшной. Где-то на далекой высоте, метрах в пяти, светила лампочка, как далекая и тусклая искусственная звезда, дно ванны было рыжим от ржавой воды, а резиновый шланг душа, когда Анечка для пробы включила его, сикал в стороны тонкими струйками. Правда, вода шла бурно - может, оттого и пробило этот ненадежный шланг.

Мася осталась одна. Намылилась душистым земляничным мылом - приятным на запах, знакомым, но забытым. Такое мыло водилось у них с мамой раньше, когда Мася была совсем крохотулькой, а Маня преподавала в училище, и жили они как все. Только ведь времени с тех пор - ого-го - сколько утекло, и Мася уже не помнила, когда брала в руки мыльце с острыми углами. Для головы у них жидкий шампунь, для тела гель, а если надо руки помыть - так мыло всегда круглое или овальное, с поразительными, даже нежными, но неестественными запахами.

Здесь не было шампуней и гелей, да и вообще требовалось умение не покачнуться в скользкой и противной ванне, чтобы не задеть грязные стены - а не сядешь же на это отвратно рыжее дно.

Анечка, похоже, понимала происходящее и стояла за дверями, Маша слышала ее легкие движения, шажочки, вздохи.

Ах, какая же милая эта Анечка, какая добрая, ласковая, душевная! И ничего особенного она не сказала в ответ на Масину исповедь, только слушала, не ужасалась, и это самое лучшее, потому что Маша и так сломалась, а если бы ей еще и подлевали, усиливали ее боль, соглашались с ее страданиями, легче бы никак не стало. И Анечка просто прижимала Машу к себе, хрупкой и тоненькой, и оказалось, что эта слабость Маше нужна сильнее, чем надежность крепкой руки. Анечка всем существом как бы говорила Маше: «Держись, ты ведь крепче меня и физически сильнее а, представляешь, все это могло случиться и со мной. Что тогда?».

Может, Анечкина хрупкость остановила Масино падение, что ли. Она не притормаживать стала, нет, а думать про Анечку, сравнивать себя с ней. Потом ее зазнобило и она захотела помыться – зачесалась. И вот теперь стояла под горячей струей, смывала с себя земляничную пену, внюхивалась в резкий, но естественный запах – земляника так земляника, – осматривала испуганным взглядом жуткую черную ванную комнату, – будто здесь не люди жили долгие годы, а неизвестно какие существа; прислушивалась к движениям Анечки за дверью.

Потом вытерлась, оделась, прошла в комнату, где жили Анечка и мать. Уютно, но страшно бедно. Маша по-взрослому подумала, что уже отвыкла от такого, впрочем, в подобной берлоге они никогда и не жили, а дальше ей в голову пришло, что она бы осталась здесь. Наверное.

Анечка уложила ее в свою кровать, укрыла двумя одеялами, велела поспать, а сама ушла куда-то к окну. Перед этим дала в руки Маше небольшую куклку в новом платице, сказав при этом: «Она успокаивает! И приносит счастье!»

Маша почти сразу провалилась в сон.

Разбудила ее Анечка. Часы перевалили за три, занятия в школе давно кончились.

- Вставай, Маша, – сказала Анечка, – теперь тебе надо домой. К маме.

И забрала из закоростеневшей руки Маше не новую простецкую куклку, приносящую счастье.

Они вышли на улицу, и Анечка проводила Машу не до подъезда, а до порога квартиры.

Дверь открыла Машина мать Мария.

10 Маша не ожидала этого. Думала, откроет Эльза, она разделается, пройдет в кабинет, где лежит большая, ставшая похожей на гору, мама, приляжет к ней на широченный диван, прижмется, заплачет и все расскажет, что с ней произошло. Как рассказывала про двойки, чего давно с ней не случалось, или какие-нибудь неприятные детские истории.

Но Маша давным-давно не получала двоек. Давным-давно не

случалось с ней даже ничтожных неприятностей. Она отвыкла приходить к маме - так, только обмен стандартными фразами: «Как дела?» - «Нормалек, две пятерки», - «Молодец! Хочешь есть?» Но разве так говорили они когда-то? Да вспомнить только ту злопаятную ночь, когда мама плакала, рыдала просто, в своем тоскливом одиночестве, в тупике, куда сама же себя загнала, - и к ней пришла Мася, они обнялись и вместе заплакали, но уже облегченно, потому что плакать вдвоем - значит делить груз на двоих.

С тех пор прошло два года, почти два! И они крепко изменились! Мася чуточку попереживала, когда мама объявила, что у нее будет ребенок, - к ней приползла какая-то ревность. Но ненадолго. Потому что Масю после уроков провожал Алеша Благой, читал стихи и они говорили о вещах очень даже серьезных. Чего стоит один Грегор Нарекаци, славный и мудрый монах! «Не дай мне быть дождем и не пролиться!» Чего только одно это стоит! Словом, у Маси была своя жизнь и новый мамин ребенок, еще, впрочем, не рожденный, задел ее как бы вскользь, кольнул, но не ударил, срикошетил пока что... Ну и мама переменилась.

Раньше Мася знала по именам всех ее друзей-товарищей по училищной кафедре, хоть и заочно. Теперь мама называла своих новых подружек по фитнес-клубам и чаепитиям кличками: Рыжая, Бандерша, иногда близким к именам - Касюня, а иногда и вообще странными словосочетаниями - Всякая Всячина, или вот - Во Всех Отношениях. Но раз уж там так принято - давать за спиной прозвища этим новым русским леди, богачкам за чужой счет, как же, интересно, кличут маму? Гигантшей? Горой? Всехподавляющей? Или, напротив, Массой Удовольствий? Отличницей?

Переступив порог и стоя против самой родной и самой единственной, Мася вдруг ощутила, что между ней и матерью лежит ручей, если не речка, трещина, если не пропасть.

Однако ее надо перепрыгнуть. Уронив сумку на пол, Мася проговорила:

- Мама, нам надо поговорить...

Не слова вышли, не просьба, а скрежет. Да еще и глаза Мася отвела. А что она должна сделать?

- Эльза! - крикнула мать, не оборачиваясь, не отрывая своего взгляда от дочки. - Пойдите, пожалуйста, на кухню!

И когда стучи дверей и бодрое шлепанье ног обозначили передвижение горничной в нужном направлении, повернулась, прошла в столовую, присела в кресло.

- Ну!

- Сегодня ночью, - начала Мася, и слезы хлынули из ее глаз. - Мама!

Но мама не содрогнулась, не кинулась ей навстречу, не заплакала тоже, чтобы разделить тяжесть на двоих.

- Ну? - спросила сухо. И усмехнулась. - Вячеслав Кимович изнасиловал тебя?

Масю ударила горячая волна. Впервые кто-то произнес эти

«лова. Беду, которую она испытала, обозначил словами, которых и у нее-то не находилось - а вот у мамы, родной мамы, нашлись.

Плохо соображая, срываясь в стон, предчувствуя что-то такое, что и представить невозможно, Маса кивнула, а мать сказала ей:

- Брось выдумывать! В конце концов, это неблагоприятно! Человек переменял всю нашу жизнь! Мы катаемся как сыр в масле! И ты тоже! У тебя все есть, что еще нужно?

- О чем ты, мама? - заплакала Маса, но это не вызвало у гороподобной женщины никаких чувств.

- У тебя никто ничего не отнимет, все твое при тебе. Но и ты не отнимай у меня мужа!

Масю будто ударили. О чем она говорит? Ее дочь отнимает у нее мужа, этого Вячика? С ума сошла? Это какой-то бред, мираж, галлюцинация!

Да и мама ли ее, эта женщина? Та ли большая, славная отличница, мастерица компьютерных дел, страдальца, потерявшая мужа возле Останкина в горьком бое между добром и злом?

- Мама! - в страхе и отчаянии запричитала Маса. - Ты ли это?

- Я, я, - говорила гора человеческой плоти, поднимаясь, разгибаясь, наливая в стакан воду и протягивая его дочке, - успокойся, такое бывает с девочками, это возрастное, пройдет, а ты выпей пока таблеточку. Вот эту. Она поможет успокоиться.

Гора мяса, отвратительная громадина в распушенном, неопрятном, хотя и дорогом, с золотым расшивом, халате, с маленькой, непропорциональной телу, недумавшей, как у вымерших динозавров, головой, на которой остались лишь случайные черты когда-то любимого и единственного существа, - двигалась к Маше медленно и поэтому, казалось, угрожающе.

Маса схватила стакан, протянутый ей, тонкий обыкновенный стакан, из которого пьют воду, подскочила к твари, хоть и питающейся листвою высокорастущих деревьев, но оттого не менее отвратительной, и хлестнула ей в морду содержимое стакана.

Хотела швырнуть вместе со стаканом.

Но он был из тонкого стекла. Он мог ударить в лоб этой твари, разбиться и поранить. А Маса не терпела крови, падала в обморок при виде ее.

Так что она просто выплеснула содержимое стакана в лицо матери, а стакан из тонкого стекла - через какое-то мгновение - швырнула в стенку. Швырнула с недетской, остервенелой силой.

Стакан раскололся в мелкие визжащие осколки, в кашлицу, рассыпавшуюся стеклярусом, и только плотные кусочки доньшка разлетелись крупными осколками.

Мать не закричала. Просто остановилась. Стояла как вкопанная.

В комнату, негромко причитая, вбежала Эльза. Она причитала себе под нос, обученная по-немецки, ничему не удивлялась и ничего не страшилась.

Ее не пугали лица двух самых близких женщин - взрослой матери и маленькой дочери.

Мало ли чего не бывает в богатых семьях!

Мася выскочила в свою комнату и закрылась. Упала на кровать и дала волю слезам.

Может быть, мать унизила ее горше, чем Вячик.

Она не поверила. Не захотела тревожить себя, менять свою жизнь, это же ясно!

Она просто предала Масю.

Девочка это понимала всей своей неокрепшей душой.

11 Нет ничего горше предательства.
Друга - другом, любимого - любимой.

Но нет предательства более непростимого, нежели предательство малого человека взрослым.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПРОЦЕНТ С КАПИТАЛА

1 Мася сначала лежала на кровати, плакала. Потом слезы кончились, они пересохли как тонкий ручей.

Чувствовала, что в ней происходят странные переделки. Голова светлела, вместо того, чтобы туманиться, клониться ко сну. Тело наливалось свежестью, а, может быть, взрослостью — кто знает, когда это происходит и как именно приходит к детям.

Она уже не лежала навзничь, а сидела поперек кровати, опершись спиной о стенку, и смотрела, как сумерки синеют за окном. Весь день ею правила смута, а к вечеру вдруг прояснело, стало свежо и остро - на сердце и в голове.

В какой-то миг ей кто-то велел подняться, одеться, взять из ящика стола небольшие ее деньги, тихо открыть дверь, натянуть куртку и выйти.

Меньше всего она хотела бы хоть кого-нибудь видеть, даже Эльзу. Нет, она не боялась ни Вячика, ни мать, просто не хотелось говорить - ведь какие-то, пусть пустые, слова, а надо было произвести. А у нее рот не открывался, будто челюсть свело.

Голова была ясной, свежей, а зубы сжались, рот сухой, и куда-то ее вело. Какой-то инстинкт.

Напрасно волновалась — ее шаги по дому никто не слышал, а на лестнице — так и не слушал. Она вышла на улицу и побрела бесцельно.

Сумерки загустели, превратились в раннюю ночь. Весенний ледок похрустывал под сапожками, уличные фонари высвечивали лица немногих прохожих, чтобы тут же уступить их скрывающей тьме.

Маша подошла к университету на Моховой, там, где Татьянин храм для студентов, перебралась к Манежу. Нарядно светился, выпирал из-под земли стеклянный купол подземного магазина, но она пошла мимо него, по пустынной каменной тропе, вдоль которой мчались машины.

Возле гостиницы «Москва» отчего-то собралось много женщин. Сперва она подумала, что, может, в гостинице есть концертный зал и там закончилось шоу, но женщины никуда не торопились, и она все поняла. К женщинам подъезжали машины, и некоторые с достоинством приближались к ним, говорили о чем-то с водителями или пассажирами в приоткрытые окна, потом — иногда садились и уезжали, а иногда отходили назад. Все женщины были молодые, весело возбужденные, игриво настроенные, точно вышли из ресторана, некоторые перекликались — шутливо, но прилично.

Мася медленно шла у них за спинами, пыталась разглядеть их лица, но тщетно — они не оборачивались, были сосредоточены на проезжую часть, на мелькающие автомобили, и провожали взглядами те, которые летят мимо, не думая притормозить.

На какое-то мгновение Мася задержала шаг, и к ней обернулась достаточно элегантная — то ли дама, то ли девица, — хорошо, со вкусом одетая, белые локоны длинных волос сбегали на грудь.

— Мелкая, — спросила она на удивление красивым, нежным голосом, — чего тут делаешь? — И, не услышав ответа, прибавила: — Ты чья?

— Ничья, — проговорила Мася.

— Ничья? — удивилась блондинка. — А здесь все чьи. Ничьих не бывает. Так что топай домой! — И отвернулась к дороге.

Бог ты мой! Мася не читала газет, разве что случайно, и в школе у них не говорили об этом, считалось неприличным. И все же существует какое-то сарафанное детское радио, которое переносит знания, не самые достойные, от одного уха в другое, и как-то так получается, что дети сами узнают то, о чем, может, и говорится, да не для них. Откуда-то и очень мало знала и Мася о женщинах, которые стоят вдоль самых оживленных улиц, а вот увидела их первый раз и содрогнулась.

Женщины эти были нечисты и осуждаемы. Но выглядели хорошо и одеты нарядно. А вели себя оживленно, словно на праздник собрались и вот-вот на него отправятся. Как-то Мася узнала, что за услуги эти женщины берут долларами, считают свой труд престижной работой, ни в чем не уступающей хотя бы торговле, потому что торговля тоже не всегда чистое занятие, ну а они торгуют своей собственностью — своим телом.

Она вздрогнула. Попробовала представить себя на их месте. Не просто не получилось, а стало тошно: это же конец всему... Одернула себя: а, может, не конец. Может, и правда кому-то праздник, успех, радость? Чего ты знаешь-то? Твоя беда все застит, а эти, про свое начало вспомнив, небось, рассмеются?

Мася дошла до памятника Марксу, села на холодную лавочку, съехала. Думала.

Что такое вообще отношения мужчины и женщины? Ну, да, появляются дети, продолжение людское, семья.

А вот это — женщины у бордюра? Что это значит? Почему надо торговать собой? От голода, что ли?

И все, что случилось с ней, — за что, почему, зачем? Кому это надо? Вячику? А она? Она-то кто для него? Никто? Слабый птенец перед хищным вороном? Зайчонок перед волчиной?

Но они же не животные! Ни он, этот Вячик, не волк, ни она не зайчонок, а люди! И у людей, самых маленьких даже, есть достоинство. Свобода! Права, наконец: разве жить с чувством безопасности всегда и во всем это не право и не свобода?

А ее, Масю, растоптали! Взяли и растоптали, будто она безгласный цветок или беззащитный цыпленок. И у нее ничего своего нет — ни силы, чтобы защититься, ни матери, чтобы спрятаться за нее.

Она одна.

Мася тихо заплакала. Ей казалось, никого тут нет, в этом сквере, очень центральном, а освещенном почему-то неважно. Но мужской голос спросил за ее спиной:

— Девочка! Почему ты плачешь?

И чья-то чужая ладонь легла ей между лопаток.

Мася вскочила и бросилась в сторону. Потом обернулась. Во тьме стоял военный — поблескивал погон, было непонятно, что это за человек, может, милиционер?

Но как-то он нехорошо ладонь положил. И не на плечо, а на спину. Впрочем, что такое хорошо для Маси в этот день и час, да еще от чужого человека?

Она молча побежала к станции метро «Площадь Революции».

2 Мася знала, что это сложная станция, так что пришлось постоять у схемы, решить задачку, как идти и ехать, чтобы добраться до бабушки. Потом шла длинными подземными переходами, вглядывалась в лица встречаемых людей, не удивлялась их выражениям — просто регистрировала, что видела.

Большинство прохожих передвигалось с равнодушными или усталыми масками. Радостными были только блаженно пьяные или подвыпившие — хоть старики, хоть молодые. Пацаны отличались от взрослых громкими голосами. Пели или просто бессмысленно кричали. Подвыпившие старики встречались реже, видать, сидели по домам и не очень-то разъезжали на метро после теплых встреч. Но те, что попадались, не выглядели равнодушными, вот что интересно. Пьяная тупость на лице, если слишком много принял, благодушие, если просто навеселе, радостное удовольствие, коли выпил так себе. А равнодушными были трезвые.

И Масе показалось — трезвые совершают какую-то неправду, а, может, лгут. Пьяные просто живут. И выходило, что пьяные честнее.

Навигатор, расположенный где-то в глубине каждого из нас, вел Масю к бабушке, Марии Павловне, но хотя она бывала в ее новой квартире, и не раз, ее всегда, вместе со взрослыми, привозила машина. Даже адреса ведь она не знала. Помнила дом, ну, и этаж, потому что эта тема порой проскальзывала в речах предков.

Однако когда она вышла на последней станции метро, ничего вокруг не узнала. К тому же стало темно. Мася все-таки двинулась к

домам и почти сразу поняла, что ехала через весь город впустую. Дома, может, еще и отличимые днем по каким-то приметам, в начале ночи были совершенно похожи друг на друга. Конечно, они отличались этажами, по-разному располагались друг к другу, но во всех этих особенностях надо было разбираться, а Маша не разбиралась.

Она двигалась по тротуарам, пересекала пустынные дорожки, шла, как ей казалось, прямо, но из-за одного железобетонного дома, наверное, чистенького и яркого в солнечный день, а теперь похожего на черный короб, простроченный разноцветными огоньками окон, выступал другой такой же короб, а из-за него выглядывал еще один, и еще.

Маша поняла, что совсем чуть-чуть – и она заблудится. Остановилась перед тем, как повернуть обратно. Тут же обернулась, унывая за спиной шаги. Перед ней стояли трое, по фигурам – мальчишки, по их росту – примерно десятиклассники, если можно приводить силуэты к школьному знаменателю.

Маша сунула руку в карман куртки, этот жест и его объяснение она приготовила давно, еще в свои безмятежные дни – на всякий случай, но какие такие случаи были у нее прежде: днем в центре безопасно, да и она почти никогда одна не ходила, а вечером, если и передвигалась, то с Вячиком и мамой, и это значит на «мерседесе» с охранником за рулем.

– Заблудилась, крошка? – спросил невинным голосом тот, что стоял перед Машей слева. – Ты, похоже, не нашенская, залетная, из самых что ни есть бульваров?

– Здешняя! – ответила Маша, – вот из этого дома, гуляю с собакой, сейчас она подскочит, так что лучше отойдите, у меня бульдог.

– Да ладно тебе, – пискляво хихикнул другой край. – Мы за тобой третий квартал идем. Не туда заехала?

– Отойдите, – сказала Маша приготовленные заранее слова. – У меня в руке шило.

– Это очень больно, – кривляясь, сказал тот, что стоял в центре. – Поэтому давай по-хорошему. Видишь, нас всего трое. Не так уж это и трудно. Вот если человек десять, тогда другое дело.

– Попробуйте! – твердо сказала Маша, и эта ее твердость, похоже, подействовала. Трое парней топтались перед ней, выеживались на словах, но не двигались.

И все же они решились. Тот, что стоял слева и первым завел речь, кинулся к Маше и схватил ее за рукав. Чтобы отбиваться, она освободила руку, которая была в кармане, и ударила кулаком, похоже, в ухо – а это известно какой звон, и парень легонько взвизгнул, но другие кинулись вперед. Обе руки были вывернуты назад, в плечах стало больно, и Маша заорала изо всех сил. Но улица была пуста, пацаны знали свою округу, а девочка слишком легка. Они перехватили ее с двух сторон и побежали.

Ее тащили куда-то в сторону, в темноту, теперь уже совсем глухую, и Маша подумала, что все, что с ней случилось дома, было только началом какой-то большой беды.

Ее несли по воздуху спиной вперед два придурка едва старше ее, а третий бежал свободно прямо перед ней. Все трое дышали загнанно, тяжело – то ли были не сильны в беге, то ли предчувствие греха разгоняло, запыхивало до предела их нутро.

Те, что волочили ее, остановились враз и резко, а третий все бежал на Масю, и она не сплеховала, ударила ему обеими ногами в низ живота, в самый, похоже, поддых, и он молча свалился, даже заорать не смог.

Тогда левый схватил Масю за юбку, добрался до колготок, потом до трусиков и сильно рванул на себя. Колготки эластично тянулись, противились, но слишком силен был рывок, и они лопнули. А трусики были Анечкины, ведь она в ее бельишко переоделась после душа, и, конечно, ношенные, не крепкие, и они с легким треском порвались, и даже клок материи остался в руке парня.

Похоже, все это не было для него привычкой, он остановился, задержал руку перед Масиным лицом, и она, как загнанный звереныш, вцепилась ему в запястье. Парень взвыл, освободил Масину руку, она не навалилась, не толкнула, а всей своей легкой плотью кинулась в сторону третьего, и тот запнулся во тьме, выпустил ее, матюгаясь. Не теряя мгновения, Маса, как дикая кошка, опрометью рванулась во тьму и помчалась вперед.

Она ничего не чувствовала, ничего не видела, и по всей логике здравого смысла должна была споткнуться, упасть, удариться в темноте о какие-то кубы, мелькавшие мимо. Но, видно, страх дает людям кошачье зрение во тьме, включает все неведомые радары его существа, чтобы увидеть препятствие и его перепрыгнуть, наступить на кочку, но не подвернуть ногу, обогнуть место, где может быть тяжелый предмет.

Она выскочила с пустыря, или со стройплощадки, куда затащили ее парни, – разве же поймешь, где она оказалась? – добежала до слабоосвещенного проезда и ворвалась в первый жилой подъезд.

Никаких консьержек и дежурных здесь, конечно, не полагалось, дом хоть и был, по всему, новым, но освещался весьма странно, лампочки горели где-то на третьем этаже, и она влетела туда на одном дыхании.

На площадке было четыре двери. У каждой кнопка звонка. Она нажала одну. В глубине квартиры что-то медленно зашуршало. Масина душа разрывалась: «Быстрее, быстрее!» И она нажала другую кнопку. Потом третью и четвертую.

3 Из-за первой двери послышался женский старческий голос:
– Кто там?

Маса крикнула:

– Телефон есть?

– У нас нет телефонов, а что?..

Но она уже не слышала. Кричала во вторую дверь, которая приоткрылась, сдерживаемая цепочкой:

– Откройте! Помогите! За мной гонятся!

Дверь захлопнулась, не вступив в объяснения.

Третья дверь тоже едва приоткрылась, и визгливый бабий голос как бы ответил за всех:

– Бегают тут всякие! Спать не дают! Кому надо ввязываться в ваши дела! Греха не оберешься!

В щели мелькнул не глаз, а только отраженный свет лампочки на лестничной площадке – маленькая точка, взблеснувшая во тьме.

Только четвертая дверь распахнулась настезь. На пороге стоял амбал в черной майке, лет, наверное, сорока, лысый, но с округлой бородой, будто голова его перевернулась и пышная поросль, которой полагалось быть надо лбом, переместилась на подбородок.

Был он не равнодушен, этот амбал. Поигрывал мышцами, румянец расплзался по щекам, явно подшофе пребывал мужик, поспеивался, говорил:

– Ну, заходи, девочка, если смелая! Заходи!

– Дяденька, – наивно, из последних сил, взмолилась Маса, – там трое парней...

У нее не доставало сил сказать, что случилось, объяснить внятно, какая помощь нужна.

– Это что, – вздохнул мужик и пожал могучими плечами, – ненавязчивый сервис? – И кивнул головой, показал взглядом на Масыны ноги.

Она опустила глаза и взвыла. На одной ноге, запутавшись в раструбе сапожка, замотавшись вокруг ноги, висели порванные колготки.

Маса молча кинулась вверх. Дом был высокий, и она бежала по лестнице, то окунаясь во тьму, то выбегая на свет, – потом оказалась на последней площадке, точнее, площадочке. Здесь не было квартир, а только лестница, круто ведущая на крышу: тонкие металлческие прутья, а над ними обитый железом закрытый люк.

Маса на секунду остановилась. Затем поднялась по лестнице и толкнула люк. Он поддался. Она приподнялась еще выше и спиной откинула нетяжелую крышку. Закрыла ее за собой, оглянулась. Отраженный далекий свет обозначил невысокий потолок чердака, но, главное, распахнутую на крышу дверь.

Осторожно нащупывая путь, она вышла на нее, осмотрелась. Крыша была плоская, неопасная, но по краям не было никакой ограды. И справа, и слева высились такие же дома и снова разноцветно освещенные окна, будто иллюминаторы огромных кораблей, стоящих друг к другу под разными углами, огромными плоскостями уходили в стороны.

Наконец-то Маса вздохнула облегченно, наклонилась и сняла с ноги то, что оставалось от трусиков и что так унижающе разглядел бородатый амбал. Она хотела было бросить этот кусок тряпки с крыши, но удержалась, сунула в карман куртки. Снизу поддувало, она огляделась и, найдя выступ на краю чердака, присела на него.

Сначала она прислушивалась – ждала голосов, шагов этих парней, своих преследователей, но было тихо, и она поняла, что они

идти в дом не решились. Может, ждут внизу, так что надо терпеть, сидеть тут. Вздохнула, еще чуточку расслабляясь: сколько?

Вообще, что происходит вокруг? Что случилось с ней? За что и почему ее гонят, как зайчишку охотники? Кому она понадобилась?

Еще вчера вечером она леглась спать маленькой наивной девочкой, а сейчас? Кто она? И зачем вдруг так несправедливо обернулась судьба? За какие такие грехи?

Мася вдруг пришла какая-то не ее, а чужая и очень взрослая мысль: а вдруг я расплачиваюсь за чужие грехи? Плачу по чужому счету? Ну, кто-то рядом со мной крепко погрешил, а в расплату выбрали меня, чтобы побольнее было тем, кто грешен?

Мама? Эту мысль Мася отвергла: что она такого сделала? Бабушка? А она тут при чем? Конечно, есть Вячик, но ведь это он всему виной, ну что это за наказание ему? Да и чужой он человек, этот Вячик, материн муж. Не человек, а волчара.

Вчерашнее вновь навалилось на Масю, опять откуда-то взялись слезы, она заплакала, не сдерживаясь: здесь, на крыше, уж совсем никого не было, и никто не мешал ей прямо перед небом бормотать одно и то же: «За что, Господи? За что?»

А небо над ней вело себя странно.

Внизу, на земле, было сравнительно тихо, лишь редкие и не- сильные порывы ветра достигали крыши высокого дома, — сколько тут, шестнадцать, восемнадцать этажей?

Зато в поднебесье творилось что-то невероятное и никогда ею не виданное: тучи неслись в несколько этажей, один слой над другим. Но неслись-то в разные стороны. Рваные клочья их то открывали взору, то прятали иногда самый верхний, иногда средний слой. Изредка, когда все три слоя разрывались, в Масю вперивался блеклый глаз полной луны, и ей казалось, что кто-то в упор смотрит на нее этим странным, с поволокой, глазом. Потом все вдруг закрывалось, слой наезжал на слой, быстро, беззвучно, таинственно, а потом небеса раздвигались снова, и опять закрывались.

Будто нечистая сила металась там, над Мasiной головой, и не знала, как поступить, что сделать, чтобы замести чьи-то грязные следы. И рваными тряпками облаков закрыть Масю от далекого взгляда, спрятать и ее и ее беду, чтобы дальний глаз не сумел разглядеть все, что случилось, и установить нарушенную справедливость.

Мася опять заплакала: какая справедливость! И как можно что-то восстановить? Как вернуться и стереть из сознания и памяти надругательство над ней?

Непонятно, есть ли справедливость в небесах? Существует ли кара небесная? Как и когда воздается по делам их грешникам всяким? Но ей то что от того? Ей не вернуть ее вчерашней. Самой себе не вернешь! И никто тут не поможет. Никакое наказание.

Одно есть: всех наказать. Уйти от всех.

Она, как все та же сомнамбула, поднялась с чердачного выступа и приблизилась к краю крыши.

Мася замерзла, ноги ооченели, и шаги получались неуверенными. Впрочем, все было неуверенным в ней – и шаги, и смутные, тоже остылые, мысли, и глаза, которые смотрели на стены железобетонных домов, в которых один за одним гасли цветные теплые окна, как гаснет, наверное, надежда.

Девочка опасно приблизилась к краю крыши и смотрела по бокам и вниз стылым, замороченным взглядом.

Крикни сейчас кто-нибудь, желая ее остановить, хлопни в ладоши, чтобы привлечь внимание, – она бы, вспугнутая криком, вздрогнула и шагнула вперед, чтобы освободиться от всего, что было, вздохнув при этом облегченно.

Но никого, слава Богу, тут не было. Никто не окликнул Масю.

Она постояла на краю крыши, посмотрела по сторонам, заглянула еще и еще вниз, к страшному подножью высокого дома, выдохнула остановившееся дыхание и вернулась назад.

4 Едва стало светать, Маша спустилась вниз. Выбиралась с чердака осторожно, боясь шуметь, ширкнуть сапогом, будто какая-то воровка, хотя можно было спуститься на лифте – он работал, слегка погуживая, пополз вверх, когда Мася нажала кнопку, чтобы его проверить.

Но сошла вниз все-таки пешком – из страха, что ли, бесполезного, впрочем, теперь. Не стоят же эти парни в подъезде до самого утра. Так и было: она вышла на пустую, просторную, тихую улицу. Ни души...

Куда идти? Откуда она бежала, а вначале шла? И спросить некого, как ночью: ни души.

Она двинулась в направлении, которое ей казалось правильным, миновала несколько похожих домов – похожих, но не одинаковых, и опять поняла: заблудилась. Только вот тревоги не было – дома освещало раннее низкое солнце, и хотя окна теперь не светились, белые железобетонные стены, отражая свет друг на друга, превращали холодный лабиринт в яркий город.

Мася остановилась. Она стояла перед домом, который походил на бабушкин. Вот такие же синие подкраски под крышей, впрочем, под углом к нему стоял абсолютный близнец, – но она знала, чувствовала, что бабушкин – этот. Тот, что перед ней. И все же сколько раз она ошибалась! Вот позвонит чужим людям в такую рань, какие опять слова услышит?

И все-таки она вошла в подъезд, который казался ей правильным, поднялась на третий этаж, нажала кнопку. Сколько же сейчас времени-то?

За дверь стояла тишина, похоже, все-таки она ошиблась, и Мася повернулась, чтобы уйти, но дверь неожиданно распахнулась, и девочка едва узнала бабушку. Впрочем, видала ли она ее когда-нибудь в одной сорочке, платке, укрывавшем бигуди, неумытую и неподтянутую и к тому же напуганную?

– Господи! – выдохнула та. – Маша! Девочка! Что случилось?

А Маша была выморожена и пуста. Требовалось что-нибудь сказать в объяснение, но слов не было. И слез не было. Она стояла, будто просто заблудившаяся, случайная, незнакомая этой старухе девочка, и ей неохота говорить, объяснять, оправдываться.

Она стояла и молчала. Молчала. Стояла. Смотрела пусто, без удивления, взглядом, полным недетской усталости и тоски, и тогда Мапа, чуя неладное, кинулась через порог, схватила в охапку, обняла, прижала к себе и, тяжело опускаясь на колени, зашептала:

— Что случилось? Что случилось?

Будто на какое-то время зубного хирурга и пожилую женщину покинули разум, опытность, готовность действовать. Стучалась в маленькую закрытую дверцу, не находила отклика и на минуту свалилась, лишаясь сил. Но тут же вскочила, поняв, что сейчас никакого ответа не будет, схватила Масю за плечи, завела в дом, потом в ванную, почувствовав, женским нутром поняв, как замерзла, остыла девочка, и, пустив воду, стала ее раздевать, точно маленькую. Не увидев трусиков, ничего не произнесла, усадила Масю в воду, налила полфлакона жидкости, которая превращается в пену, наказав не закрываться, вышла, прихватив внучкину одежду.

5 Первые действия Марии Павловны были просто механическими. Она кинулась в спальню и стала перебирать свои тряпки: что бы такое дать Масе? Проснулся историк, хрипло спросил, который час, но Мапа велела ему не беспокоиться и спать дальше, забрав с собой охапку белья.

В гостиной она разложила тряпье на кресло, все было безумно велико и неподходяще, наконец, ей пришло в голову, что на их лестничной площадке есть семья, где такая же примерно, как Мася, девочка. Чуть постарше.

Тотчас осадила себя. Попросить пальто — можно, платье — тоже, но — трусы? Сколько всяких подозрений падет, хотя они Масю, эти соседи, никогда не видели.

Сходя в на кухню, взяла иголку с ниткой, ножницы. Свои огромного размера трусы неумело сократила в талии, вытянув и замотав узлом резинку. Снизу укоротила их ножницами, подшила кое-как крупными стежками. Уронила руки.

Потом опять подхватилась, перебрала Масину одежду — платье, рваные колготки, добралась до куртки, вытащила из кармана остатки трусов. Все осмотрела бдительно, даже обнюхала. Потом схватила мобильник.

Да, этот район телефонизировали не сплошняком, а выборочно, давая номера и устанавливая аппараты тем, кто ловчей, пробойчей и денежней; ни того, ни другого, ни третьего Мапе было не заимать, и все проплаты уже совершены, вон и аппарат новенький, немецкий «Симменс», на столе. Но пока не включен, да это не беда, у Марии Павловны, солидной специалистки и достойной хозяйки, был мобильник, и она схватила за него.

Звонила дочери, Мане, хотя знала, что в столь ранний час ее не

добудиться. Но ведь у нее пропала дочь - можно ли спать? - Трубку, наверное, возьмет Вячик. Так и есть.

— Слушаю, — спокойный, заспанный голос.

— Вячеслав Кимович! Что с Машей? Где она? Что происходит? — приглушенным голосом, чтобы не достигло ушей мужа, затараторила наступательно Мария Павловна.

— А что происходит? — удивился тот. — Ничего. Спит у себя в комнате. Потом пойдет в школу.

— Спит? — взъерилась Мапа. — А она дома?

— Где же ей быть?

— Разбудите старшую, — повелительно сказала Мапа. — Дайте мне ее мать!

— Многого захотели, уважаемая Мария Павловна, — произнес он, хохотнув, — позвоните часиков в двенадцать.

Непонятно, что удержало Мапу сказать: внучка у нее. Какое-то ноющее требование: таись и помалкивай, не вываливай, что знаешь, а что знаешь-то?

Раз врет, значит, виновен, уж эту-то простую истину, прошедшую сквозь времена и пространства, Мария Павловна хорошо знала. И спокойствие Вячика — слишком лживо и подозрительно. У людей кошка потеряется, и то паника. А тут девочка дома не ночевала!

Но все-таки концы с концами не сходились. Над Машей надругались, это ясно. Но почему она прибежала к ней? Так далеко от дома, от центра? В компании оказалась не той? Но это исключалось, ведь Машенька жила в ограниченном пространстве — слава Богу, она была скромной, сомнительных друзей не имела и время ее находилось под абсолютным контролем семьи: утро — школа — дом с уроками — сон — снова утро и школа. Маша — послушное дитя, заведенное на одну-единственную ноту, она даже похожа на легко управляемую заводную куклу — никаких капризов, никаких особых волеизъявлений: мамина дочка.

Мапа спросила себя: а что так легко-то, старая дура? Почему так просто отфиксировала себе: над Масей надругались?

Господи! Боже мой! Да это же катастрофа! Преступление! Уголовщина! Не трусы тебе тут надо тачать, а звонить в милицию, в угрозыск, куда там полагается! Чего ты сидишь, квашня? Иди к девочке, хотя бы утешь ее!

Тряса телесами, кривя губы, едва сдерживая рыдания, как будто тетка, опаздывающая на поезд, Мария Павловна побежала в ванную.

Маша сидела по глаза в пене, и из глаз этих катились оттаявшие слезы. Бабушка кинулась на колени и заплакала навзрыд, обнимая девочку за плечи, путаясь в пене, причитая, как на похоронах.

— Кто! Кто! — не спрашивала, а восклицала она, но Маша не отвечала. В горячей ванне она тряслась, как на морозе, а бабка тискала ее, рыдая сама, за плечи и снова кричала, не спрашивая:

— Кто! Кто!

И та выплакала, выстонала, выплеснула:

– Вячик!

Бабушка отстранилась, закрыв ладонью собственный рот.

Переспрашивать глупо, бессмысленно, жестоко.

И все сходится!

Потому он так спокоен, этот негодяй! Он знает, что девочки нет дома! Но – трусы? Что это значит? Как это было? Где?

И где эта спящая царевна – отличница?

Где, где, где?

6 Первое, что Мапа сочла правильным, – избавить внуку от праздного интереса деда: что могут мужики в такой ситуации, к тому же престарелые? А потому вызвала свой «фольксваген» – водитель жил в том же районе, специально так подбирали для экономии времени и бензина, – быстро привела себя в надлежащий вид и отправилась в ванную вытирать и одевать Машу.

Потом они ехали в центр, и хозяйка подгоняла без устали своего юного извозчика: ей хотелось застать дома не только дочь, но и Вячика. Говорить с Масей о происшедшем было неосторожно и бессмысленно. Во-первых, мешал ненужный свидетель, а во-вторых, Мася сморило тотчас, как они тронулись, и она крепко спала.

Увы, Вячик не пальцем был делан и дома отсутствовал. Зато гора плоти, бывшая когда-то дочерью, пусть с неудачливой судьбой, но все-таки тонкой душевной организацией, сидела за столом в гостиной и пила чай, окруженная большим выбором сладостей – в коробках, вазочках, на подносах. Пила, похоже, не первую чашку, была потная, на лбу сиял неутертый влажный бисер, и видок с утра имела весьма утомленный от ночной, видно, работы по приготовлению своего плода к явлению во свет.

Мапа думала, дочь встретит их встревоженно, окропит дождем вопросов, но Маня даже не встала из-за стола, но спросила дочь:

– В школу пойдешь?

Будто можно было и не пойти, и Мапа услышала в самой постановке вопроса отраженную смуту, тревогу, неясность.

Мася кивнула.

– Тогда иди, приготовься, – сказала Маня твердо и как будто спокойно, а матери указала взглядом на стул.

Минут двадцать, пока Мася перемещалась из своей комнаты в ванную, потом обратно и снова по все тому же маршруту, пока тихо не притворила за собой дверь, женщины молчали. Разве что обменивались междометиями. Единственным нарушением этого молчания была просьба Мани, обращенная к проходившей мимо Эльзе:

– Проводите девочку до школы. Если откажется, просто идите за ней. Пока не войдет в дверь.

Сказано это было тихо, устало, но уверенно и твердо.

Наконец они остались вдвоем.

За двадцать минут, что сидели помалкивая, у Мапы один за другим рождались версии разговора. От крика, от психологической атаки на дочь, распотевшей тут, за полированным шикарным сто-

лом со сладостями и чаями, — до слез, до собственного воя — Господи, какая же беда случилась с девочкой!

Мать разглядывала свою немолодую дочь и не узнавала ее.

Нет, нет, дело не во внешности. Внешне Маня действительно стала неузнаваема: коричневые пятна на щеках, лоб в морщинах, неопрятность и безжизненность, все это объясняется ее положением, хотя когда носила Масю — была прекрасна: наполненный радостью бутон. Но ведь при самых решительных переменах в человеке остается что-то прежнее, основное. Жизнь может вертеть тобой и так и этак, но сквозь паутину времени и испытаний всегда во взрослом, даже старом человеке можно разглядеть, при внимательном и сердечном рассмотрении, ребенка, счастливую, ничем не омраченную и никаким злом не отмеченную искренность и чистоту. А в Мане ничего не было! Ничто доброе и детское не просвечивало!

Мать внутренне ужаснулась. И обвинила себя: это ты виновата! Да и знала ли ты свою дочь? Где ты была, старуха, в дни ее испытаний? Таскала авоськи с продуктами от своей стоматологической щедрости? Но разве этим отделаешься, откупишься, оправдаешься? И потом: ты, престарелая Мапа, своим, как всем казалось, успешным примером вроде ведь укорила дочку, верную же тогда — верную! — своему первому мужу, Лехе! Выбравшую терновый путь бедности, основанной на памяти, на любви.

Она была сильной, Манечка ее, а ее старая мать вертела хвостом, демонстрировала свои частнособственнические достижения, подкидывала баксы, и — что ж! — дочь поверила ей! Поверила, что жить надо по-новому, в конце концов эта жизнь дается только раз, как когда-то убеждал забытый Николай Островский. «Жизнь дается только раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы!» Кажется, так это звучало, если не изменяет постаревшая память, — сильно и чисто.

Но скотский поворот судьбы и эту чистоту развернул на свою потребу. Цинично. Прочитанный по-новому старый девиз означает — живи, ни в чем себе не отказывая. Хватай уходящий день за пышный страусиный хвост, а то схватят другие — ведь ох как не всякому дается такая счастливая фортуна: ухватить хоть одно цветастое перышко нынешней радости — деньги, благополучие, удачу, похожую на редкий выигрыш в казино.

Все это промчалось в секунды по структурам ее серого вещества, и Мапа, вместо того, чтобы напасть на пережившую, почти незнакомую дочь, вдруг заплакала и беспомощно спросила:

— Что с тобой, дочка?

— А что с тобой, мама? — ответила гора плоти, но не заплакала.

7 Мать и дочь, две старшие женщины, как будто встретились после долгих лет разлуки, и оказалось, что обе жили в изолированных, обнесенных довольно колючей проволокой, концлагерях, хотя и расположенных по такому близкому соседству, что часто видели друг друга и почти все знали о каждой из них.

Почти, но не все. И теперь купались друг в друге. Ничто, никакая проволока их не разделяла – они говорили, говорили, говорили...

Дочь сказала выцветшим, без интонаций, голосом:

– Все, что произошло, чудовищно, мама. И главное чудовище – я. Наговорила Маше, что не верю, будто все это случилось, а сама не только верю, а знаю наверняка. Не пощадила девочку... Какая я мать? А ведь снова собралась в дорогу, хочу стать матерью еще одному человечку... Какой в этом смысл?

После паузы продолжила:

– В общем так. Случившееся случилось. И все мы в мышеловке. У нас с Машей жилья своего нет. Только это. Развод угрожает простым: всего лишь бездомьем, потому что, продав наше жилье, Вячик отдал мне деньги. Эти хоромы делить не дадут – в суде он быстро докажет, что прав у меня на них нет. Перебираться к вам? Не хочу! Да и тебе не к чему. Дальше. Обвинение в изнасиловании несовершеннолетней – чистая уголовщина. Но теперь можно все перекупить, перевернуть. Он ни перед чем не остановится. Он страшен, мама, если его всерьез задеть. У него такие деньги, что его не осудят, мама! Он выкрутится! Наконец, подумай о позоре. С него как с гуся вода! А Маше – жить! Представляешь, узнают в школе? Да это молва на всю жизнь! Не банный лист, прилипает навсегда, до ее, Масиной, старости! Наконец, не скрою, мы живем в конкретных условиях и конкретных обстоятельствах. Я уже привыкла к такой жизни. Обратно в нищету – увольте! Я не хочу! К хорошему быстро привыкают, а я, что – хуже всех? И я привыкла! Наконец, мамуля, посмотри на меня! Какое брюхо! Что будет с ним – или с ней? С тем, кто там, когда родится? Папа в тюрьме? Алименты? Двухкомнатная железобетонка на троих с дочкой, клейменной позором? Думай, думай, мама, ты же доктор зубастых наук. Ты готова повести сейчас Машю вместо школы к врачу-гинекологу – пусть знакомому – на обследование? Особенно знакомому – через сутки уже пойдут сплетни, тебе же будут соболезновать твои тотальные доктора наук во главе с сердобольным Мосешвили. И ты как бы будешь причастна! И ты окажешься под подозрением, мама, вот ведь какой расклад.

Мапа слушала это излияние, и восхищение умом дочки, – которая все же оставалась отличницей – перемешивалось с тоской. Правда была жесткой, даже жестокой, потому что безысходной. Правда действительно напоминала мышеловку, в нее попала – нет, ее туда загнали? – их дочь и внука, самая слабая и неразумная из них, и вполне очевидно, что загонять-то помогали они сами, две глупые мыши – постарше и помоложе. Все их старания переменить жизнь к лучшему и перемениться самим были судьбой приняты не к сведению, но к исполнению – мечты и гадания совершились, а вот теперь – извольте оплатить счета! – и не собой, но своими лишениями и шкурками, а вашим собственным любимым и самым беззащитным достоянием – дочерью и внучкой.

Лишь раз, в какой-то глупой и тщетной надежде, Мария Павловна спросила, точнее, пискнула:

– Но ты хоть любишь его?

Дочь не оставила надежд. Отличница была в хорошей умственной форме. Ответила:

– Ты с ума сошла? Это сделка. Самая обычная. И с самого начала. Он получил то, что он хотел, а я – что я хотела. И теперь это терять? Глупо!

В душе Мапа охнула, будто провалилась под лед. Но тут же вынырнула, спросила себя: а ты-то лучше? Чем сама занимаешься все эти годы? К чему стремишься? Чего добиваешься? Личного благополучия! Денег! Успеха в достижении цели! И ведь знаешь: кинут тебя завтра по старости лет эти твои хваленые доктора наук, и пойдешь ты, матушка, солнцем палима, как говаривали прежде.

Вся надежда на то, что слишком много они в тебя вбухали, а ты в них. Без тебя утратятся связи, а это недешевое дело, вновь придется нарабатывать стоматологический репутаж, а ведь и старая женщина на плакате приносит процент с вложенного в нее капитала: доверие пациента – оно стоит денег! – связанность благожелательного лица с именем фирмы – зрительное и содержательное единство вовсе даже не бесплатная ценность! Да и она-то сама! Разве такая уж незащитная мышка? Хватило ума и практики сделать себя этим самым торговым ликом, но ведь еще и настоящей хлопотуньей, связницей, разведчицей, профессиональной обольстительницей, в переносном, конечно, смысле слова – обольстительницей клиентуры, и хоть хорош Мосешвили с его грузинскими кабаками и невиданными связями, Мапа многие из этих связей не только перехватила, а наполнила новым содержанием, интересами, вниманием, цветами к именинам, спектаклями, конфетами, звонками – это раньше, в советские времена, называлось просто дружбой, а теперь сливет как репутация, связи, престиж.

Так что и ты, Мария Павловна, Мапа в панибратстве, не мотылек невинный, а та еще жухелица, и ты, как и дочка, заключила сделку с этой новой действительностью.

А по сделкам платят. Налом и безналом. Но вот еще и так платят – внучкой безвинной. Ее достоинством и судьбой.

Кажется, как хорошо, когда расплата – не из твоего кармана! Какая глупость! Такая плата – ужасней не придумать!

8 Первый урок Мася пропустила. Так задумала. Не хотела встречаться взглядом с другими, боялась встретить Алешу Благого – уж он-то обязательно спросит, что с ней. Поэтому решила, что опоздает, пропустит первый звонок, зато аккуратно поспеет ко второму, мало ли почему пропускают уроки, это освободит от праздного любопытства, сэкономит время и силы, а там уж как-нибудь остальное пересидит, – и брела по городу, сопровождаемая Эльзой, двигавшейся на расстоянии.

Вместо школы пошла в храм, где Пушкин венчался. При входе купила свечку, вопросительно посмотрела на торговавшую прислужницу. Та поняла по-своему, спросила:

— За здоровье? За упокой?

— Нет, — прошептала хрипло, и добавила несурзано: — За избавление от дьявола.

Старушка призадумалась, и тут сбоку слабый голос проговорил:

— Богородице, пресвятой деве Марии. Ей все наши беды.

Мася увидела девочку в белом платке, меньше себя, класса этак из первого, может быть. Глаза у девочки были сочно-голубые, васильковые какие-то и еще очень чистые, а волосы просто соломенные. Она перекрестилась, эта кнопка, развязала под шеей узел своего платка и протянула Маше.

— Голову-то укрой!

И Мася первый раз улыбнулась за эти дни, а маленькая указала рукой, к какой иконе надо идти.

Дальше Мася следовала одна, оставив ранец у ног девочки. Возле огромной, в мерцающем окладе, иконы Богоматери перекрестилась, зажгла и поставила свечу в круглую большую подставку на массивной ноге, снова посмотрела на икону.

Так ведь и не выучила она ни одной молитвы с тех пор, как была здесь с Благим, и тщетно сейчас выбирала слова, которые произнести будет правильно. Однако слова эти не приходили, не так-то все-таки просто — подойти к иконе и просить о защите. Маша укорила себя слабой мыслью, что вот не строга она к себе самой, что пришла к Богородице просить защиты, а и сказать не может, как надо, и коли уж надеешься, веришь и помощи ждешь, нельзя делать это абы как. Но следует подготовляться, читать, запоминать, если надо. Все остальное — обман, и не какой-нибудь безгрешный, а именно что греховный, так нельзя: пришла, попросила, вышла из церкви — и забыла.

Тяжесть навалилась на нее, будто кто на плечи легонько нажимал, и она на колени встала. Кто-то и дальше помог — простил неумение ее и распечатал невинные уста, вложил в них и слова, хоть и неумелые, а чистые:

— Пресвятая Богородица! Святая Мария! Помоги мне, малой своей Марии! Огради меня от дьявола, на меня напавшего! Не дай пропасть! Укажи, как дальше быть? Как с мамой говорить? С бабушкой? Как жить-то мне теперь, как быть? Вот вырасту я, замуж кто-нибудь вдруг позовет. Что я сказать должна? Я же не виновата, владычица небесная! Ну, помоги же мне, помоги!

После каждой фразы своей Мася истово крестилась, кланялась, и это как будто обессилило ее. С колен она перевернулась на бок, оперлась рукой о пол, и с самого низа увидела иконостас, а потом и купол, на котором было небо, ангелы и Христос. Она перекрестилась свободной рукой на самый верх, Христу, а ее уже кто-то поднимал, помогал встать — опять эта васильковая девчонка, да еще бормочет укоризненно:

— Чего это ты упала, валяешься?

— Да и не упала я, — оправдывалась Маша, — я просто так перевернулась, присела.

– Присела? – ворчала по-старушечьи маленькая. – Перед Бого-родицей не присаживаются, пойдем.

Была эта маленькая без платка, и тем, видать, сильно недовольна, поэтому без удовольствия разглядывала Масю, пока та развязывала занятый платок, натягивала его на себя и повязывалась.

– Как тебя зовут? – спросила Мася, скорее от желания замять свою вину перед девочкой, если такая вина существовала, а та вдруг сказала очень серьезно:

– Мария.

– И ты? – удивилась Мася.

– И я.

– И меня Мария. И мама моя. И бабушка. Все – Марии.

– Да, видать, про главную-то забыли, – проворчала белобрысая.

– Про какую?

– А про ту, которую теперь просишь...

Мася хотела что-то сказать, толком не понимая что, может быть, возразить, а потом еще и спросить маленькую, кто она и как тут оказалась, такая всеведущая и толковая, но та, не подняв руки, движением пальцев как бы попрощалась с Масей – и исчезла. Стояла на светлом пятачке, сделала шаг назад и растворилась во тьме.

Мася улыбнулась, сделала шаг за ней, чтобы догнать, но девочки не было. Чудо какое-то.

Из храма Мася вышла спиной, усердно кланяясь и крестясь, словно опять ее кто-то прямо тут же, перед воротами, и научил, потом повернулась, чтобы отправиться в школу, – Эльзе хватило времени укрыться за каменным столбом.

Время рассчитано идеально. В класс вошла за минуту до второго урока. Положила сумку в парту, обменялись с Анечкой добрыми, все понимающими взглядами. И вдруг Анечка, ни на кого внимания не обращая, – положила Мase голову на плечо. Не такая уж крупная была Маша, но Анечка совсем хрупкая, и тоже белокурая, как Маша из храма, чистый ангел – только постарше. И прислонилась она, пусть на мгновение, так, будто чье-то веление исполняла. Будто хотела наполнить Масю добротой, пожеланием удач, добрым духом и мудрой силой, чтобы все печали одолеть.

Словно хотела сказать еще и такое, очень трудное: все, что случилось – не исправишь, но твоя благодать в правде, истине, чистоте, невинности. Надо жить, чтобы все одолеть, и одолеть, чтобы жить. И тебя спасет любовь.

Чья? Сегодня еще неизвестно. Но она придет и все излечит.

Мase стало легко и просто, и она сделала то, чего боялась больше всего: посмотрела на Алешу Благого.

Он, наверное, давно глядел на нее, велел взглядом: повернись, повернись, – и вот она повернулась, не страшась потаенного укора. Спокойно кивнула ему. Знала откуда-то, что ей еще далеко до взрослости, до любви. Ты, Алеша, просто маленькая влюбленность одноклассницы, не знающей других людей. И ничего другого. Спасибо тебе за стихи, за неведомого монаха, который сложил

скорбные песнопения. Спасибо тебе, Алешка, что научил словам печальным. Она посмотрела на него спокойно, кивнула, а когда после уроков Благой пошел рядом, чтобы проводить, сказала ему совсем по-взрослому:

— Алеша, извини! Я хочу побыть одна!

И взгляда от него не отвела.

Пришли откуда-то силы.

9 Самое трудное в рассуждениях старших Марий оставалось на-последок. Выслушав холодные суждения дочери, Мапа дождалась и горячих слез. Как без того!

Маня плакала и признавала свою вину - что не уследила, что слишком отдалась своему положению, и надо было, например, оставлять на ночь Эльзу в Масиной комнате или устроить в дверях девочки особо крепкий запор.

— Но он зверь, мама, поверь, — рыдала Маня, — и что с ним делать - ума не приложу.

— Хорошо, — отвечала Мапа, вырабатывая системный подход. — Давай обсудим, как предупредить повторение.

— Может, ей переехать к вам?

Они затихали, сосредоточенно перебирая убогие варианты. Никакой из них, конечно, не был полноценным выходом. Будто разгадывали дореволюционную еще, поди-ка, загадку про старика, волка, козу и капусту — как ему надо перевезти их на другую сторону реки, чтобы все целы остались. Только здесь потрудней, хоть тоже загадка. Решимая ли мирно?

— Я сама боюсь остаться с ним вдвоем, — говорила Маня, — это может плохо кончиться в моем положении. Взять к себе Масю? Но это неудобно. Попробую Эльзу попросить. Пусть поночует с ней.

— Эльза его остановит?

— Должна.

Так они и уговорились, если можно вообще уговариваться на такую тему. Оставались неясные детали: как объяснить Эльзе, что она подумает и вообще согласится ли - ее обязанности совсем в другом. Впрочем, за деньги...

Но разговора с Эльзой не получилось. Никак Маня не могла придумать ответа на незаданный Эльзин вопрос — а что, если при мне... Что делать-то? Кричать? Драться с хозяином? Вообще, что должна сделать немолоденькая экономка, если зрелый мужчина, да еще и отчим, ворвется ночью в спальню девочки?

Маня многому научилась, конечно, в эти экспрессивные месяцы новой своей действительности. И от многого отучилась. Научилась стыд одолевать, переступать, когда порожек не больно высок. Отучилась вспоминать совесть, если не слишком опасны будут угрозы. Но здесь черту между собой и Эльзой не одолела, как ни подступалась. К вечеру попросила ее подтащить вместе с Масей к двери дочкиной комнаты массивный диван, положить подушку, одеяло, и улеглась на него. Выстроила баррикаду: попробуй-ка, одолей.

В общем, рекогносцировка в доме к возвращению Вячика оказалась такой: Маша в своей комнате, под замком. Перед дверью ее — гигантский диван с тяжелой матерью, в кабинете — Эльза: ее дверь на цепочке, приоткрыта, и у нее же телефон с твердым указанием звонить. Куда?.. Вплоть до милиции.

Когда в полутьме щелкнул замок и на коврике бесшумно возник Вячик, задержавшийся сверх всякой меры, в квартире сперва настала абсолютная тишина. Похоже, он, не шевелясь, осматривал подготовленное поле битвы, поле сопротивления.

Потом шумно выдохнул и хохотнул. Похохатывая время от времени, прошел во взрослую спальню и закрылся.

Всю ночь Маня боролась сама с собой. Вся ее физиономия, вся ее перезревающая сущность тянула вниз, в сон, во тьму, в безразличие. Душа же, а, может быть, только ее остатки уже, вся прошлая жизнь будто толкали в бок, не давали провалиться на это дно, словно силком принуждали понять, что же случилось на самом деле и какая беда пришла к ним ко всем. Как будто во тьме полусна-полуяви страдание, закрытое днем на замок логики, по которой лучше помалкивать, потому что все равно нет уже, нет счастливого исхода, вырывалось на волю, разрастаясь до огромных размеров — небо затмевающих, солнце, разум, расчет — и вскидывало судорожно голову, пальцы заставляло сгибаться в судороге, сердце разрывало гулками и частыми толчками. Боже ж мой! Что делать?

Поту, едва забрезжило, Маня позвонила матери, доложила, что баррикада выдержала минувшую ночь, и они договорились, что Петя, Машин водитель, будет с утра отвозить Машу в школу на своем «фольксвагене», а после уроков доставлять обратно, пока они не найдут сообща разумный выход из положения.

10 Только вот после школы Машу встретил не Петя, а волчара — что такое Петя перед ним. Стоял возле своей машины, лупал глазами. Вячик же ждал не на улице, а в коридоре, возле класса, и серьезно объяснил, что семейный совет в полном составе ждет ее в одном из клубов, куда они приписаны всей семьей, как призывники к военкомату.

Был он опрятно одет, прямоглаз и искренен. Маша поверила.

Ох, Господи, сколько ей еще ошибаться, доверяясь недостойным? Он, конечно, обманул. В клубе, ясное дело, не было никакого семейного совета, а в дальнем углу пустого ресторана накрыт столик только на двоих, и заказ Вячик делал из самых изысканных и дорогих блюд, даже не спрашивая Машу: фуэрге — паштет из гусиной печени, икра, лососина — только холодное, под красное вино для него и натуральный клюквенный сок для дочки.

Так и сказал, сукин сын:

— Для дочки!

Она сдержалась, а Вячик приготовил монолог. Почти ничего не ел, был серьезен, подвигал Машу блюда, и она, подумав было, принялась за еду с аппетитом: почти два дня ничего не ела.

— Я понимаю, на тебя производят неприятное впечатление мои слова... Что мне легче избавиться от вас. Что все продается. Конечно, нет. Просто я восточный человек. На пятьдесят процентов. И у меня есть своя философия. Пожалуй, это помесь востока и запада в чистом виде, хотя, я понимаю, что легче соединить восток и юг, восток и север, но не восток и запад. Прямые противоположности. Но восточные правила гласят, что у мужчины может быть несколько жен, и я это принимаю. Правда, есть условие: что он имеет возможность их всех достойно содержать. И вот тут вступает в силу запад. Его деловые достоинства. Содержать вас — применительно к моей судьбе — мне позволяет запад. Ведь я торгую с ним, понимаешь?

Он курил, затягивался, выдерживал долгие паузы, был строг.

— Тебя покорило, как я нашу близость... ну... осуществил, но это забудется, не беспокойся. Я виноват и искуплю это. Повторю то, что говорил, — но это потом. А сейчас расскажу о себе, надеюсь, ты поймешь. Ведь ты меня совсем не знаешь. В общем, я сирота, но это не главное. Печаль вот именно в противоречии: восток — запад. Мать украинка, отец кореец. Такие крови не должны сливаться! Они рожают противоречивых людей. Даже опасных. Как я. Но я ведь в этом не виноват, правда? Я не просился на этот свет. Мне велели, и я явился. Меня родили, не спросив меня. А потом бросили. Неважно, что родители умерли. Я остался один. И стал жить так, как велит эта моя западно-восточная кровь. Это как канат перетягивают — то в сторону запада качнет, то на восток поведет. Вот такая моя природа. По-научному органика, понимаешь?

Маша слушала это существо, сейчас вполне похожее на приличного человека, и содрогалась, отталкивала от себя его слова, потому что помнила, никак не могла смыть с себя чудовищное, отвратное, липкое звериное прикосновение. Потный волк говорил с ней, прикидываясь человеком. Объяснял. Извинялся. Придумывал причины. Но что-то и держало ее. Ведь могла она встать и уйти? Поймал, схватил бы за руку? Пусть поймал, она бы закричала. Но в этом клубе, даже услышав детский крик, никто ей на помощь не придет. Скажут лишь, подумают про себя: зажавшаяся, избалованная девчонка не слушает отца, который ее в такой клуб привел! Знали бы! Но не знают! А и узнают, так еще неизвестно, что скажут.

А он говорил:

— Отрочество мое было очень сумбурным, Маша. Неловко тебе это говорить, но я рано начал то, что называют интимной жизнью. Гораздо раньше тебя. Было очень больно поначалу, это и у мальчишек бывает, потом втянулся. Понимаешь, мне много надо. И я себе это свободно позволял. Но теперь не могу, я ведь женат и бизнес мой требует солидности. А потому предлагаю, Маша: будь моей второй женой или первой любовницей, как хочешь.

Маша посмотрела на него остекленело и захохотала. Спросила:

— С мамой наперегонки?

Она уже не сомневалась, что Вячик этот психически нездоров и надо ему в больницу. Еще одна мысль насмешила ее: псих — мил-

лионер. Но это уже не диагноз. С миллионами не в психушке, а в парламенте легче оказаться, во власти околопрезидентской или еще в каком-нибудь почетном ряду, только не в больнице. Так что смех с нее быстро слетел.

— Ничего особенного. На востоке это сплошь и рядом. Вот!

Он достал из кармана длинный конверт и протянул Маше. Она раскрыла его, достала из него голубую книжечку из убогой бумаги, прочитала на обложке: «Сберегательный банк», раскрыла ее, увидела свое имя, листнула дальше и обнаружила цифру: 100.000. Не поняла, пожала плечами, протянула назад Вячику.

— Ты не поняла, — усмехнулся он, — разгляди повнимательней. Это не рубли, а доллары, понимаешь? На твоё имя. Правда, сможешь их получить только после шестнадцати лет, но это лишь начало. Твоя мама имеет счет на пятьсот тысяч, однако, между нами, — она не знает об этом. И у тебя будет полмиллиона, девочка. Разве плохо? Нормально! Даже щедро! Еще раз скажу, только не обижайся — мама твоя не обижается. Весь мир живет на основании сделок. Шпиону сокращают тюремный срок, если по сделке со следователями он признает вину и указывает своих тайных хозяев. Убийцу не посадят на электрический стул, если он в результате сделки подставит тех, кто виноват, может быть, больше. Американские кинозвезды заключают брачные контракты. Это тоже сделки. Вон Николь Кидман — знаешь ее, отличная звезда, по двадцать миллионов за фильм, — так вот, развелась с мужем и он, по сделке, должен ей отстегнуть огромное состояние. Мама твоя, в конце концов. Мы с ней бумагами не обменивались, как-то не по-русски, но и у нас сделка: вот родит она мне ребенка, и за это ей квартира, в которой сейчас живем — оформлю дарственную, и счет на пятьсот тысяч — пусть купается в удаче. Ведь удача, девочка, это деньги.

Наконец, Маша оторвалась от тарелки. Спросила:

— А что еще существует на свете? Кроме денег?

Он задумался, взрослый, опытный, богатый мужик. Будто задали ему на экзамене безумно трудный вопрос, и он маялся, не знал, у кого спросить подсказки. Потом ответил.

— Ну, говорят, любовь, но я не понимаю, что это такое. То, что знал я в большом количестве, конечно, не любовь и тоже меряется деньгами. Да нет, Машенька, не сердись, кроме денег, ничего нет реального на свете. Здоровье — это от Бога, но если заболеешь, без денег не обойтись. Слава? Вот артисты эти. Джек Николсон, например. Ну, это тоже от Бога, талант — поцелуй ангела, им отмечены немногие. И что — остальным? Потребление чужих способностей в кино, по телеку, видео, а это опять деньги, и Николсон свой дар отоваривает крутыми баксами. Должности высокие? Министры там всякие, президенты даже? Так это просто немислимые деньги.

Вздохнул, посмотрел на Машу сочувственно, прибавил:

— Я понимаю, тебе воспротивиться хочется! Восстать против силы денег! И я хотел когда-то в юности, думал, что-то еще обнимет и согреет меня. Ошибся! Плыть по течению, не трачу силы на

пустое сопротивление. Пока неплохо получается. Вот и тебя с собой зову. Поплыли! Вместе не пропадем!

11 Вот такой тихий разговор вышел у них. Даже не разговор – монолог актера. Или мирные переговоры.

Когда Вячик привез Масю домой и убрался из дому, по рабочим, как сказал, делам, в офис, а она села за столик в своей комнате, чтобы учить уроки, ей поначалу показалось, что она свободна.

Он объяснился – объяснил себя. Это можно понять как извинение.

Но почти сразу поняла: его объяснение не предполагает вариантов. Выход один. Еще раз, уже далеко не первый, он растолковывает ей, что она в тупике. Как и мама, впрочем. И бабушка. И даже вся их большая страна. Никто ничего не предлагает ни маленькой девочке, ни взрослой женщине, ни старухе, ни миллионам таких разных и по-разному устроенных людей.

Предложение было когда-то – всем им. Но то предложение явилось тихо и незримо, как является Божья благодать. Люди оказались слабы и неумны. Ничего они не поняли и не разглядели, и штора – гигантский черный занавес – задвинулся перед ними.

Теперь выбора не существовало.

Теперь перед всеми лежал один путь, где, отталкивая локтями друг друга, движется несметная толпа, где старых и малых сталкивают на обочину, а на слова о пощаде смеются в лицо – страшно, но смеются не чужие, не посторонние, а родные и милые. Они не узнают и не признают своих: своих старых, больных, малых.

И вдоль дороги, похожей на широченную, за горизонт уходящую реку, снуют, шныряют странные особи – одни похожие на кентавров, с лошадиной фигурой, но человеческой головой, другие – на волков, как Вячик, третьи на странных мутантов, как в альбоме великого Босха, – с цыплячьими лапами. Например, фазаньими хвостами, человеческими головами, но куриными клювами. И белые яйца бежали на птичьих лапках, но в стенке, там, где голова, пробились крокодильи морды, и тучи птиц верещали по-человечьи над головой, гигантские, в людской рост, трясогузки с бабьими лицами и вертлявыми птичьими хвостами, и воронье с клювами, оснащенными зубами, рвало тела младенцев, валяющихся под ногами кипящего, отвратного, похожего на туалетных роственников, многоглавого, ползущего по спине других, человекоподобного мессива.

Маша выскочила из комнаты и, завывая дико, кинулась к матери, вышедшей в гостиную.

– А-а-а! – орала она. – Голова, мама! Что-то случилось с головой! Спрячь меня, дай что-нибудь! Или убей! Я не хочу так! Не хочу вместе со всеми!

Маня прижала ее к себе, обе повалились на диван.

– Чего же ты хочешь, доченька? – причитала мать, велела Эльзе принести воды, валерьяны, транквилизатор и, перепуганная, вовсе не ждала от Маши чего-нибудь вразумительного. Сособража-

ла: вызывать скорую или нет, но ведь это явно что-то психическое, пусть возрастное, эксцессное, но трудно отмываемое, порочащее.

А Маша, у которой веки затягивались, как у куклы с закрывающимися глазами, говорила неразумно, сумбурно, хотя и отчетливо:

— Чего я хочу? Как хочу! Я хочу... как у Лермонтова. Выхожу! Один я на дороге! Сквозь туман! Кремнистый путь блестит! Ночь тиха! Пустыня внемлет Богу! И звезда с звездой говорит! Мама, я хочу одна, а не со всеми, понимаешь?

Мать не понимала, успокаивала, давала валерьянку, легкое снотворное, и дочка затихла.

Правда, в уголки губ выезжала, выползала изо рта белая густая пена. Маня, как отличница, предполагала, что это припадок, но знала также, что факт его надо тщательно скрывать.

Когда дочка очнулась, мать выведала, что днем они обедали в клубном ресторане, и Вячик вроде как извинялся. Она не верила словам дочери, не очень, кстати, уверенным, и, грешным делом, предположила, что дикий и неясный ей самой, кроме его денег, сожитель мог что-то и подсыпать девочке: его восточные начала пугали Маню, начитавшуюся в эпоху своей долгой беременности уйму оккультной макулатуры.

Особенно склонялись к такому выводу Машины слова о том, что Вячик предложил ей стать его женой!

Ну точно подмешал какой-нибудь травки! В чай, или как еще это у них делается... Впрочем, Маня не припоминала даже единого намека на наркотики в их взрослых разговорах. Просто такой темы никогда не возникало. Что же он, совсем уж взбрел? Мать и дочь — обе жены? Даже в самом извращенном воображении — это мыслимо?

Отличница задумалась. Пришла к выводу. Нелегкому для женщины мучительному выводу: для Вячика — мыслимо. Его неукротимость имела зримое и непредсказуемое продолжение — может, им самим непонимаемое.

Бессмысленно препарировать его сущность. Стихия природы, никогда и ничем не ограничиваемой, может достичь своего рода совершенства — совершенства стихии. Она сносит все перед собой. Всякую мораль. Всякие ограничения.

Про себя Маша снова хмыкнула. Ее отличническая память вытаскивала из запасников ветхомарксистское: свобода есть осознанная необходимость. Но у Вячика свобода обошлась без осознанности, как и без необходимости. И тоже — свобода. И тоже человеческая. А, может, звериная?

Его снова не было. С того самого утра, когда, встав у самого окна, чтобы Маня не могла разглядеть выражения его лица, он явился поздно, уже этим отвергая любые объяснения. Теперь сам заперся в спальне, чтоб его не трогали.

Маня полулежала на широкой баррикаде, роскошном, обитом атласом диване, приставленном к двери дочери, лицо ее, оставшееся в тени, было невыразительным, замершим, однако от-

личное сознание работало более чем исправно, и согласно математической своей склонности, вырабатывало варианты.

Тихо, без споров и слез, пробиралась сквозь явные и тайные препятствия и ценности, умная Маня, беременная и по этой причине некрасивая женщина, теряющая, по существу, все, приходила к краткому выводу: вот, собственно, и все.

Достаточно, чтобы собрать монетки, перебраться на такси к матери, вытащить из банка доллары, некогда столь элегантно врученные джентльменом за достижение благородного консенсуса в порядочнейшей из сделок, купить там же, в Митино, неподалеку от матери с отцом, что-нибудь пристойно-железобетонное, а Масю перевести в тамошнюю школу, чтобы, кроме прочего, познакомилась с пареньками, попробовавшими ее легонько на зуб... В конце концов, алименты за еще нерожденное дитя, согласно пусть пока и не обсужденной еще части сделки, не выглядели бы постыдно, да и Бауманское училище, любимый и незабвенный дом на Яузе, не отверг бы блудную дочь, если уж совсем приспичит...

Но!

Ах, как же трудно отказываться от благополучия, пусть покупного и по самой высокой, к тому же, цене! Как трудно менять сытую праздность на кошелки с мятыми помидорами, огромные подогретье тарелки в уважаемом ресторане на «докторскую» дешевую колбасу и дюралевые вилки в бедной столовке! А если припомнить езду в переполненном пенсионерами троллейбусе, когда тебя ждет перед подъездом комфортабельный лимузин? И в прикроватной тумбочке мужа, пусть рядом с пугающим пистолетом, толстая пачка зеленых купюр, которые, по уговору, можно тратить без особого отчета на все, что кажется необходимым?

Увы, прав все-таки этот негодяй, этот забубенный волк, странный недоолигарх, не очень публичный хозяин жизни, отрывший окоп возле нефтяного вентиля. Он вооружен. И очень опасен, как в американских фильмах, только на русский лад. Он никому не уступит свой окоп, скворечник, шесток.

Да и чем он виновен, если подумать хорошо? Тем, что сделан таким, западно-восточным? Тем, что страдал и мыкался, пока не схватил козырную карту? Тем, что всего сам добился и за все заплатил? И за нее заплатил, отличницу и депутатку, системщицу и просто большую, в небеременную пору ладную и умную, женщину?

Ну да! Он заставил ее забыть свое прошлое! Посягнул на невинную девочку! И ее надо от него спасти!

Рано поутру три Марии решили, с участием моргавшей глазами и обрусевшей, с насмарку пошедшим немецким образованием Эльзы, древнюю задачу про старика, волка, козу и капусту: Мася улетает учиться в Англию, в закрытую школу для девочек при известном аббатстве. Школа, правда, религиозная и не православная, но что поделаешь, надо искать спасительный выход, и он именно там: к этой школе близко не подпущен ни один мужчина, тем более из России. Так что раны зарубцуются, время лечит все.

Мася, по общему признанию, вела себя молодцом: она пережила беду, но не сломалась, а оказала сопротивление.

Ни матери родной, ни уж, конечно, Эльзе, Маня не назвала имени школы и адреса, вызвав к себе — о, деньги! — представителя фирмы, оформляющего документы, и — о, деньги! — в пять дней не просто получила визы в Масин паспорт, оплатила учебу, билеты на «Бритиш эйруэйз», но и договорилась по телефону с высокомерной директрисой английской школы прислать в аэропорт школьный автомобиль и встретить Машу у самого выхода. Она, не выходя из дому, сумела закупить дочери в дорогу все, что требуется девочке из состоятельной семьи, включая достойное леди нижнее роскошное белье, которое, кстати, у Маси изымут строгие, но справедливые воспитательницы тотчас после приезда в школу, со справедливыми же наставлениями, что все девочки, независимо от их происхождения и состояния родителей, тут, в британской перво-классной школе, должны быть и будут равны, до полного окончания курса, после которого вольному воля, да вот по неписанным британским правилам даже и пэрские внуки всю жизнь норовят жить по скромным правилам истинного приличия.

12 Впрочем, это все впереди. А в настоящий момент фортуна сжалилась над Маней.

Один из Вячиковых охранников сообщил ей по телефону, что патрон, на пару недель удалился от дел в каком-то очень уж восточном направлении — то ли Таиланд, то ли Тайвань, достоверно неизвестно. Его проводили до VIP-зала Шереметьевского аэропорта, и он исчез, велел, во-первых, позвонить Марии Николаевне и Маше и всем передать привет. А, во-вторых, передать также, что все произошедшее быльем порастет, правда, о произошедшем охранник не способен даже предположить, может, что-нибудь на работе. А третье, что он наказал Марии Николаевне, — жить спокойно, готовить себя к материнству, и если что произойдет срочное — сообщить ему. Впрочем, он с места отдыха позвонит сам.

Маня перекрестилась, положив трубку. Смотрела при этом в пустой угол. Думала: почему же у нее икон-то нет? Ни единой!

И еще до Масино отъезда дала матери деньги с наказом поехать в антиквариат и купить две как можно более старые, а значит, намоленные: с ликом Пресвятой девы Марии и с ликом сына ее, Господа нашего Иисуса Христа. Что многоопытная Мапа и совершила, впервые почувствовав несказанную и ничем не пояснимую радость при трате если и не чудовищных, то все-таки весьма значительных денег. Она обнаружила в себе и углубленное благо-разумие. Заехала в храм и попросила батюшку как бы снова освятить хоть и старые, намоленные, но все же купленные в магазине иконы, освободить их от прежних и ей незримых испытаний, напутствовать при вступлении в новый дом.

Маня нарадоваться не могла отсутствию мужа, Вячика или вол-чары — как хотите. Грешным делом, она без конца возвращалась к

мысли, что это вот и есть ее искомая цель: покой, деньги, свобода. Отсутствие угрозы, собственные решения, нестесненность. Пусть с ожидаемым ребенком.

Муж ей просто не нужен. Его присутствие на земле, пусть даже в далеком Таиланде или Тайване, ее тяготит, и это ее подсознательное желание освободиться от мешающей особи, от зудящей занозы. Она вздыхала.

Отлет Маси прошел без слез. Мать организовала VIP-зал, где сунула мелочевку провожавшей дежурной, и та – сама любезность! – пообещала – и исполнила – не просто довести девочку до салона, но и усадить на место, попросив о повышенном внимании к ней стюардесс.

Собирая вещи в дорогу, Мася взяла в руки свою неспящую куклу. Первый раз подумала о ней не по-детски. Так и не придумали ей имя – любопытнейшая деталь. Кукла да кукла. Кукла с закрывающимися глазами. Но в том-то и дело, что глаза не закрывались. Получилось: кукла с незакрывающимися глазами. Мася с мамой не раз трясли ее, укладывали, даже встряхивали, опустив вниз головой, но ничего не помогало. И мама плакала раньше от этого. Плакала, хотя глупо, не так ли, для разумной-то отличницы. Только уж когда Мася подросла, она призналась: кукла сломалась, когда погиб отец Алеша. Да и купил он эту куклу глупо – еще неродившемуся ребенку, так, по приметам, не делают. Да и не Маса купил-то, а мальчику, который родился мертвым.

Девочка содрогнулась, это услышав. Кукла была не ее. Кукла покупалась тому, кто не захотел жить. Или не сумел. Не стал. И вот она всю жизнь должна существовать с этой не закрывающей глаза красоткой. Зачем она ей? Она не принесет удачи и ей, Маса, ведь не для нее же покупалась. Выходит, неспроста были у них холодные отношения – у девочки и куклы? Но почему же не бросила ее? Не отправила в кладовку, чулан, антресоли – в дальние от детства места ссылки сломанных и ненужных игрушек? Отчего усадила тут, прямо на свой письменный стол, и порой долгие минуты вглядывалась в неживые, но никогда не закрывающиеся глаза? Что значила эта кукла для Маси? И почему это неодушевленное существо не отпускало ее?

Вот и сейчас, поглядев на нее в который раз, Мася сунула ее в сумку.

Провожали Масю трое: мать, бабушка и дед. Николаю Михайловичу было легче всех: трагические события обошли его стороной, конечно, благодаря железной стойкости Мапы, и он выглядел самым беззаботным, подтаскивая из буфета к столику, где разместилась семья, кофе, соки, мороженое, а себе, конечно же, широкогорлую коньячную рюмку, наполненную до уровня неприличия.

Мапа была величественно респектабельна и грустна, пригласив внучку сопроводить ее в туалет, втиснула ей в ладонь две тысячи долларов, процитировав цель то ли из английской, то ли из французской классической литературы: «на булавки». Зато Маня, зани-

мавшая полдивана и даже над матерью возвышавшаяся монбланом, вела себя властно удовлетворенно, рассчитывая, грешным делом, на посторонние взгляды разномастной публики – думских депутатов с трехцветными флажками, неснимаемыми даже в зарубежных вояжах, безфлажковых лидеров – потоньше и потолще, в окружении подобострастных шкафов, разливающих дорогое питье, и их разнообразных дам, которым – всему подряд – беременная гигантша своими масштабами давала фору на сто порядков.

А потому Маня, не очень приглушая голос, в последний раз показывала Масе пластиковую карту Сбербанка, открытую на имя девочки, тысячу фунтов на первый случай, которую, по прибытии, лучше положить на текущий счет уже в английском банке, не забыв получить пластик и оттуда, список телефонов, знакомых Мане по разным светским раутам, которые она обновит своими звонками, предупредив, что дочь переехала в Англию.

– Учись и ни о чем не тревожься. Я приехать скоро не смогу, сама понимаешь, да и бабушка занята, так что, голубушка, погрусти в одиночестве, это очень помогает посмотреть на прошлое другими глазами.

Вот так, очень обыкновенно и без восклицательных знаков, кончается эта история.

Но не Машина судьба.

А у судьбы может быть два завершения.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА. ДВА КОНЦА

КОНЕЦ ПЕРВЫЙ. ФИНИТА ЛЯ КОМЕДИЯ

Вячик отсутствовал не две недели, как грозился, а целый месяц. Наверное, не так-то просто зарастали, сходили на нет дырки, сделанные Масиным шилом на его волчьей шкуре.

Он звонил жене, интересовался ее здоровьем, уточнял сроки, когда она отправится в роддом. Про Масю не спрашивал, соблюдал непонятную корректность. Впрочем, скорее всего проглотил дезу, запущенную Маней в его офис через, естественно, охрану: девочке понадобился неврологический санаторий, целая учебная четверть. Что до бизнеса, то им ведь, по нынешним технологиям, можно управлять и с Таиланда: компьютер, Интернет, четкая информация, вплоть до платежных документов.

Явился волчара неожиданно, и тут у Мани начались проблемы. Вызвали врача, он госпитализировал ее на удержание – это опять оказалось кстати: говорить с Вячиком было трудно, а может, не о чем, но, морщась, опираясь на плечи врачей и санитаров, она все же пристально оглядела его – загорелое, похудевшее лицо, родинка возле рта стала еще более пикантной. Нагулялся досыта, сукин сын, даже малограмотный знает, что тайские красавицы – из лучших, а у него карман топорщится от денег.

В общем, разошлись прямо в прихожей. В роддоме Маня затре-

вожилась, измытарила мать, требуя всеми правдами и неправдами узнать: каков его интерес к исчезновению Маси. У матери не получалось. Связей с офисом Вячика не было, Мосешвили посвящать не хотелось, предаст, а Эльза из дома смоталась сразу, как только увезли Маню. Понятное дело.

Между тем муж не приходил в роддом. По два раза на дню присылал цветы, коробки с конфетами для врачей и обслуги, звонил по телефону, но явиться лично не мог. Был перегружен.

Да, он не мог явиться, потому что разъярился, узнав об отлете Маси, через междугородку выяснил британский номер и вылетел в Лондон. Прихлебатели, пока летел, уточняли детали. Дежурные по школе вызвали Масю к отцу, хотя встречи с родными имели установленную процедуру. Никакого отца у нее не было, и она шла к выходу, не думая, что увидит Вячика. А увидав, попятилась назад. Это не ускользнуло от внимания бдительных англичанок, нарушивших правила на удивление бескорыстно.

Волчара сказал ей, что прилетел в Лондон покупать дом, уже заключил контракт с адвокатской конторой, и никуда она не денется, хоть в Британии, хоть в Замбии, потому что он так решил. И наутро заехал за ней, уже с разрешения директрисы, дабы посмотреть дома.

Эти дома были просто потрясные. Один чудеснее другого. В центр Лондона Вячик не стремился, а комфорта хватало и на окраинах. Такого в Москве нет. Может, в Санкт-Петербурге было. До революции.

Мася была в напряжении, но волчара вел себя безукоризненно.

Прощаясь, вручил ей карточку «Барклай-банка» и выписку со счета, где значилось сто тысяч, но не долларов, а фунтов. Мамин резерв Мася положить в банк не успела.

Вячик исчез, и Мася в разговорах с матерью, лежавшей в роддоме, ничего не сказала о его визите. Недели через три директриса пригласила ее в свой кабинет и удостоверила ее личность какому-то солидному, в дорогом костюме, господину. Оказалось, что это адвокат, действующий по доверенности Вячика и желающий передать теперь доверенность Масе. На дом, ставший собственностью маминого мужа. Господин в дорогом костюме попросил Масю расписаться, вручил несколько комплектов ключей в красивом коробе и фотографию увитого плющом сооружения. Мася узнала: это был один из домов, который она посетила с Вячиком.

После ухода адвоката директриса остановила жестом Масю, позвонила, чтобы подали две чашечки крепкого чая.

- Ваш фазер миллионер? - спросила она.

- Не знаю, - ответила чистосердечно Мася. И, выходит, признала, что Вячик - отец.

- О! - сдержанно, чисто по-английски восхитилась директриса. - Вы стали теперь такие странные, господа русские.

- Господа? - удивилась Мася, но тут же одернула себя. Обсуждать это было слишком тонкой материей.

А где тонко, там и рвется.

Через полторы недели Вячик прилетел снова. Маше разрешили вполне официально поехать с отцом осматривать дом. Там ждали его охранники, представители фирм - мебельной, посудной, обоевой. На глазах у Маши Вячик выложил несусветные деньги, кэшом, что вызвало благоговейный полуобморочный у фирмачей - даже Маша предполагала, что они могут высвободить эти деньги от суровых британских налогов.

В школу ее вернули на наемном «роллс-ройсе», признание высшего аристократизма. Девчонки завидовали в открытую. Расспрашивали Машу про Сибирь и нефть, чудачки. Вячик казался им падишахом, и Маша проговорила что-то о западно-восточном менталитете.

Словом, Маша сдалась.

Тут, в чужой стране, без стихов армянского древнего монаха Григора Нарекаци, без внимательных глаз Алеши Благое, легкого прикосновения Анечки Бочкаревой, без лукавых синих глаз еще одной маленькой церковной Марии.

И, может быть, без насилия Вячика, при его, в то же время, присутствии.

А еще под неслышные аплодисменты ее, Масиным, преимуществам перед достоинствами маленьких англичанок, с таким трудом идущих к вершине жизни, она сдалась?

И когда раз в пятый или шестой, уже после рождения сына в Москве, Вячик вошел в спальню к Маше в их семейном лондонском доме, куда они приехала на уик-энд с разрешения администрации школы, - словом, когда он вошел к ней и нежно ее обнял, она сдалась.

Уезжая, волк подарил ей «Лолиту» Набокова по-русски, чтобы английские ее одношкольницы не могли прочитать, а она - могла.

Эта книжка и погубила ее.

Мать, вернувшись из роддома, часто звонила Маше, но та ни разу не сказала про Вячика. Не знала Маня и про дом.

Шли годы. Маша ни разу не прилетела в Москву. Ссылалась на школьные трудности. Потом - подготовку в университет. Затем на университетские сложности. Она увлеклась востоковедением. Летала в Индию, Таиланд, Корею. Была внимательна, ничего не скажешь: отовсюду слала почтовые открытки бабушке и маме. Но слова на обороте глянцевых открыток становились все формальнее, суше и слышались с акцентом.

Маша забывала родину. Она жила в хорошем доме, у нее были достаточные счета, не вызывавшие нареканий банкиров. И еще - у нее не было молодых людей. Не было увлечений. Она считалась одной из самых благопристойных молодых леди.

Пока не умер ее отец. За дом стало нечем платить. Кроме того, дом был оформлен на отца - у нее только доверенность, - а у леди не оказалось документов, подтверждающих, что господин, считающийся ее отцом, действительно ее отец.

Дом продать удалось, но с большими издержками, и вырученно-го едва хватило на двухкомнатную квартиру, правда, в лондонском центре.

Мася, ставшая мисс Мэри, хорошо владела компьютером, знала три или четыре восточных языка, включая русский, работала в престижном издательстве.

Далее ее следы теряются.

В 2030 году Масю нашел ее сводный брат Игорь. Когда он вошел в забытую Богом квартиру, заставленную книгами, навстречу ему поднялась седая леди в опрятном костюме и воскликнула:

- Вячик! Ты жив?

И с трудом поняла объяснения. Про смерть своей бабушки в 2009-м и матери в 2006-м она откуда-то знала.

Но это - выдуманный, хоть и благопристойный, конец. Для тех, кто привык к хэппи - как в американских фильмах.

Увы, это не по-русски.

Наша правда звучит совсем по-другому.

КОНЕЦ ПОДЛИННЫЙ. ФИНИТА ЛЯ ТРАГЕДИЯ

Она отшатнулась, когда увидела его, и это не ускользнуло от внимательных взглядов англичанок. Когда он стал уговаривать, чтобы Мася поехала с ним осматривать дома для покупки, сразу поняла, что это уловка вытащить ее отсюда и добиться своего.

Здесь не закричишь - бесполезно, не позовешь маму - далеко, не помчишься к бабушке. Даже на крышу от парней здесь не залезешь: все чердаки аккуратно закрыты, и за всем жесткий пригляд.

Она не пошла. Видела, как он кипит, просто клокочет - но ничего не может поделать: их не окружили любопытные, как бы могло быть в России, но глаз не спустили: если одна отводила их, ее заменяла другая - воспитательница, привратница, одноклассница. Удивительно, право дело: при внешней благовоспитанности и полезном равнодушии заостренное внимание к любым деталям. Просто нация шерлок-холмсов. Но это хорошо. Это еще означает внимание.

Мася спаслась английским вниманием. Ненадолго.

К директрисе ее действительно позвали, и все, что было с адвокатом в хорошем костюме, имело место.

Только во время чаепития директриса была умнее. Она не восхитилась богатством русских, а спросила, пристрастно вглядываясь в Масю:

- Тебя что-то беспокоит, девочка?

Мася пожала плечами. Она здесь чувствовала себя свободно, никто не знал ее прежней жизни, и это расслабляло, позволяло быть откровенней, если угодно. Только она не знала, что ее беспокоит. Ну да, беспокоит, что Вячик нашел ее, неужели мама указала

адрес, беспокоит и то, что дом купил на самом деле. Бешеный какой-то.

Потом сказала директрисе:

- Да, мэм, беспокоит. Но - что? Не знаю. Зачем эти ключи и бумаги.

- Ты разговариваешь с мамой? - требовательно спросила начальница.

- Она должна рожать. Ей пока не до меня.

- Может, надо слетать домой? На уикэнд?

Ах, английская леди! Если бы вам все рассказать!

Еще и еще раз прилетал Вячик, звал Масю с собой. Как сказал, дом обставлен мебелью. Она знала, что делала, но пошла. У него был аргумент: наконец-то родился сын - ее сводный брат. Назвали Игорь. К тому же позвонила мама. Она знала, что Вячик в Лондоне, купил дом, очень тому радовалась и велела дочке обязательно отметить день рождения брата.

Она была очень мрачной в машине. Вячик вел сам «мерседес», взятый напрокат, часто путался в названиях, сверял их с картой, Маша подсказывала, забившись в угол заднего сидения.

Вспоминала разговор с мамой. Какой-то он получился пустяковым. Мама радовалась, маленький занимал ее до краев и, похоже, она все забыла - как защищала ее от Вячика, как конспирировалась, отправляя Масю сюда. Давно, наверное, знает про его приезды в школу, а молчит, и вот теперь такой разговор, словно ничего не было.

Выходит так, что людям много чего надо сказать друг другу, а отделяются чем-то маловажным. На прощанье Маша спросила:

- Можешь выполнить одну мою просьбу?

- Конечно, - легкомысленно ответила отличница. Что для нее простая просьба дочери?

- Только быстро! «Фэдерси экспрессом», чтобы завтра получить?

- Нет проблем. Говори!

- Вышли мне иконку пресвятой Богородицы. Маленькую, но освященную.

- Жди!

На том они и закончили разговор, а сейчас Вячик вез ее в дом, купленный под Лондоном.

В доме никого не было.

В центре нижней залы накрытый стол, две свечи, газовый камин пылает синеватым огнем: все не по-русски.

Она вошла, и Вячик схватил ее сразу, смял, содрал одежду.

Маша сопротивлялась молча, без слез, до последнего, пока могла.

Потом потребовала немедленно отвезти в школу.

Он пытался ей что-то говорить, убеждал остаться, хотя бы при-

нять ванну, но Маса пригрозила, что выйдет на улицу в этом разодранном виде и обратится к полицейскому.

Послушался. Сел за руль, отвез в школу.

Ее явление вызвало переполох. Вызвали директрису, и та, посмотрев на девочку, отправилась в кабинет. Она позвонила в Москву, поговорила с матерью. Разговор записала в тетради, точнее, свою информацию, переданную в Москву: за девочкой приехал отец, увез, как сказал, в купленный дом, скоро вернулся в растерзанном виде, она в недоумении: обращаться ли в полицию?

- Нет, - сказала мать, - мы разберемся сами, это какое-то недоумение, ничего плохого быть не может.

Бдительность директрисы очень помогла ей. Две инспектрисы, дежурившие в дортуаре, по ее предложению, написали свои рапорты.

Девочка после возвращения ушла в душ и переоделась. Порванную одежду положила на склад в свой чемодан. Замолчала.

Молчание продолжалось сутки. Потом курьер принес пакет из Москвы для русской девочки. Там оказалась красивая новая икона Богородицы размером с открытку. Соседки по спальне показали позже, что ночью девочка стояла на коленях перед тумбочкой, на которую установила иконку. Страстно молилась.

Блюдя конвенцию о правах ребенка, детям в школе разрешали молиться своим богам, хотя Богородица и у католиков Богородица. Никакой тревоги это не вызвало. Разве что девочка отправила посылку и несколько писем. Но это не возмущало.

Потом их повезли на экскурсию в Лондон.

Маса там была, но проездом в школьной машине по дороге из аэропорта, а нынешняя поездка на скул-бусе носила тематический характер и посвящалась Биг-Бэну, Трафальгарской площади, Темзе... Когда, спешившись, девочки в одинаковой форме вышли на мост через реку и достигли его середины, где высота опасна, одна из них, слегка задержавшись, перекинулась через ограждение и, падая, ударилась о каменные блоки моста. Погибла сразу.

Это была Маса.

Полиция явилась в школу немедленно, директриса предъявила свою запись разговора с Москвой и докладные дежурных. Адрес лондонской собственности семьи также был в ее распоряжении, но там никого не обнаружили.

После этого директриса позвонила матери. Это делалось из полицейского участка, рядом, надев наушники, подключенные к телефону, бесшумно нажимала кнопки своей клавиатуры стенографистка. Начальница заведения передала свое известие. По ту сторону провода раздался хрип и несвязный крик.

Это и занесли в протокол.

Масю привезли в Москву через три дня, в цинковом гробу, и похоронили на Новокунцевском кладбище для знаменитых - но не так

чтобы - людей, переложив в полированный импортный гроб тысячи за три. Долларов.

Хоронить ее пришел весь класс, потому что литераторша Лизуня сказала ученикам, будто это грех не попрощаться с Машей.

В гробу Маша выглядела нестрашно, потому что ударились о камни спиной и затылком. Лежала, будто уснула. Сейчас проснется и хоть на дискотеку - платье у нее шелковое, темно-синее, с белым бантом на груди. Правда, гроб открыт до половины.

Мать и бабушка Маше стояли в черных платках, по обе стороны гроба, гладили ее по щекам и по лбу, будто хотели разбудить, да бесполезно.

А громче всех, навзрыд прямо, плакала Анечка Бочкарева. Когда стали закрывать, она положила Маше затертую куколку в новом платье.

- Чья это кукла? - спросила позже Лизуня у Аньки. Она ответила:

- Моя.

А недели через три или даже четыре почтальон доставил прямо в школу бандероль из Англии для Ани Бочкаревой.

Принесла ее из учительской опять же Лизуня, а Аня так и залилась:

- Это от Маши!

На глазах у класса раскрыла коробку и достала оттуда куклу с закрывающимися глазами. Когда Анечка по инерции повернула ее, чтобы глаза открылись, они смотрели по-прежнему вперед. Анечка разрыдалась.

Даже мальчишкам не по себе сделалось.

Но перед этой посылкой по школе прокатилось еще одно жуткое известие.

Лизуня пришла в класс на большой перемене и прямо упала на учительский стул.

- Послушайте, - сказала она, и все сели на свои места. - Это ужасно. Но вам надо знать. Машина мама, Мария Николаевна, убила своего мужа.

- Как? - вякнул кто-то.

- Из пистолета. В упор. Сразу. И вызвала милицию.

- Что будет? - спросил кто-то.

- Ее арестовали. Малыша забрала бабушка. А у Машиного деда инфаркт.

В стонущей тишине класс просидел молча всю перемену.

Анечка Бочкарева скажет потом, когда вырастет:

- Эта перемена равнялась всей моей школе, одиннадцати годам!

О, ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕСНАЯ,
ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА,
СОХРАНИ РОССИИ ЕЕ ДЕТЕЙ!

Татьяна ЛИНДЕ
18 лет, г. Ульяновск

ЧУЖОЕ ЦАРСТВО

* * *
Мы не дети Уленшпигеля –
Мы сутулые невозвращенцы.
Мы носим браслеты с иглами.
Непущенцы мы, непущенцы.

Мы не дети, не внуки, не пасынки,
Мы совсем не его породы.
И мы плачем, мы плачем по праздникам,
По привычке своей природной.

Наши совы не смотрятся в зеркало.
Мы юродствуем – сумасбродствуем.
И за нас заступиться некому –
Мы сиротствуем. Сиротствуем.

* * *
Гимны самосожжению,
Стансы уничтожению.
Молилась слепому чаду –
За мои слова – от камней пощаду.
По моей крови, моему нутру...
Перестану писать – и не умру?

* * *
Я рисую портрет спящей матери,
Смуглой, как яблоко позднее.
Там – во сне, у сознания на паперти –
Бьется Чудское озеро.

В этих чеховских лиственных зарослях
По лицу ее ходят тени,
Там дрейфует мой алый парусник;
Донкихотство; и кот на коленях.

Я рисую портрет спящей матери,
Смуглой, как позднее яблоко.
Ни материя, ни хрестоматия...
Покуда я око... я около.

*   *   *

С ласковой болью ты смотришь во след ушедшему,
Словно жгутами тоски оплетается тихое сердце.
Кто перед самым свершеньем поспешно захлопнул дверцу
К прошлому светлому, но все же, увы, отошедшему?

А ты говоришь со мной из иного пространства,
Я плачу, и сердце торопится с собственным боем.
Сладостный голос ветра уже обернулся воем...
И с восходом венчали тебя на чужое царство.

О Господи, что осталось теперь у меня,
Если тише идущего снега звучит твой голос?
Пригоревшим хлебом если запахнет колос?

Ну услышь мой молящий голос:
Не оставь меня,
   не оставь меня,
   не...

*   *   *

Умоляющим в подарок,
Что разрыв обрывом срощся,
Что дневной луны огарок
В бледном небе хлебом ссохся.

А младенец засыпает
В чреве ласковом у Бога,
Но пока еще не знает,
Что его судьба убога.

Две ольхи ему, как ведьмы,
Шепчут ласковое слово,
Потому что звуки вечны
В горле мальчика немого.

*   *   *

Покуда сердце плавает в крови,
В сомкнутых веках застывает зрение,
Покуда непробудны звонари –
Мы ставим на тоску и провидение.

Мы ставим на судьбу – на оправдание.
И все простят нас – к воле не причастных,
Кто вытянул билетик на свидание –
Врачует смерть в своих владеньях частных.

ИЗ ЦИКЛА
«ЧИТАЯ БЕЛЬГИЙСКУЮ КЛАССИКУ»

На каком таком диком огне?
На этапе каком, в самом деле?
Незапекшейся раной на теле
Стало сердце пустое во мне.

«Будет тяжко – зима впереди, –
В недописанной песне поется. –
Если Тиль никогда не вернется.
Из Европы гостинцев не жди».

У воды затянулась села
Паутиной своей ледовитой,
Я, тебя по походе узнав,
Мальчиковой такой, деловитой,

Оторвусь от любого бестселлера...

* * *

Что нам звезды? Наш выбор – тернии.
Так уж сказали – в озноб.
В этих повадках убытков трение –
Ничего здесь нет моего.

Кто пожизненный гений в шестом позвонке?
На слом предназначен чей слог?
Я помню малютку в пожухлом венке,
Но ничего здесь нет моего.

Слезы за всех и прощение всем.
Ничего.

Моего.

Насовсем.

* * *

А мне улыбались звери
И плакали мне вослед,
И в полночь – канон свирели –
Прекраснее всех побед.

Глаза – зелье приворотное,
Нравы – вскипают в стужу.
Ясно – человек не животное.
Многие – хуже.

ПЛАНЕТА-ДАЙДЖЕСТ

Есть такая телевизионная передача – «Что хочет женщина». Как выясняется, много чего. Но уж чего совершенно точно хотят все – всегда и в любом возрасте – быть красивой.

Только вот есть ли какой-то единый эталон красоты, признаваемый всеми и повсюду? На этот вопрос можно ответить вполне определенно и однозначно – нет. Можно, конечно, вспомнить общеизвестную истину: на вкус и на цвет товарищей нет. Но этот вкус и цвет в разных странах имеет свои особенности. Итак –

КАК СТАТЬ КРАСИВОЙ?

В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОДЕЖДАХ

Американки, например, считают, что самое привлекательное в их облике — это красивая грудь, и она обязательно (несмотря на демарши Памелы Андерсон, которая постоянно меняет формы и размеры своего бюста) должна быть пышной. Ради этого стандарта они готовы буквально на все, но, увы, не всех природа одарила сим физическим богатством. А потому многим страждущим приходится раскошелиться на приобретение имплантатов, наполненных физиологическим раствором. По статистическим данным, в прошлом году искусственные бюсты установили себе сто тридцать тысяч американок, что на двадцать пять процентов больше, чем в году предыдущем. По данным американской ассоциации эстетической хирургии, практически все слои общества и все возрастные категории «встают в очередь» на приобретение грудных имплантатов. Но чаще всего «новую грудь» делают себе женщины, преодолевшие планку пятидесятилетнего возраста. К тому же они добавляют к этой операции еще и курс по омоложению кожи лица и шеи.

В феврале 2000 года той же организацией был проведен опрос, согласно которому

шестьдесят процентов женщин-американок регулярно прибегают к услугам пластического хирурга. Но что не менее удивительно, пятьдесят три процента мужчин так же «сильно активны» в области наведения внешнего лоска.

На втором месте после «большой груди» идет культ «вечной молодости». Специалисты-косметологи настоятельно советуют каждой достигшей тридцатилетнего возраста женщине ложиться под нож, чтобы подтянуть лицо. При этом пластическая хирургия в Америке — одна из самых дорогих в мире. День пребывания в специализированной клинике втрое превышает европейские тарифы на те же самые услуги.

Поэтому менее состоятельные клиентки (а их большинство) предпочитают прихорашиваться «одним днем»: после проведенной операции в тот же день пациентка отправляется домой. Самыми популярными среди американок операциями являются: липоксация (устранение подкожного жира операционным путем при помощи вакуума), пластическая хирургия век, носа, полный лифтинг лица и шеи (подтягивание, удаление морщин безоперационным путем).

И если говорят, что искусство требует жертв, то красота требует денег. Например, операция по увеличению объема груди обойдется претендентке на совершенные

формы в восемь тысяч долларов (во Франции в пять тысяч), а лифтинг лица вообще станет в копейку — тринадцать тысяч — долларов, разумеется (французским красоткам повезло больше: у них это стоит семь тысяч баксов).

На том же американском континенте жительницы Бразилии возвели усовершенствование своей внешности в настоящий культ. Мало того, они не стесняются об этом говорить. А уж показать шрам после лифтинга или рубец, оставшийся после той или иной эстетической корректуры лица или тела, — дело чести любой красавицы.

Обязательная пластиче-

ская операция стала здесь настоящим «культурным» событием. Все женщины просто бредят устранением мнимых и явных недостатков. Кабинеты, где всего за двести долларов можно прооперировать кривой нос или подшить осевшую щечку, находятся на каждом шагу. А сам факт посещения подобного заведения свидетельствует о принадлежности женщины к высшей касте. Многие из них готовы заложить в ломбард свое фамильное золото — только бы оплатить поход к хирургу. Самым популярным является курс по омоложению кожи лица и сглаживанию морщинок. Очень распро-

странены пышные груди. В моде также мощные бедра и округлая попка, в которую тоже вкладываются силиконовые «подушечки». Согласно статистическим подсчетам, только за прошлый год подобные операции проделали в Бразилии триста тысяч пациенток.

Конечно, красота – прежде всего, но для большинства мексиканок индейского происхождения единственным способом восхождения по карьерной лестнице является... нос. Паспорт в новую жизнь можно получить, ликвидировав горбинку на носу (наследство от инков-предков) и сделав его более европейским. Невероятно, но факт: таким образом можно избежать множества дискриминационных формальностей.

В Южной Африке «белые африканки» просто помешаны на изящно-худосочном силуэте, который в их краях считается наиболее распространенным стандартом красоты. Потому самым популярным в среде женской половины белого населения способом приобретения цветущего вида здесь является липосакция. Популярность операции столь велика, что существует даже почасовой тариф для клиентов во всех центральных поликлиниках городов – тысяча пятьсот долларов.

«**Л**ицо женщины – это ее ноги». Эта французская поговорка появилась в сере-

дине восемнадцатого века, когда женщины, кстати, ходили в длинных юбках. Однако это не мешало сильному полу оценивать женские ножки.

Но хотя поговорка и французская, культ стройных ножек особенно характерен для Испании. Ради этого испанки готовы выложить последние песеты. Те, у кого хватает терпения, накачивают мускулы икр в тренировочных залах. Но большинство женщин предпочитает дорогостоящий поход к пластическому хирургу, который проводит коррективную линию ног.

Чего не сделаешь ради красоты: ведь поговорка в чем-то права. Многие (хотя далеко не все) мужчины действительно обращают внимание в первую очередь на ноги женщины. И как здесь не вспомнить мудрые слова великой Фаины Раневской, которая в ответ на вопрос, кто глупее – мужчины или женщины – воскликнула: «Конечно, мужчины! Разве вы видели хоть одну женщину, которая влюбилась в мужчину, потому что у него красивые ноги?» Следом за ногами привлекает внимание грудь, и только на третьей позиции стоит лицо.

В результате возникла мощная индустрия по выпрямлению ног. Существует целая наука, изучающая, как хирургическим путем удалять с бедер жир. Естественно, менялась и мода. Юбки с начала века все более и более укорачивались. Появились

юбки с разрезом и, наконец, обтягивающие джинсы. Техника изготовления колготок все более усложняется. Целые лаборатории трудятся над созданием рисунков и материалов, которые зрительно бы делали ноги стройнее.

В самой же Франции главное — не ноги. Здесь мужчины, ну и, соответственно, женщины ценят прежде всего цветущую молодость. Ради «вечной молодости» француженки постоянно прибегают к омоложению кожи лица, корректировке всей фигуры, после чего пятидесятилетние дамы превращаются в юных нимф. По подсчетам, к услугам пластического хирурга здесь ежегодно прибегают более шестидесяти тысяч дам.

А вот английские леди по этому показателю значительно отстают от французских дам. Если в начале века Англия считалась центром хирургических вмешательств в Мастерскую матушки-природы, куда съезжались лучшие специалисты, то сегодня ситуация коренным образом изменилась. В Лондоне насчитывается всего сорок хирургов, тогда как в соседнем Париже их более двухсот. А потому англичанки считают предпочтительнее наводить внешний лоск в недалекой Франции.

Пожалуй, нашим россиянкам, если принимать во внимание стремление усовершенствовать свой внешний вид, ближе всего немецкие

фрау. Немки более терпимо относятся к природным капризам человеческого тела, в отличие от своих европейских соседок. Да и мужчины «консервативно» привыкли любоваться «натуральными» прелестями своих соотечественниц. А посему эстетическая хирургия здесь непопулярна. Очень ценится естественность и правдивость внешнего вида женщины. Любое отклонение от «нормы» — полнота, морщинистость — не играют существенной роли.

За последнее время в России появилось немало салонов красоты, студий, фитнес-клубов, где для желающих предложат огромный выбор процедур, о которых раньше наши красавицы и слыхом не слыхивали. Хотя особого ажиотажа здесь не наблюдается, во всяком случае массового психоза по этому поводу нет. Наверное, все же потому, что наши девушки — самые красивые в мире.

ПУСТЬ НЕКРАСИВЫМ ПЛАТЯТ

Б лондинки гораздо привлекательнее всех остальных девушек... Вопрос, конечно, очень спорный, но тем не менее он существует.

Кто первый сформулировал это мнение — неизвестно. До нас дошли предания, что

Венера была блондинкой. В скандинавских мифах женщина считалась красавицей, если имела светлые волосы и голубые глаза. Мэрилин Монро, Брижит Бардо, Марлен Дитрих... Знаменитые блондинки одновременно подстраивались под уже существующий эталон и формировали его в массовом сознании.

Никуда не денешься — действительно блондинки чаще привлекают к себе внимание. К ним чаще обращаются с предложениями о знакомстве. Более того, им даже легче устроиться на работу. По сведениям психологов труда, современные русские бизнесмены считают, что секретарша-блондинка символизирует европейский стиль их офиса.

Англичанка Шейла Заяк проверила шестьсот супермаркетов страны и выяснила, что блондинки привлекают к своим кассам на четверть больше покупателей, чем их коллеги. Даже если рядом очередь была короче, люди предпочитали стоять к блондинкам. Все дело, видимо, в том, что блондинки выглядят мягче и спокойнее. Вот мужчины и считают: блондинка если и откажет, то сделает это мягко, не рана самолюбие.

Это и привело к тому, что девушки в основной своей массе поверили — ничто так не красит их, как перекись водорода. Четвертая часть американок желают быть блондинками. Этот цвет волос, по их мнению, символизирует чистоту и невинность. Среди россиян показатели еще выше: почти шестьдесят процентов клиенток парикмахерских салонов просят осветлить волосы, и только тридцать процентов — окрасить в темный цвет.

Как бы там ни было, но оказывается, не только цвет волос, но и общее обаяние, привлекательность имеют в жизни многих людей немаловажное значение. Всерьез озаботились этой проблемой американцы.

Национальное бюро экономических исследований США изучило вопрос о том, как внешность человека отражается на его карьере. В докладе «Красота и рынок труда» подтверждается вывод о том, что некоторые лю-

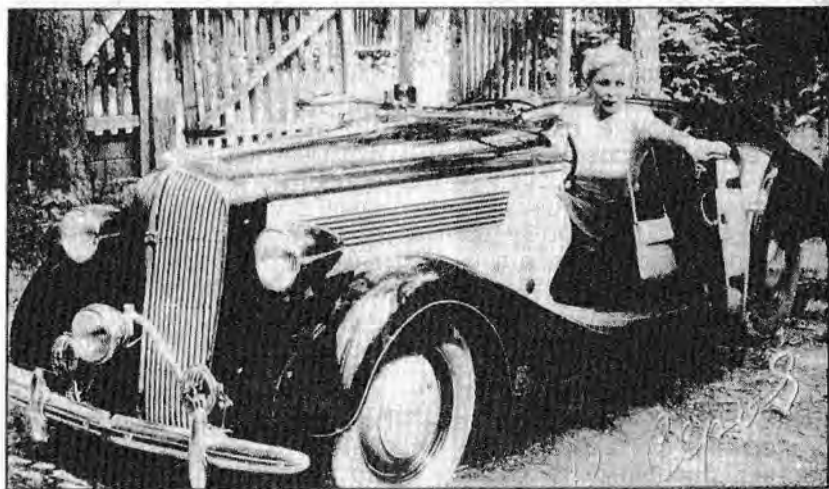
ди из-за своей некрасивой внешности теряют в зарплате и в шансах на продвижение по службе.

Два видных экономиста — средней и выше средней привлекательности (по их собственной шкале оценок) — установили, что существуют сложившиеся стандарты красоты, сохраняющиеся неизменными в суждениях большинства людей, и что те, кто не отвечают таким стандартам, постоянно зарабатывают меньше, чем их более привлекательные коллеги.

Лишь два процента населения действительно красивы, считают авторы доклада Хеймермеш и Биддл; у тридцати процентов привлекательность выше средней, у пятидесяти пяти процентов средняя, у двенадцати — ниже

средней. И только один процент — «страшили». Это подтверждает мнение английского психиатра Сандры Бэрчнолл, в чьи обязанности на протяжении многих лет входило принятие решений о том, кто из пациентов, желающих произвести пластическую операцию, имеет право сделать это за счет Британской службы здравоохранения. Обычно она говорит пациентам так: «Желание быть красивым — нормально. Но сама красота — явление отнюдь не нормальное».

Цель косметических операций, выполняемых в системе государственной службы здравоохранения, состоит лишь в том, чтобы восстанавливать или создавать «нормальные» черты лица, а не «красивые».

Легендарная блондинка — сталинская кинозвезда Валентина Серова

Удивляет же авторов доклада тот факт, что мужчины, оказывается, страдают от дискриминации по признаку «внешности» даже больше женщин. Это явно противоречит тому очевидному факту, что миром правят мужчины, которых даже не назовешь красавцами, в то время как женщинам, чтобы добиться хоть сколько-нибудь высокого положения, надо быть холеными, привлекательными и вообще превосходными во всех отношениях.

Хотим мы этого или нет, но подобная дискриминация на самом деле существует, ибо мужчин оценивают прежде всего по деловым качествам, для женщины же вдобавок к высокому профессионализму нужен еще и отвечающий стандартам красоты, или во всяком случае привлекательности, внешний вид. Ну, а уж если привлекательность ниже средней — тут надеяться не на что. «Серьезная проблема состоит в том, — утверждает журнал «Форчун», — следует ли предоставлять уродливым американцам защиту, аналогичную той, какая обеспечивается нетрудоспособным по закону об американцах с физическими недостатками». Этого уже потребовало мощное лобби так называемых «больших людей». Известно, что наличие людей, страдающих избыточным весом, становится в США серьезной проблемой. Это отражается на здоровье, да и внешний вид толстяков далеко не всегда вызывает

приятные ассоциации. А раз так, считают они, физические недостатки необходимо компенсировать материально.

Впрочем, немалым камнем преткновения, как отмечается в докладе о труде и красоте, будет вопрос о том, кому решать, достаточно ли некрасив человек для того, чтобы выплачивать ему материальную помощь. Но вывод ясен: некрасивым нужно платить.

КАК ЖЕНЩИНЫ ПРИСВОИЛИ БРЮКИ

Удивит ли кого-нибудь сейчас женщина в брюках? Нет, не в тренировочных и не на спортивной площадке, а в элегантных, по последней моде и на светской тусовке, а то и на официальном приеме? Конечно же, нет. Более того, это воспримут как само собой разумеющееся. Ну, а если мужчина появился бы в юбке? Тут иное дело. В лучшем случае такого мужчину просто не поняли бы — что он хочет сказать тем самым. А почему? Потому что брюки всегда считались не только специфической принадлежностью пола, но и демонстрацией исконных мужских прав. Еще совсем недавно появление женщины в мужском платье было свидетельством того, что она обладает определенной смелостью. Бесспорно, что мужчина в юбке (оставим в стороне непонятных

шотландцев) такого впечатления не произведет.

Свои права на ношение брюк европейские и американские женщины заявили более двухсот лет назад. Документально этот факт подтвердила историк Гундула Вольтер в диссертации на тему «Брюки по-женски», внеся свой вклад в изучение истории моды и культуры вообще и истории эмансипации в частности.

Речь идет не только о «ножном облачении» — так раньше именовались брюки для женщин — самого разного и забавного вида. Процесс «обрючивания» неизменно сопровождался то нараставшим, то спадавшим газетным бумом, основной мотив которого не стал оригинальнее с тех пор, как корреспондент «Журнала роскоши и моды» в 1800 году сообщил из Парижа: «Проявлением наиболее наглой разнузданности стало переодевание дам в мужскую одежду...»

Наиболее решительные из французских «революционных республиканок» носили длинные брюки на баррикадах. В период империи дамы осмелились надеть вязаные бордовые панталоны. Свобода их «нудистской» моде была предоставлена ненадолго. К самым тщательно охранявшимся тайнам девятнадцатого века относилось то, что между верхней частью женского тела и «милыми крошечными ступнями» находилась пара весьма прелестных конечностей. Ниже талии

женщины были похожи на бочки, поставленные на ролики (вплоть до «ковыляющей юбки», которая позволяла ее хозяйкам делать только крошечные шажки). Лишь американка Амелия Блумер в 1851 году набрела на идею не только широких брюк под коротким платьем, но и более свободного корсета, в который девочек с семи лет зашнуровывали на всю жизнь.

Мужчины сразу поняли, что женщины, надевшие, как писала Блумер, «удобный, здоровый, разделенный в

нижней части предмет одежды», начнут наступление и на чисто мужские должности в государственных учреждениях. Охраняя свои владения от «бесцельно болтающихся вокруг баб, эмансипированных девонок», представители сильного пола не стеснялись в выборе средств. Под угрозой, утверждали они, оказались мировой порядок, женская прелесть и способность рожать – вещи, в которых мужчины, по их убеждению, всегда разбирались очень хорошо.

Подлинный прорыв в области ношения брюк осуществили смелые альпинистки, летчицы, фигуристки (вокруг последних, однако, и поныне развевается остаток юбочки). А также дамы, ездившие на велосипеде и не желавшие согласиться с ношением специального «преобразующего костюма»: «На внутренней стороне передней части юбки находится двойное кольцо со шнуром, он проходит между ногами женщины к расположенному чуть ниже простому кольцу на задней части юбки, а оттуда назад ко второму отверстию двойного кольца и, наконец, через отверстие в юбке выводится наружу. Перед тем как сесть на велосипед, дама тянет за шнур. В результате задняя часть юбки тотчас же подтягивается...» Пусть кто-нибудь попробует разобраться, как должна была сшить костюм модница велосипедистка по этому описанию.

Первая мировая война положила конец подобным

ухищрениям. Женщины выполняли мужскую работу, надев мужскую одежду. А это означало, что был совершен необратимый шаг. После этого холодный ветер свободы начал свистеть вокруг их икр и стриженных затылков. Даже нацисты были вынуждены согласиться с «бабами в брюках», тем более что вскоре они сами заставили женщин надеть военную форму с брюками.

В пятидесятые годы мужчины еще раз попытались поучать, напоминая грациозным и продвинутым дамам, что им следует отказаться «от экзистенциалистского поведения, сверхдлинных мундштуков для сигарет и гладких мужских причесок». В начале шестидесятых представительниц прекрасной половины человечества, зажившихся на службу в брючном ансамбле, отправляли домой с просьбой переодеться: женщин в брюках в советских учреждениях не должно было быть. И в престижных ресторанах столицы уважающие себя метрдотели строго соблюдали неписаный закон: женщинам в брюках не место в зале. Так было... В конце концов женщин оставили в покое.

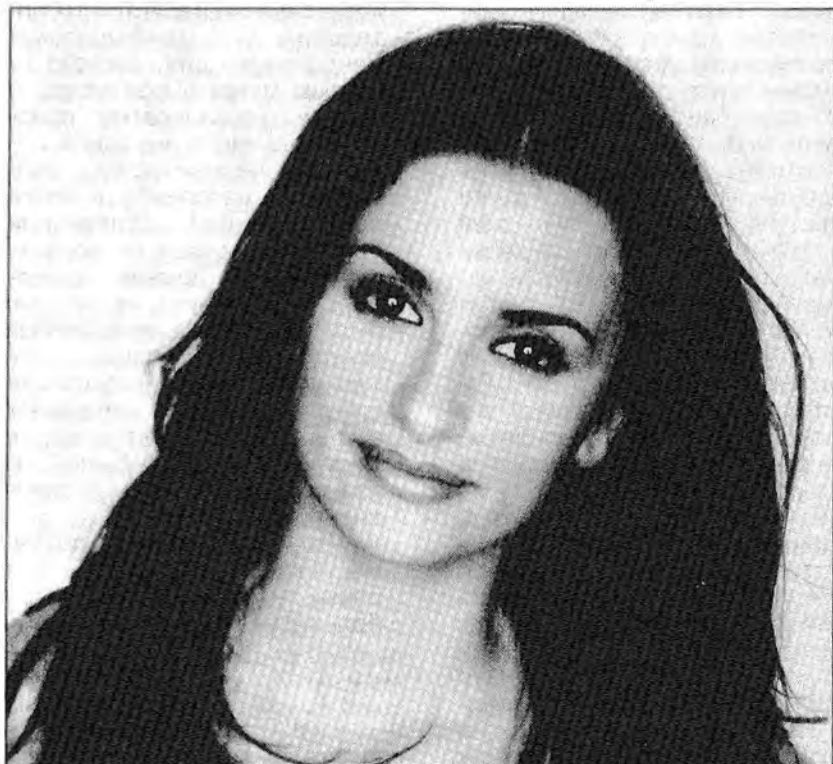
Что последовало потом, мы знаем сами. Юбка или брюки – это сегодня никого больше не волнует.

**По материалам
отечественных
и зарубежных изданий
подготовил Сергей ЧАЙКИН**

В Испании она стала главной кинозвездой и с семнадцати лет несет на своих плечах нелегкое бремя славы. Она приехала в Голливуд, зная по-английски всего несколько фраз, и не прошла пробы на фильм, куда ее пытались пригласить, но ей хватило двух лет, чтобы не только ворваться в мир обладателей миллионных гонораров, но и вскружить голову не одному признанному красавцу «фабрики грез»... Несмотря на молодость, она снялась уже более чем в тридцати фильмах, но специалисты считают, что ее лучшие роли еще впереди...

Пенелопа КРУС ВЫСЕКАЕТ ОГОНЬ ИЗ ЛЮБОГО ПРЕДМЕТА

С самой первой роли на миловидную актрису обратили внимание, а через пару лет после дебюта в 1991 году она становится объектом поклонения в родной Испании. Рубежом от безвестности к славе можно считать фильм «Ветчина, ветчина», где юная дива появляется обнаженной. От красоты и магической пластики семнадцатилетней ню Испания сходит с ума. Сцена эта, кстати, совершенно целомудренная, даже поцеловаться перед камерой Пе долго не решалась, а уж постельные эпизоды до самого последнего времени были для нее совершеннейшим табу. Снявшись более чем в пятнадцати испанских лентах, она обретает ореол местного аналога Джулии Робертс – ни одна испанская актриса не в состоянии сравниться с ней по популярности. Благодаря фильмам Альмодовара она приобретает известность среди местных эстетов, на «независимом» фестивале Сандэкс ее встречают овацией. Но амбициозной Пенелопе мало одной Испании. А раз так, путь всех актеров из всех стран неизменно ведет в Голливуд, и она не может стать исключением из правил.

Успех не заставил себя ждать. Пусть не сразу, но очень скоро. Один за другим следуют новые фильмы, новые роли, которые вызывают восхищение зрителей и благосклонные отзывы критиков. Американские актеры падают к ее ногам, словно спелые груши. И их можно понять. В

отличие от до тошноты феминизированных американок она очень привязана к семье и настоящему добру. Когда на обложке одного из журналов появился ее портрет – из тех, что были сделаны на демонстрации новой коллекции «Осень-зима 2000» модельера Ральфа Лорена, известный кутюрье охарактеризовал Крус как «уникальное сочетание красоты, доброты и интеллекта, проявляющееся как на сцене, так и в жизни».

В середине девяностых она работала в госпитале Матери Терезы в Калькутте и насмотрелась там такого, что по возвращении в Испанию пережила серьезный психологический кризис. А гонорар за один из первых своих американских фильмов перечислила тому же госпиталю. Когда недавно занемогла ее бабушка, Крус сбежала со съемок в Лос-Анджелесе и улетела в Мадрид, несмотря на то, что впереди ее ждал двенадцатичасовой перелет.

В фильме «Женщина наверху» есть такая сцена: молодая женщина в красном открытом платье и туфлях на высоких каблуках выходит прогуляться по улицам Сан-Франциско. Не проходит она и двух кварталов, как за ней выстраивается хвост из пятисот сгорающих от любви мужчин, попавших во власть источника ее очарования. Для Пенелопы Крус, исполняющей эту роль, такие ситуации – не редкость и в реальной жизни. Не будем гадать насчет пятисот, но даже один из них стоит

не одну сотню поклонников. Том Круз — миллионер, едва ли не самый влиятельный человек в Голливуде и просто обаятельный кумир многих американок — готов положить к ее ногам весь мир. Как десять лет назад перед Николь Кидман, перед испанской принцессой открываются все двери, прежде всего двери к новым фильмам, новым ролям и многомиллионным гонорарам. После совместной работы в «Ванильном небе» для Круза не составило никакого труда «пристроить» ее в новый блокбастер Оливера Стоуна, который снимается на реальном материале и рассказывает о химической катастрофе на заводе в индийском городе Бхопал. Вместе с Пенелопой будет сниматься Джереми Айронс, известный как «самый привлекательный мужчина Англии»... И все же, двигаясь от премьеры к премьере под вспышками фотокамер, новая голливудская звезда скучает по родине и своей семье.

Ее родители молоды, им обоим всего по пятьдесят лет — и, может быть, поэтому они всегда понимали свою дочь. «Они спрашивают меня — чувствую ли я себя счастливой, и если да — они счастливы тоже». Ее отец, эффектный испанец в черном прикиде, с золотой серьгой и золотой цепью под расстегнутой рубашкой, отвечая на вопрос, не боялся ли он за свою дочь, отпуская ее в Америку, говорит: «Чтобы птица могла вылететь, нужно открыть дверь

клетки, а иначе птица сойдет с ума».

Полное имя испанской звезды Голливуда — Пенелопа Крус Санчес. Родилась в Мадриде 28 апреля 1974 года в семье автомеханика и парикмахерши. Маленькая Пе — так и по сей день ласково именуют актрису — отличалась такой непоседливостью и возбудимостью, что это удивляло даже темпераментных испанцев. Однажды родители решили показать ее психиатру, дабы удостовериться, все ли в порядке с их маленькой шалуньей. Люди, далекие от искусства, могли ли они предположить, что из малышки, пародирующей на радость брату с сестрой персонажей телерекламы, вырастет знаменитая актриса. «Я была очень активным ребенком, — вспоминает Пенелопа, — и я не знала, куда употребить свою энергию. И от этого страдала. Это было мучительно, а я была еще так мала». Психиатр меж тем поводов для волнения не обнаружил, успокоил семейство и посоветовал направить бьющую через край энергию девочки в мирное русло: отдать ее в спорт или в балет.

Когда дочке исполнилось пять лет, мама купила ей пуанты и пачку и отвела в балетный класс. Пенелопа сразу же полюбила балет и отдалась ему всем сердцем: «Здесь я нашла способ выражать свои чувства без помощи слов. Я словно родилась для того, чтобы выражать свои эмоции. И когда у меня появилась возможность полностью

этому отдаваться, порою до четырех часов в день, я чувствовала себя гораздо лучше, ведь я использовала весь свой адреналин». К пятнадцати годам она завершила курс обучения в одном из самых престижных заведений Испании — Национальной консерватории, достигнув немалых успехов в современном танце и джаз-балете.

Между тем, проведя бесконечные часы на пуантах, Пенелопа поняла, что балет теряет для нее свое очарование. «Это жестокая штука, — сказала она. — Вы сбиваете ноги в кровь и при этом улыбаешься». К тому же занятия отрицательно сказались на здоровье: у девочки произошел нервный срыв. «Этот случай показал мне, как важно отдыхать, — призналась она. — И сколь важно быть внимательной по отношению к себе».

Проблема разрешилась как бы неожиданно. Волею судеб пятнадцатилетняя девочка попала на испанское ТВ, где в общем-то совсем не случайно — сказались выучка и артистизм, обретенные в балетных классах, — стала единственной из трехсот претенденток, победительницей конкурса юных талантов. Почти одновременно с телевизионным конкурсом победила она и на конкурсе, который проводило известное модельное агентство. В результате Крус принялась покорять подиум, сниматься в сериалах, музыкальных клипах и телевизионных шоу, обретая известность и торя себе дорогу на большой экран.

Кинодебют Пенелопы Крус состоялся в 1991 году в испанском фильме «Греческий лабиринт», а потом ей посчастливилось сыграть главные роли в двух очень удачных фильмах — в английском триллере «Подставка» (вместе с популярным британцем Тимоти Далтоном) и ретро-комедии Фернандо Труэбы (которого актриса считает своим творческим крестным отцом) «Прекрасная эпоха», где юной Пе выпала роль младшей из четырех сестер, соблазняющих на пленэре городского юношу в воздушных декорациях начала двадцатого столетия. Правда, играла она на втором плане, но именно этот фильм был признан лучшей иностранной лентой года и впервые за всю историю испанского кинематографа получил «Оскар».

Успех не вскружил голову юной красавице (в Испании идея звездности не развита настолько, как в Америке. У нас, если ты актер и у тебя есть работа, это уже здорово, говорит она), но позволил успешно продолжать актерскую карьеру. Она много снимается и становится самой популярной испанской актрисой, удостоивается награды «Гойя» (местный аналог «Оскара») за роль в фильме «Девушка твоей мечты», а затем получает главную роль в ленте известного испанского режиссера Педро Альмодовара «Все о моей матери». Фильм был отлично встречен в Каннах и принес актрисе мировую известность.

Но главным событием в жизни Пенелопы стало знакомство с молодым режиссером и композитором Алехандро Аменобаром. Фильмы Аменобара стали для Голливуда неиссякаемым источником вдохновения: находки его «Тезиса» были напрямую использованы в «8 мм», а мотивы «Открой свои глаза» отчетливо видны в снятой чуть позже «Матрице». В 2001 году вышел честный ремейк «Глаз» — «Ванильное небо» Кэмерона Кроу, в котором Пенелопа Крус сыграла свою собственную роль из фильма-оригинала, широко распахнув для себя двери Голливуда.

Однако в Голливуд Пенелопа попала задолго до ленты Кроу. Успех фильмов Трузбы и Аменобара заставил американских режиссеров обратить на актрису особо пристальное внимание. Нельзя сказать, что Голливуд пришел стучаться в двери Пенелопы Крус. «Я сама искала этого», — говорит она. Переходный период из Испании в Голливуд оказался трудным. «Она знала только три слова по-английски», — вспоминает ее агент о пробах актрисы в 1995 году на главную роль в мелодраме «Прогулка в облаках», где она должна была стать партнершей Кеану Ривза. Этот случай заставил ее задуматься. Она засела за книги и обнаружила, как ни странно, что игра на иностранном языке имеет свои преимущества. «Это придает ощущение некой дополнительной свободы,

потому что не все, что вы говорите, вы понимаете, — рассказывала актриса. — Испытывая подобное чувство, я могла идти на большой риск. И в этом не было самоуничтожения, способного разрушить актерскую игру».

Только в 1998 году Стивен Фрирз пригласил Крус на первую в ее жизни англоязычную роль в картину «Страна холмов и долин». Впрочем, и тогда руководство студии не сразу одобрило ее кандидатуру. Да и Торнтону чуть позже пришлось выдержать битву за то, чтобы именно Крус сыграла милую мексиканскую подружку героя Мэтта Дэймона во «Всех прекрасных лошадах». «Сначала студия настаивала на американской актрисе, — вспоминает он. — Я же хотел Пенелопу и пару раз даже покидал съемочную площадку в знак протеста. В конце концов я передал им коробку видеокассет с девушками, пробовавшимися на роль, и сказал: «Посмотрите все это и выберите лучшую». Они перезвонили мне и сказали только одно слово: о'кей. Может, им просто не захотелось смотреть все это. Дело ведь не просто в красоте, а в том специфическом свойстве внешности Крус, которое и толкает режиссеров на подобные ультиматумы. И это свойство — составная часть ее актерской игры, ее актерской техники. Черты ее лица, ее внешние особенности — оленьи глаза и повадки мустанга, пластика танцовщицы и королевская осанка — делают красоту Пе-

нелопы немного диковатой и при этом изысканной, экзотичной и одновременно близкой нам и привычной».

Начиная с 2000 года Пенелопа регулярно снимается в США. Ее партнерами на экране стали известные голливудские звезды: Джонни Дэпп (фильм «Кокаин»), Николас Кейдж («Мандолина капитана Корелли»), Том Круз («Ванильное небо»).

«Кокаин» снят по реальной истории жизни человека, который наладил поставку крупных партий кокаина из Колумбии в Соединенные Штаты. Это – растянувшаяся на десятилетия история алчности, наркомании и саморазрушения. Крус играла колумбийку, жену героя Дэппа. Очаровательная молодая женщина, забывающая нормальный человеческий язык и губящая свою жизнь из-за страсти к кокаину. Тед Демме, режиссер картины, был в восторге от молодой испанки: «Никто до этого не видел ее такой – такой вот визжащей, волящей, сходящей с ума... По какой причине, спрашиваю я себя, она захотела сделать это?» «Это было великолепно, – словно отвечая на его вопрос, говорит Крус. – И это было безумием! Я хочу играть как можно больше таких ролей. В действительности я хочу сыграть скверную женщину. Мне это совсем не трудно. Я просто дам себе свободу».

Вслед за этим Крус снялась в главной роли в драме «Мандолина капитана Корелли», в котором ее партнером

стал Николас Кейдж – племянник знаменитого кинорежиссера Ф.Ф.Коппопы, взявший из гордости псевдоним и раскрутивший впоследствии свой собственный актерский бренд, короткий и звучный. Поставил картину режиссер Джон Мэдден, известный зрителям по романтической комедии «Влюбленный Шекспир». «Мандолина...» – экранизация романа, раскрывающая историю любви, которая зародилась во время Второй мировой войны на маленьком греческом острове, оккупированном итальянскими войсками. Крус играет дочь деревенского доктора, несмотря на свою ненависть к вражеским солдатам, влюбившуюся в одного из них – капитана Корелли. Капитана играет Кейдж, увлеченный той, что так умело разбивает сердца.

Исход этой истории почти доподлинно повторяется в жизни. Кейдж бросает жену, следует короткий роман, каждая фаза которого заботливо освещается в прессе. Чтобы сыграть вошедшую в фильм любовную сцену, актерам не пришлось долго входить в образ. «Она очень одаренная актриса, – говорит Кейдж о своей партнерше, – никогда не скажешь, что она "играет" или "работает над ролью". Мне кажется, она способна сыграть что угодно».

Когда Крус снималась в «Мандолине...», пошли разговоры, что до этого у нее был роман с Дэймоном. Потом заговорили о Кейдже... «Просто, если ты актер, – считает Пене-

лопа, - за тобой постоянно следят. И даже если ты ничего не говоришь, за тебя и о тебе сочинят такое! Пока я снималась с Мэттом, я была его возлюбленной. Как только начала работать с Николасом, я сделалась возлюбленной Кейджа. Да, у меня всегда складываются хорошие, дружеские отношения с партнерами на съемках, но причем здесь возлюбленные? Сейчас идут съемки «Ванильного неба» с Томом Крузом, и мне, наверное, надо ждать, что пресса сообщит, что я возлюбленная Круза».

Так-то оно так, только на премьеру «Мандолины...» разобиженный Кейдж, дабы уязвить бывшую пассию, пришел со своей новой подругой — Лайзой Марией Пресли. Каково же было удивление Николаса и пришедших на просмотр репортеров, когда Пенелопа тоже явилась не одна. Ее сопровождал Том Круз. Естественно, пресса не осталась безучастной.

Говорят, что когда Круз увидел фильм Алехандро Аменобара с Пенелопой Крус в главной роли, у него тоже широко открылись глаза. И было отчего. Кэмерон Кроу, режиссер фильма «Ванильное небо» (ремейк испанской картины «Открой свои глаза» - Круз тут же купил право на съемку своей версии) — говорил, что Пенелопа «высекает огонь из любого предмета. Не просто красота, а особое свойство ее красоты и умение поднять каждую роль до уров-

ня невероятной сложности вдохновляет режиссеров. Магия ее черт, великолепная фигура делают ее внешность дикой и утонченной одновременно». Видимо, эти качества актрисы вдохновляют не только режиссеров, а ее умение высекать огонь из любого предмета ярко проявилось в этом фильме. На сей раз «предметом» стал сам Том Круз.

Если быть точным, то «Ванильное небо» не есть зеркальная копия «Глаз». Это история любви с элементами мистики и даже триллера, где Пенелопа играет испанку, влюбленную в американца, который оказывается в тюрьме после автокатастрофы.

Теперь, когда роман перестал быть секретом, можно рассказать и о том, как он начинался. Режиссер Кэмерон Кроу: «Сначала я радовался, что Том с блеском играет влюбленного. Потом, наблюдая за отношениями этой парочки "за кадром", я стал догадываться, что играть-то как раз ему было и не нужно. Стоило Пе подойти к нему, Тома начинало трясти как в лихорадке. Это надо же до такой степени потерять голову из-за женщины! Вот что значит страсть...»

«Для меня это была любовь с первого взгляда, - вспоминает Пенелопа первую встречу с Томом. — Я верю, такое случается: видишь человека и вдруг понимаешь — это он!» Правда, осторожная Крус тут же заверила репортеров, что не она причина развода Тома с Кидман.

Однако, как бы то ни было, развод состоялся — это было как гром среди ясного неба для Голливуда, общих друзей и знакомых и, без преувеличения сказать, для всей Америки, где благоговейно относятся к святости брачного союза — тем более такого, который десять лет считался образцовым. В общем, у помешанных на семейных ценностях американцев большое горе: последний оплот семейной идиллии рухнул.

Сами супруги уходили от ответа на волнующий вопрос «в чем же дело?», но то, что это был не рекламный ход, иногда применяемый актерами, чтобы привлечь к себе внимание, было очевидно. Круз не шел ни на какие переговоры с женой, категорически не желал с ней встречаться, отказался от всех совместных проектов и даже уволил ее персонал со своей киностудии, а еще переименовал свой частный самолет из «Прекрасной Николь» в «Прекрасную Беллу» — вероятно, в честь приемной дочери Изабеллы.

Бракоразводный процесс пока еще не завершился, свадьба с Пенелопой лишь обозначена в перспективе, меж тем британский музей восковых фигур Мадам Тюссо принял решение заменить фигуру Николь Кидман на фигуру Пенелопы Крус в экспозиции, посвященной Тому Крузу. А все потому, что Том стал появляться публике неизменно с Пенелопой и все уже открыто судачат о перспективах их

романа. Именно поэтому музей посчитал невозможным оставлять Кидман рядом с Томом даже в восковом облике. Представитель музея так прокомментировал принятое решение: «После ее развода с Томом Николь больше не является интересующей нас особой. Возможно, это покажется резковатым — так сразу сбрасывать Николь со счетов. Но должны мы сконцентрироваться на Томе и новой леди в его жизни».

«Мы в ужасе от того, что наша дочь начала эту лихорадку развода в Голливуде. Пусть немедленно возвращается домой и выходит замуж за испанца», — говорит мама Пенелопы. «Пусть лучше выходит замуж за мадридского нищего — счастливее будет», — добавляет отец. Наверное, родителей можно понять. «Наша дочь даже не подумала о том, что мистер Круз уже дважды разведен. Ужасно думать, что ее может постигнуть судьба первых двух жен Тома». Что ж, предыдущие браки Круза завершились, как известно, разводом. А ведь такая была любовь...

Теперь Круз пытается исправить подпорченное реноме хорошего американского парня: все свободное время он проводит с Пенелопой Крус. На дне рождения Тома они протанцевали весь вечер, после чего отбыли на Фиджи. Как сказал пресс-секретарь актера, поездка должна продемонстрировать общественности серьезные намерения Круза в отношении Пенелопы.

Что ж, сказка продолжает-ся. Меняются лишь действующие лица. Это скорее всего и беспокоит родителей испанской кинозвезды.

Каждую новую работу Круза неизменно сопровождает шумная рекламная компания. Не стало исключением и «Ванильное небо». Однако в США картина не вызвала ажиотажа у зрителей: за первые три дня проката она принесла гораздо меньшую сумму, чем ожидалось. Более того, у героев ленты появилась перспектива стать лауреатами премии «Золотая малина», которая присуждается за худший фильм. В действительности сама премия не всегда означает полный провал фильма. В разные годы «Малину» присуждали таким успешным фильмам, как «Рэмбо: Первая кровь», «Непристойное предложение», «Гудзонский ястреб», «Дикий, дикий Уэст», в прошлом году худшей актрисой назвали Мадонну, «чести» быть выдвинутыми на соискание соответствующего титула удостоивались Кевин Кэстнер, Стивен Сигал и Сильвестр Сталлоне. Теперь худшей парой года могут стать Том и Пенелопа, во всяком случае «соискателями» в этой номинации названы только они.

Не случайно, когда после премьеры в Америке звездная пара повезла фильм в Австралию, были опасения, сомнения в успехе, тем более, что Круз попросту боялся, что австралийцы, которые в свое время сами же нарекли его

«любимым зятем Австралии», не простят ему того, что он развелся с их соотечественницей и любимицей Николь. Однако переживания оказались напрасными. И фильму и исполнителям главных ролей был оказан самый теплый прием: Круз не успевал раздавать автографы и принимать поздравления поклонниц.

Так что удачливый продюсер и вовсе востребованный актер не собирается отдавать кому-то пальму первенства. По опросу американских социологов Том Круз занимает верхнюю строчку в категории «пятьдесят самых завидных женихов Америки».

Сейчас Круз и Пенелопа живут вместе в Лос-Анджелесе. Правда, Том заявил, что брак пока не входит в его ближайшие планы. Но и без своего Одиссея Пенелопа сама по себе звезда первой величины. Недаром журнал «Пипл» назвал ее в числе пятидесяти самых красивых людей мира. «Теперь многое будет определяться тем, что произойдет с Пенелопой в следующие два года, - считает легенда испанского кино Педро Альмодовар. - Мы не видели еще и одного процента того, на что способен ее талант. Ее лучшие роли впереди. А предел ее возможностей в действительности известен только ей самой». Но мы-то знаем, что Пенелопа может высекать огонь из любого предмета. И из любой роли тоже.

Алексей БУДКИН

НЕПОЗНАННОЕ СРЕДИ НАС

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ «ВЕДЬМА»

В начале девятнадцатого века в великосветских кругах Петербурга блистала княгиня Зинаида Александровна Волконская. Наделенная острым умом темноглазая красавица, талантливая сочинительница и певица, она вызывала всеобщее восхищение. Даже царь Александр Первый не устоял перед ее чарами. Тем не менее великий Пушкин в приватной беседе с поэтом князем Вяземским назвал княгиню Волконскую ведьмой. И на то были основания.

Кстати, один любопытный момент. Те, кому я показывал ее портрет, не говоря, чей он, в один голос говорили, что чувствуют нечто тайное, трагическое, даже роковое во взгляде глубоких темных глаз молодой прелестной женщины со смелым разлетом бровей и нежным рисунком чувственного рта.

В 1824 году московский высший свет на все лады обсуждал приезд в первопрестольную столичной львицы княгини Волконской. Гадали, чем он вызван и что собирается делать в патриархальной матушке-Москве тридцатилетняя красавица, привыкшая блистать при императорском дворе. Поговаривали, что она приехала не по своей воле, а была выслана по повелению чуть ли не самой царицы и теперь будет вынуждена сидеть взаперти, не показывая носа на балах и приемах. Другие утверждали, будто на отъезде княгини из Петербурга настоял ее муж, егермейстер двора Никита Григорьевич Волконский, не желавший подвергаться риску быть убитым на дуэли одним из ее многочисленных поклонников.

Впрочем, это были лишь досужие домыслы. На самом деле о «возмутительнице спокойствия» знали не так уж много. Происходила она из старинного знатного рода князей Белосельских-Белозерских. Родилась в 1792 году в Италии, в Турине, где ее отец был российским

посланником. Рано стала выезжать в свет (в шестнадцать лет она стала фрейлиной королевы Луизы Прусской), где сразу же вызвала восхищение кавалеров и злобную зависть дам. В 1811 году Зинаида Александровна вышла замуж за князя Волконского и в том же году родила ему сына Александра. Вместе с мужем и младенцем-сыном она сопровождала императора Александра Первого в его заграничных походах, а впоследствии до самой его смерти переписывалась с ним. В 1817 году Волконские поселились в Петербурге. Княгиня показала себя хорошей актрисой в спектаклях, в которых участвовали фрейлины из свиты императрицы. Постоянно общалась со сливками петербургского общества, причем не только с придворными, но и людьми искусства, военными, даже учеными. И в свою очередь, была ими замечена. Помимо красоты и ума ее отличала утонченная вежливость, удерживавшая на расстоянии поклонников, никто из которых не осмеливался пытаться растопить эту холодную учтивость.

Несмотря на то, что многие мужчины оказывали ей знаки внимания, она никогда не давала мужу повода для ревности. Супруги жили дружно. В Москву же, по словам же самой Зинаиды Александровны, ее потянуло потому, что она устала от чопорности света, постоянно вращаться в котором тяжкое бремя, а вовсе не приятное развлечение.

Скорее всего, это было правдой, так как в Москве княгиня Волконская вовсе не собиралась вести жизни затворницы. В своей квартире на углу Тверской и Козицкого переулка она открыла литературно-художественный салон. Вскоре частыми гостями в нем стали такие видные люди, как Александр Алябьев, Евгений Баратынский, Петр Вяземский, Антон Дельвиг, Василий Жуковский, Михаил Загоскин, братья Кире-

евские, Иван Козлов, Адам Мицкевич, Михаил Погодин.

После возвращения из ссылки в Москву в доме Волконской начал бывать и Пушкин. Причем даже он, умудренный богатым жизненным опытом по женской части, не устоял перед чарами прекрасной Зинаиды. Свое восхищение этой незаурядной женщиной он выразил в посвященном ей стихотворении, написанном в 1827 году.

*Среди рассеянной Москвы,
При толках виста в бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр*

*вдохновенный,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Так мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.*

Тем не менее, узнав о странных и весьма печальных событиях, происходивших с теми, кто влюблялся в княгиню Волконскую, Пушкин назвал «царицу муз и красоты» ведьмой.

Вскоре после того, как композитор Алябьев стал бывать в ее салоне, в его жизни начались неприятности, закончившиеся тюрьмой и каторгой. Поэт Адам Мицкевич встретился у Волконской с молодой поэтессой Каролиной Януш. До этого никакого

Александр Алябьев

романа у него с Зинаидой Александровной не было: не питая надежды на ответное чувство, он лишь молча восхищался ею. Поэтому нет ничего удивительного, что пылкий поляк полюбил поэтессу, ответившую ему взаимностью. Но эта любовь не принесла им счастья. Родители Каролины отвергли поэта, настояв на браке дочери с писателем П.Ф.Павловым. Мицкевич уехал на родину с долго не заживавшей сердечной раной. А Каролина, прожив жизнь с нелюбимым мужем, умерла в возрасте восьмидесяти шести лет с именем Адама на холодеющих устах.

Но, скорее, даже не внушаемое княгиней Волконской мужчинам обожание без всяких усилий с ее стороны, а удивительная власть над ними толкнули Пушкина на то, чтобы назвать ее ведьмой.

Судите сами. Когда жена

декабриста Екатерина Трубецкая решила поехать к ссыльному мужу в Нерчинские рудники, то долго не могла осуществить свое намерение, поскольку не находила человека, который согласился бы сопровождать ее в столь рискованном путешествии. Узнав об этом, Волконская мимоходом попросила поэта Веневитинова поехать с Трубецкой, и тот беспрекословно выполнил ее пожелание. Итальянский художник, скульптор и гравер Микеланджело Барбиери, безнадежно влюбленный в Волконскую и примчавшийся в Москву по первому ее зову, учил ее сына языкам, расписывал стены театра княгини, лепил плафоны, создал интерьер для ее «литературных обедов», обставил знаменитую «Греческую комнату», воспетую Мицкевичем. Причем все материалы он самостоятельно на свои деньги привозил из Италии и Греции.

Другой итальянец, красавец граф Миньето Риччи, приглашенный Зинаидой Александровной для оформления ее сценических постановок, сразу же по уши влюбился в княгиню. Ради нее он бросил свою жену, известную певицу и композитора Екатерину Лунину. Волконская же ничем не выделяла его среди остальных поклонников. И все же, когда она уехала в Италию, Миньето Риччи безвольно последовал за ней и в конце концов умер от неразделенной любви прямо на вилле неприступной княгини.

стенъ. Дмитрий очнулся от забытья, взглянул на перстенъ и с надеждой спросил: «Я женюсь?» «Нет», — ответил Федор. Веневитинов заплакал, и через час его не стало.

Прошло всего полтора года, и княгиня Волконская неузнаваемо изменилась. Позднее близко знавшие ее люди говорили, что во сне ей было знамение и она вдруг почувствовала угрызения совести за причиненные страдания. Во всяком случае Зинаида Александровна закрыла свой салон, перешла в католичество, а вскоре навсегда покинула Россию. Своим новым местом жительства раскаявшаяся «ведьма» избрала Италию. Все свое состояние она передала сыну, оставив себе только средства на благотворительность. Умерла Волконская 5 февраля 1862 года от воспаления легких. Как сообщил один из русских, живших в то время в Италии, «в Риме разошлись слухи, что она простудилась, отдав нищему свой теплый плащ. О ней говорили, как о святой». Католическая церковь причислила княгиню Волконскую к лику блаженных («beata»).

Итак, была ли Зинаида Александровна Волконская на самом деле ведьмой? А если даже и нет, то как роковая прельстительница в одночасье стала «блаженной» — именно так ее называли римские бедняки?

Попробуем разобраться в этом с точки зрения совре-

менных научных знаний. Хотя о многом в истории княгини Волконской можно только догадываться, поскольку у нее не было близких людей, с которыми она бы делилась самым сокровенным, а дневников ни в Петербурге, ни в Москве, ни в Риме не вела.

Если не считать явно вымышленных, сказочных деталей (вроде использования метлы для полетов на шабаш), приписываемых ведьмам, то трезвый анализ показывает, что, по сути дела, те, кого относят к этой категории, являются вовсе не всемогущими колдуньями, продавшими за это душу дьяволу, а лишь гипнотизерами, экстрасенсами или суггестологами с присущими им ограниченными возможностями воздействия на других людей. Хотя в рекламных объявлениях кое-кто сейчас и претендует на традиционный титул.

Итак, начнем с таинственной власти Зинаиды Волконской над мужчинами, которые не могли устоять перед ее чарами. Но на свете есть немало красивых женщин, чья внешность, даже искусное кокетство и откровенное заигрывание тем не менее оставляют мужчин холодными. Секрет ее неотразимости кроется вовсе не в колдовстве и не в каких-то тайных приворотных приемах, а в гормональном механизме любовного чувства.

Академик Российской академии медицинских наук В.А.Таболин пишет: «Если расшифровать "формулу

любви", то на практике она означает, что в зависимости от выделения определенных химических веществ возникает непреодолимая тяга одного человека к другому конкретному человеку». Как установили ученые, такими «возбудителями любви» являются вырабатываемые мозгом гормоны - амфетамины и окситоцины, а сам он играет роль главной эндокринной железы в организме человека.

В свою очередь мозг начинает вырабатывать эти гормоны под воздействием внутренних - мыслей человека - и внешних факторов. К числу последних относятся зрительные образы, звуки, запахи, тактильные ощущения и, как недавно выяснилось, электромагнитные излучения определенной частоты. Причем если внешность человека, мысли о нем и т.д. «запускают» гормональный механизм далеко не всегда, а только в каких-то определенных, трудно предсказуемых случаях, то частотный сигнал срабатывает почти безотказно.

С другой стороны, сейчас достоверно подтверждено, что существуют «лучи зрения», а глаз играет роль одновременно их приемника и передатчика. Результат же воздействия подобных лучей, кстати, тоже электромагнитных по своей природе, зависит от их частотных характеристик. Интуитивно это прекрасно описано в словах песни: «Посмотрела - как будто

рублем подарила, посмотрела - как будто огнем обожгла». В жизни мы часто сталкиваемся с примерами влияния излучения глаз на поведение других людей. Учительница молча обводит взглядом класс - и расшумевшиеся ученики затихают. Во время ссоры один из супругов укоризненно смотрит на другого - и тот сразу сбавляет тон. Очевидно, в «лучах зрения» могут присутствовать и такие частоты, которые «включают» соответствующие участки мозга, вырабатывающие «гормоны любви». И тогда человек влюбляется в того, из чьих глаз исходит такая электромагнитная команда-импульс.

Подобный сложный механизм не имеет ничего общего с кокетством, когда женщина «строит глазки» понравившемуся мужчине. Даже если ей удастся заинтересовать его, это происходит за счет зрительного образа, который, как уже говорилось, не всегда вызывает желаемую реакцию. Что же касается таинственной власти Волконской над мужчинами, по уши влюблявшихся в очаровательную «ведьму», то, скорее всего, на них неотразимо действовали частотные характеристики «лучей зрения», исходивших из ее глаз.

Знала ли она сама магическую силу своего взгляда? Возможно, да, а возможно, и нет. В любом случае в ее отношении к мужчинам проявлялось то, что психологи называют «комплексом Лилит».

Согласно древнеиудаистским текстам, Лилит была первой женщиной на Земле, созданной Саваофом еще до Адама или же возникшей по его недосмотру. Гордая, своенравная, умная и свободлюбивая, она ни в грош не ставила старика-Бога и была изгнана им из рая, хотя не вкусила запретного плода. Еще до Евы Лилит якобы соблазнила Адама, не подозревавшего, что в вождьденном месте у нее растут острые, загнутые назад зубы. После их интимной близости Адам долго не решался прикоснуться к Еве. По вычислениям богословов, лишь через сто пятьдесят лет он отважился приступить с ней к «детопроизводству».

Что же касается Лилит, то она справедливо считала, будто именно мужчины обрекают женщин на родовые муки, и мстила всем представителям сильного пола, попадавшим в ее поле зрения: внушала им страстную любовь, но лишала их физического удовлетворения этой безумной страсти.

Психологи считают, что «комплекс Лилит» может развиться у интеллектуально одаренных женщин как форма протеста против дискриминации их мужчинами, часто духовно менее развитыми, но претендующими на роль повелителей. Такие женщины пользуются изощренным оружием обольщения, поворачивая поклонников к своим ногам и не позволяя им ничего лишнего. Признаком развития

«комплекса Лилит» у представительницы прекрасного пола (зачастую не осознаваемого) нередко служит полный или частичный отказ от выполнения своего предназначения — деторождения.

В случае с Зинаидой Волконской все началось с того, что при родах умерла ее мать. Со временем вину за это она возложила на своего отца. Позднее, оскорбленная саркастическим отношением мужа к ее занятиям археологией и древнерусской историей, а также намерению создать научное археологическое общество и самой участвовать в раскопках, она переехала в Москву. Но здесь быт оказался еще патриархальнее со всеми вытекающими последствиями. Вероятно, недовольство бесправным положением умной женщины в тогдашнем обществе подсознательно проявилось у Волконской в стремлении к любовному порабощению знакомых мужчин. На их беду, частотные характеристики излучения ее глаз безотказно «запускали» гормональный механизм, вырабатывавший амфетамины и окситицины, которые повергали их к ногам очаровательной «ведьмы».

Вероятно, лишь после смерти Веневитинова княгиня Волконская осознала, каким источником страданий была, и поэтому посвятила остаток жизни искуплению своего греха.

Сергей ДЕМКИН

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

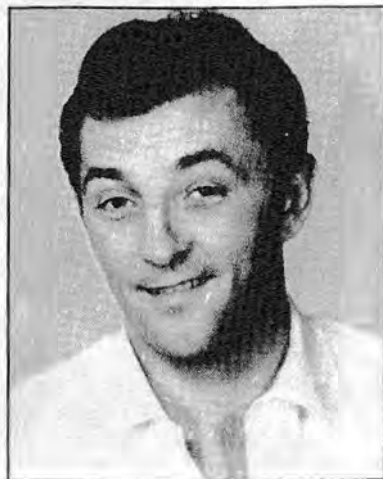
Справедливо говорят: глаза — зеркало души. Это относится ко всем, но к актерам в первую очередь. Взгляд может быть честным и открытым, лживым и двусмысленным, чувственным, пошлым, восторженным, мрачным, ироничным и грустным, жестким и мягким, коварным и простодушным — короче, всяким, но именно от того, каков он, этот самый взгляд, зависит порой амплуа артиста, спрос на него, его успех и популярность. Причем кумиром публики (а для актеров-мужчин их публика это все-таки преимущественно женщины) стать может актер, в котором отсутствует положительная доминанта. Соблазнитель и сердцееды, сладострастники и

ветреники, авантюристы и бездельники, циники и даже проходимцы нередко в глазах женщин приобретали героический ореол только потому, что во взгляде артиста был некий магнетизм, либо детская непосредственность, либо гипнотическая чувственность, либо — черт его знает, что еще!

Одним из первых героев-любовников экрана стал Рудольф Валентино (1895-1926). Эмигрант из Италии, профессиональный танцор, обладавший тонкими чертами лица и взглядом с поволокой (благодаря, между прочим, близорукости и гелиофобии), он сразу же стал главным кумиром дам. Его называли «Божественный Рудольф»,

Рудольф Валентино

Роберт Митчум

Марлон Брандо: эротичный и жестокий

а когда в возрасте 31 года он скоропостижно скончался от перитонита, одна американская газета написала: «Сегодня вторично умер Дон Жуан». Это в самом деле было так: в Америке и в Европе десятки женщин положили на себя руки от горя, а его могила стала местом паломничества на добрые тридцать лет. Валентино хранил письма своих поклонниц, которые после его смерти были опубликованы и лишь укрепили миф Валентино — нежного, красивого, благородного, страстного любовника. Лениво-ироничный, чуть заспанный взгляд Роберта Митчума сделал его одним из самых «плохих парней» американского экрана, хотя в жизни он был отличный семьянин, женат был один раз и имел трех детей. Он играл упрямых авантюристов, жестких и необузданных парней, не знавших страха и презиравших опасности. С начала сороковых до середины девяностых Митчум переиграл несколько десятков однотипных ролей. Особенно он был страшен в фильме «Мыс страха» (в начале девяностых в одноименном ремейке эту роль сыграл Роберт Де Ниро), зрители даже выступили с протестом против превращения американского кино в поле деятельности для подобных типов. Но когда Митчум попытался сыграть положительного героя, те же зрители отказались принять его новое амплуа, заявив, что в его взгляде столько цинизма, что он просто не имеет права на такие роли.

Пол Ньюмен и Марлон Брандо непродолжительное время, после смерти Джеймса Дина, кумира американской молодежи

Пол Ньюмен

пятидесятых, поборолось за право занять его место, но затем каждый пошел своей дорогой, причем благодаря «глазам», «взгляду», который сделал их непохожими друг на друга. Чистый взгляд голубоглазого Ньюмена сделал его безукоризненным исполнителем ролей так называемых «золотых мальчиков», избранных Богом. Брандо же, культивировавший во взгляде плотскую, почти животную чувственность, впрочем, не лишённым иронии, стал секс-символом пятидесятых-шестидесятых. И даже в «Крестном отце», и уж, конечно же, в «Последнем танго в Париже», несмотря на то, что роли были возрастные, его ранний экраный имидж сыграл немаловажную роль.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что глаза артиста не всегда оказываются

зеркалом его души - скорее душ его героев. Впрочем, то, насколько срастается актер со своим образом, тема другого разговора. Сейчас другие актеры, другие звезды, но многие из них оказываются заложниками собственного «взгляда», который все также определяет их кинематографическую судьбу.

Рассел Кроу за фильм «Восхитительный ум» уже удостоился премии «Золотой глобус»-2001, которую вручают американские киножурналисты, аккредитованные в Голливуде. Несмотря на успех «Гладиатора», где Кроу, как вы помните,

сыграл главную роль, создается ощущение, что актер будто вернулся к себе, к лучшим своим ролям, в которых он всегда был немного «вещью в себе». И если «Золотой глобус» в самом деле «репетиция "Оскара"», как обычно его называют, то Рассела Кроу ждет второй после «Гладиатора» «Оскар». Но если первый был получен за коммерческий масштаб роли, то второй будет вручен за глубину проникновения в личность персонажа. Что, с моей точки зрения, для артиста важнее. Эта реальная история в интерпретации режиссера Рона Говарда и актера Рассела Кроу превратилась в удиви-

Рассел Кроу в фильме «Восхитительный ум»

тельное, почти исповедальное произведение, когда зритель словно изнутри следит за тем, как человек, наделенный восхитительным умом, то совершает открытия, то впадает в аутизм, то становится опасен для окружающих. Несомненно, идея снять фильм о величайшем математическом гении Джоне Форбесе Нэше-младшем родилась благодаря биографической книге Сильвии Назар, увидевшей свет в 1998 году. Правда, Рон Говард («Полицейский из детского сада», «Выкуп», «Аполлон 13») уверяет, что книга послужила лишь чем-то вроде «наводки», а фильм получился весьма далеким от реаль-

ной биографии героя, в которой было все: и юношеское увлечение взломом математических шифров и кодов, и Нобелевская премия по математике за создание теории игр, и сотрудничество с американским правительством, которое всеми доступными средствами пыталось помешать России в создании портативной атомной бомбы. И даже клинический диагноз: шизофрения, необратимое повреждение рассудка (что в обычных случаях на языке психиатрии звучало бы как умственная отсталость) и последовавшее затем чудесное излечение. Фильм необычайно интересен для тех, кому в принципе интересна масштабная челове-

Лео Ди Каприо и Кэмерон Диаз в фильме «Банды Нью-Йорка»

ческая личность, уникальный талант, который определяет уникальность судьбы.

Поскольку мы начали с серьезных драматических фильмов, то самое время рассказать о новом фильме Мартина Скорсезе «Банды Нью-Йорка», в котором сыграла другая звезда американского кино Леонардо Ди Каприо. Мартин Скорсезе, итальянец по происхождению, нью-йоркец по духу, режиссер по призванию, немало превосходных фильмов посвятил проблеме адаптации эмигрантов в городе его мечты. «Злые улицы», «Таксист», «Бешеный бык», «Хорошие парни» - и повсюду «крутые ребята» один на один с роскошным городом, который, как и Москва, слезам не верит, а верит кулакам и стволам. Героев Скорсезе в этих фильмах всегда играл Роберт Де Ниро, но годы берут свое и ветерану пришлось подвинуться, уступив место новой легенде - Леонардо Ди Каприо. После Скорсезе Ди Каприо вторая причина, по которой фильм любопытно будет посмотреть, ибо в последние пару лет имя Лео чаще мелькало в таблоидах, нежели в титрах фильмов и критических статьях. Играет Лео молодого человека, голландца, который отправляется в Нью-Йорк, чтобы достать человека, убившего его отца (Лайам Нисон). В Нью-Йорке он знакомится с девушкой (Кэмерон Диаз), в которую влюбляется, но которая оказывается просто наживкой. «Тяжело осуществлять месть, когда страна, в которой ты находишься, все время меняется, а вместе с ней меняешься ты сам. Такой была Америка нака-

нуне Гражданской войны в сороковые годы XIX века, такими были люди, пытавшиеся в ней выжить всеми правдами и неправдами. Таким был и мой герой, на наших глазах из наивного мальчика превращающийся в крутого парня», - так комментирует Скорсезе свой новый фильм, которому опять пророчат «Оскара». Любопытно, что многие актеры, сыгравшие у Скорсезе, номинировались на «Оскара» и получали его, сам же режиссер и его фильмы всегда оставались лишь в разряде номинантов. Может быть, 2002 год изменит ситуацию?!

Картина «В спальне» тянет на тяжелую трагедию. При этом она слишком хороша, чтобы цинично воскликнуть: «Ну кому сегодня хочется смотреть на чужие драмы?!» Небольшой городок с классовыми различиями, пред-
рассудками, жизнью на виду. В

«В спальне»

семье людей, которых вполне можно было бы назвать столпами общества: он - врач, она - учительница музыки, погибает сын, старшеклассник. Обстоятельства смерти более чем драматичны. Юноша влюбился в женщину старше себя, при этом учительницу из собственного колледжа. Муж учительницы, простой рыбак, узнав от «добрых соседей» о связи жены с мальчишкой, не долго думая, убивает парня. Убивает и остается свободным. Все эти события предшествуют собственно сюжету, хотя по ходу фильма не раз будут возникать в воспоминаниях осиротевших родителей. Как жить? Как понять безудержную страсть сына? Как примириться с тем, что убийца на свободе? Наконец, кто виноват? Но по мере того, как родители ищут и не находят ответов на терзающие их вопросы, зритель начинает ощущать гнетущую атмосферу семьи, из которой парню просто хотелось вырваться, совершив что-то неправильное, безрассудное, чтобы доказать себе, что он живой, что он способен на страсть. Обычно мы это называем молодежным протестом, закончившимся на этот раз, увы, печально. Муж и жена все время обвиняют друг друга: жена винит мужа в том, что он во всем потакал сыну; муж не может простить жену за то, что она слишком его контролировала, не давала свободы. Постепенно становится ясно, что семьи больше нет и что в спальне два чужих, ненавидящих друг друга человека. Этот актерский фильм действительно хорош, и наверное, его стоило бы посмотреть. Но если вы и в

«Англичанка и герцог»

самом деле не хотите грузить свою психику чужими драмами, то можете ограничиться моим пересказом.

Продолжает обзор драматических произведений исторический фильм «Англичанка и герцог», снятый во Франции восьмидесятидвухлетним французом Эриком Ромером, который принадлежит, как нетрудно догадаться, к старой европейской киношколе. Его кинематограф наследует традиции французской живописи, а сюжеты, современные или исторические, всегда лишь фрагмент времени, движение которого неостановимо. За сорок лет карьеры Ромер снял двадцать два фильма, получил немало призов, несмотря на то, что его сарказм не всем

был по душе. Вот и новый фильм сразу же вызвал конфликт с дирекцией Каннского кинофестиваля, которая отказалась принять в конкурс работу собственного классика, обвинив его в том, что он-де реакционен и плохо показывает Французскую революцию. На что Ромер ответил: «Этот фильм не против революции. Этот фильм против фанатизма и предрассудков. И против тоталитаризма террора», - и с такой позицией трудно не согласиться. На самом же деле все политические аспекты в картине спрятаны за романтическими отношениями благородной англичанки (Люси Расселл) и герцога Орлеанского, который поддержал революционеров и выступил за казнь короля Людовика XVI, который доводился ему братом. Ромер любит сторонний взгляд, поэтому и выбрал англичанку, исповедующую монархические идеи, но влюбленную во француза. Она видит революцию извне, как кровавый шабаш черни, как жесточайший террор, и изнутри, как трагедию заблуждения аристократа, которому померещилась свобода для народа. Фильм очень красив, смотришь его с невольным сожалением о том, что культура кинематографа, как искусства пластического, живописного, во многом утрачена. Увы, в век информации нет времени на созерцание и любование.

Фильм «Мажестик» нечто срединное между драмой и комедией. Исполнитель главной роли Джим Керри, которого еще недавно называли «человеком с пластилиновым лицом», похоже, распрощался с комедиями для тупых и про тупых. Последние

годы артист все чаще снимается в фильмах, жанр которых определить можно только двумя словами «комедийная драма» или «драматическая комедия». С точки зрения серьезных «ведческих» наук - чушь несусветная, но с житейской точки зрения абсолютно нормальная вещь, которую обычно мы формулируем так: «хоть смейся, хоть плачь». Новый фильм тоже из этого ряда. 1950 год, Джим играет сценариста, который попал в «черный список» коммунистов или сочувствующих коммунистам. Следовательно, остался без работы. В это же время он попадает в автокатастрофу, в результате которой теряет память. Джим уезжает из Голливуда и поселяется в небольшом городке в Калифорнии, где местные жители принимают его за одного из своих жителей, о котором было известно, что он погиб во Второй мировой войне. Джим Керри и в самом деле очень пластичный актер, только теперь это относится не только к его лицу, но и к его удивительной способности играть разных людей, разные состояния, разные настроения, порой мгновенно сменяющие друг друга. Внешние метаморфозы принесли Керри огромное число почитателей, в основном юных; благодаря же внутренним превращениям его аудитория повзрослела и поумнела. Ай да Джим, ай да молодец!

А вот «Кейт и Леопольд» настоящая романтическая комедия, вернувшая нам очаровательную Мэг Райан, для которой легкий, почти невесомый жанр всегда был самым любимым и приносившим успех («Как Гарри

Хью Джекман

встретил Салли», «Французский поцелуй»). На этот раз она играет преуспевающую представительницу рекламного бизнеса, которую тяготят лишь отношения с коллегой по имени Стюарт (Льев Шрайбер). Кейт, героиня Мэг, не знает, что Стюарт нашел ход во времени, через который он проникает в прошлое, где подсматривает за своими предками. И вот однажды из прогулки

в 1876 год Стюарт возвращается не один, а в компании с герцогом Леопольдом (Хью Джекман). Леопольд очень быстро адаптируется к новой для него реальности, женщины не могут устоять перед его галантностью и обходительностью, мужчины берут у него уроки хороших манер. Но когда Леопольд знакомится с Кейт, сердце его наполняется любовью. Да и Кейт не остается равнодушной. Итак, новый вариант амурной истории, аналогов которой, пожалуй, и не припомню. Были романы с инопланетянками, с гостями из будущего, с ангелами (кстати сказать, та же Мэг Райан в «Городе ангелов» была влюблена в печального ангела с лицом Николаса Кейджа), с привидениями (помните Деми Мур и Патрика Суэйзи из одноименного фильма), но чтобы герой романа являлся из прошлого, грубо говоря, с того света, такого не припомню (если не считать графа Дракулу, но это из другого жанра). Сюжетная оригинальность заставит трепетать сердца любителей романтических историй, ведь по сути дела до конца фильма открытым остается вопрос «быть или не быть?!» возлюбленным вместе. Вопрос трудный даже для легкого жанра. Но надо сказать, авторы справились с проблемой «связи времен» вполне неплохо, вполне по-шекспировски. Как? Смотрите фильм, узнаете.

А вот фильм «Госфордский парк» примечателен режиссером Робертом Олтменом. Олтмен – это Олтмен, так же, как Вуди Аллен – это Вуди Аллен. Немногие американские кинорежиссеры могут похвастаться

«Госфордский парк». Кадр из фильма

верностью себе любимому, себе достойному. Олтмена не спутать ни с кем: его ирония саркастична, юмор макабричен. Ничто не изменилось и на этот раз. 1930 год. Убийство во время уикенда в старом английском поместье. Сэр Уильям Маккордл (Майкл Гэмбон), его супруга (Кристин Скотт Томас) и тетушка (Мэгги Смит) принимают гостей, которые прибыли в сопровождении собственной прислуги. Но Олтмен не Агата Кристи, ему меньше всего интересен процесс разоблачения убийцы, ему интересно наблюдать за характерами, отношениями, в том числе за хитросплетениями опасных сексуальных связей. Сам Олтмен предостерегает: «Это не детектив. Но зрителю надо быть внимательным». Короче - головоломка, полная ложных ходов, абсурдных предположений и нелепых умозаключений. Все мы

люди, бедные и богатые, хозяева и слуги, все мы что-то видим, что-то знаем, что-то домысливаем, немного присочиняем и обо всем рассуждаем с уверенностью в собственной правоте. А тут еще социальное неравенство, которое едва ли способствует объективности. Короче, кино для умного, тонкого зрителя, который не прочь посмеяться над другими и над собой, поломать голову над парадоксами человеческого бытия, в смысле быта. Кстати, фильму прочат «Оскар».

«Семейство Рояла Тененбаума» - еще одна комедия, в которой «кастинг», как можно стало сейчас говорить, просто фантастический. Проще говоря, актеры все как на подбор: феноменальные, именитые, оscarоносные. Именно такие и нужны были молодому режиссеру («Тененбаумы» - второй фильм Андерсена), который задумал иро-

ничный и трогательный рассказ о семье, где все, как один выдающиеся, хотя и не все в момент повествования крепко сидят в седле. А вернее даже будет сказать, все они, как один, выбиты из седла. Итак - бывший чемпион по теннису (Люк Уилсон); писательница (Пэлтроу), вышедшая замуж за невропатолога (Билл Мюррей); антрепренер, вдовец и параноик (Бен Стиллер) - все они возвращаются в родовое гнездо в тот самый момент, когда их шалопай папочка (Джин Хэкмен), почувствовав приближение костлявой, решает начать праведную жизнь. Джин Хэкмен уверен, что его герой Роял Тененбаум просто хочет пустить пыль в глаза и напоследок произвести хорошее впечатление на жену (Анжелика Хьюстон) и детей. А дети, между

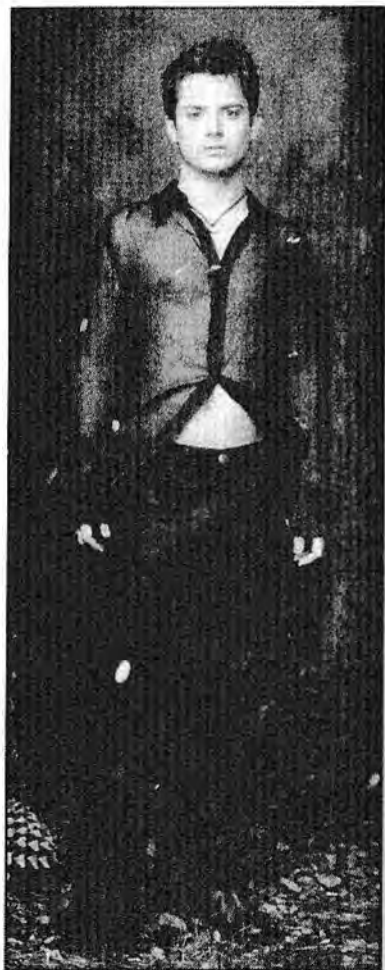
тем, отчасти благодаря папаше, находятся в глубочайшей депрессии. Поселившись в своих бывших детских спальнях, сохранивших прежний облик, они пытаются понять, о чем им здесь мечталось и что пошло не так. Детская как проекция ребенка и его внутреннего мира - забавный ход. В фильме вообще много забавных наблюдений, хороших диалогов и милого юмора, который многим из нас окажется знаком и понятен. В конечном счете все мы в детстве отвечаем на вопрос «кем быть» и все мы в зрелости задумываемся о том, почему жизнь сложилась так, а не иначе. Про Андерсона говорят, что он «темная лошадка», на которую в год лошади можно делать ставку.

А теперь искренне хочется

«Семейство Рояла Тененбаума» Кадр из фильма

воскликнуть: наконец-то, свершилось! На экраны Америки вышла картина «Повелитель колец: Братство кольца», настоящее визуальное пиршество компьютерных возможностей в кинематографе. Будучи первой частью трилогии Д.Р.Р.Толкиена «Повелитель колец», с которой, собственно говоря, и начался жанр, получивший в литературе и в кино название фэнтези, картина, как в свое время книга, словно говорит о том, что в кино не предела воображению. Все, что было написано или снято в жанре фэнтези, включая «Звездные войны» и «Гарри Поттера», — счастливые и благодарные потомки книги, изданной в 1937 году и, несмотря на первенство, оставшейся одной из самых лучших и самых любимых для многих миллионов читателей во всем мире. Пятнадцать месяцев длились в Австралии съемки этой 300-миллионной (в долларовом исчислении) трилогии. Премьера первой части «Братство кольца» уже состоялась. До конца нынешнего года выйдут вторая и третья части: «Две башни» и «Возвращение короля». Я даже не знаю, кому завидовать больше: тем, кто в детстве прочитал приключенческие романы о похождениях команды из девяти героев: эльфа, карлика, волшебника, двух людей и четырех кроликов (хоббитов), похожих на маленьких человечков, и мысленно снял свое воображаемое кино о том, как происходила борьба между темными и добрыми силами. Или тем, кто в силу разных причин книжек этих не видал и о райском месте в самом Центре земли ничего не

Элиа Вуд

слыхал. Но как бы то ни было, фильм, полагаю, посмотреть захотят все, и несведущие и пользователи Интернета, регулярно навещающие самый популярный сайт фэнтези. Но главным образом надо, чтобы его увидели дети. В фильме снима-

лись молодые актеры, начиная с Элиа Вуда, сыгравшего Фродо Бэггинса, и умудренные - Ян Маккеллен в роли волшебника Гэндольфа, Кейт Бланшетт в роли королевы эльфов, и Лив Тайлер в роли эльфа. Если кого-то насторожило то, что весьма корпулентная Лив Тайлер сыграла хрупкого и миниатюрного эльфа, - не пугайтесь: благодаря компьютеру все актеры были уменьшены до требуемых размеров.

Ну и под занавес единственный триллер - «Убей меня нежно». Почему-то так повелось, что американский киногод начинается триллерами, на лето приходится наибольшее число комедий и блокбастеров, а накануне Нового года, под «Оскара»,

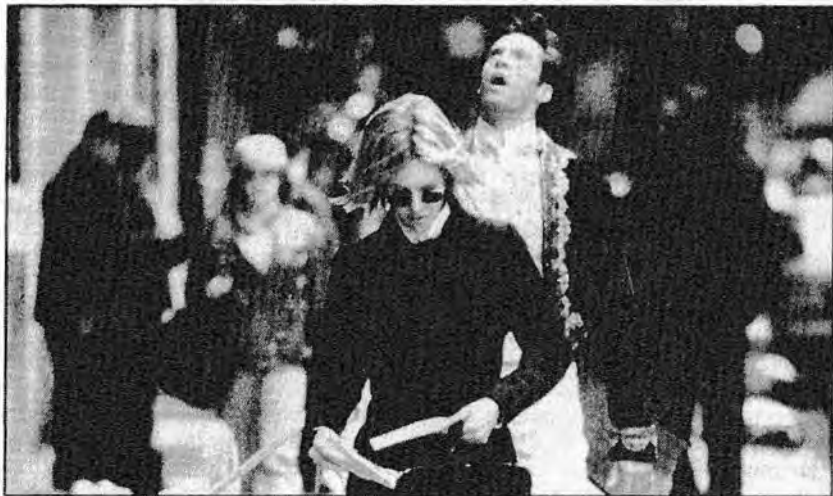
выходят в основном серьезные драматические произведения.

Итак, триллер, фильм о роковой любви, о страсти и о страхе. Основной инстинкт на новом вит-

ке. То ли он ее убьет, то ли она его. А может быть, это всего лишь наследие первородного греха, развязавшего вечную борьбу полов?..

В фильме же это выглядит следующим образом: преуспевающей банкир, американка Элис приезжает в Лондон, где на улице с первого взгляда влюбляется в альпиниста по имени Адам. Начинается любовная страсть из тех, что называют наваждением. Вскоре Элис узнает, что все предыдущие подружки Адама либо бесследно исчезали, либо умирали. Элис начинает казаться, что очередь за ней, а тут еще друзья и экз-бойфренд подзуживают. В фильме много эротики, страстного секса, в результате чего любовники не успевают познакомиться друг друга. Впрочем, если бы они вели себя чинно, то и кина бы не было.

Елена НИКОЛАЕВА

«Кейт и Леопольд». Кадр из фильма

НОВОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА, ИЛИ ВО ЧТО БЫ НАМ СЫГРАТЬ?

АТЛАНТИДА-3

Требования к оборудованию:

Операционная система Windows 98/2000/ME

Процессор Pentium II или Celeron 333 МГц

Оперативная память 32 Мб

8-скоростной CD-ROM

Звуковая карта

400 Мб на жестком диске

DirectX 7.0 (входит в комплект игры)

Когда мы говорим об играх компании «Сгуо», мы всегда знаем, что это игра красивая. И не просто красивая, а очень красивая. «Сгуо» всегда выпускает на свет только очень красивые игры. Первые две части «Атлантиды» были именно такими квестами. И от третьей части мы ждали чего-то подобного. И не ошиблись: «Атлантида-3» по красоте и графике не уступает своим предшественницам. А кроме того, что игры от компании «Сгуо» всегда отличаются высококачественной графикой, у них и еще одно качество: они еще и сложны. Их головоломки всегда трудно проходимы, а сюжет всегда лихо закручен. Поэтому, как только «Атлантида-3» появилась

на свет, в Интернете зазвучали крики о помощи: «Помогите пройти ту или иную ловушку, спасите — застрял сразу же на первом уровне».

Вы можете, конечно, сразу обратиться к помощи своих товарищей по несчастью — так же погруженных в поиски исчезнувшего материка. Но для начала попробуйте попутешествовать самостоятельно, тем более что в спутники вам дается хорошенькая девушка. Это очень эмансипированная и вполне самостоятельная барышня, прообразом которой, по словам разработчиков игры, послужила Чара Мastroяни, дочь Марчелло Мastroяни и Катрин Денёв.

По профессии она археолог и целиком погружена в исследование таинственных пространств Алжира в поисках древнего города, якобы построенного египтянами. Она совершенно одна

мчится на своем джипе по пустыне Ахагар к загадочному египетскому объекту, до которого еще не успели добраться ее коллеги-археологи, до тех пор, пока не попадает в аварию. Придя в себя, она пытается укрыться в пещере и с этого момента с головой погружается в необыкновенные приключения, еще не подозревая, что ввязалась в увлекательные и опасные поиски цивилизации, легенда о которой пережила века, — поиски пропавшей Атлантиды...

Действие «Атлантиды-3», как и предыдущих частей, разворачивается во вселенной, созданной дизайнерами «Сгуо». Это необыкновенной красоты девственная природа с вплетенными футуристическими деталями,

выглядающими зачастую сюрреалистично, в духе Сальвадора Дали.

Действие же игры в отличие от предыдущих разворачивается не на фантастических планетах, а на Земле, но в очень странной обстановке и в разные периоды времени. И в каждой части «Атлантиды-3» присутствует некий портал, переносящий вас во времени и пространстве.

Начать хотя бы с того, что вход в пещеру, где по воле судьбы пытается укрыться от непогоды наша героиня (а вы играете от ее имени), представляет собой именно такой портал, открывающий путь в параллельные миры. И он закрыт мощным силовым полем, преодолеть которое вам поможет обычный дет-

ский волчок, но вот как собрать его из подручных средств — это загадка, причем не простая, а в духе «Сгуо». Но зато когда вы справитесь с этой задачей, вам откроется путь к новым приключениям, дорога в неизвестность. Правда, неизвестность быстро закончится: вы попадете в Древний Египет, где вам предстоит разгадать тайну Ахаггар. А проводником и вашим верным помощником в этом мире у вас будет — нет, не надо удивляться — самая настоящая мумия. Причем не простая, а фараона одного из самых знатных родов древнего Египта.

Но сначала, чтобы мумия подчинилась вам, необходимо разгадать тайну так называемого Кристалла Миров. Это четыре кристалла, соединенные в одну

пластину. С его помощью можно попасть в несколько разных миров, отстоящих друг от друга во времени и пространстве: Ахаггар (средний треугольник), Палеолит (треугольник с изображением куска кремня), Багдад (треугольник с изображением вершины минарета) и мир Книги Мертвых.

Если вы справитесь с этим — считайте, полдела уже сделано. Следуя указанием кристалла, шаг за шагом вы пройдете и Ахаггар и мир Книги Мертвых, найдете Перо Правосудия. А дальше вам предстоит подружиться с Белым Волком и добраться до «Летающей Медузы». Но самое главное еще впереди, вам еще нужно не оплошать в Багдаде, где придется играть роль юного и обаятельного багдадского вора — героя сказки

«Тысячи и одной ночи», рассказанной Шахерезадой. Если вам никогда не приходилось промышлять мелким воровством, то у вас могут возникнуть трудности. Однако, ознакомившись с джинами, вы легко проникните в чужой дом или сад, раздобудете ковер-самолет и не потеряетесь в таинственном месте среди звезд. От внезапных перемещений во времени и пространстве дух у вас будет захватывать — и есть от чего. Ведь из благоухающих садов «Тысячи и одной ночи» вы попадаете в пустыню, с ледяных равнин времен палеолита — в загадочный мир египетской Книги Мертвых. В общем, ходим-бродим по мирам, переходя от места к месту, находим и используем многочисленные предметы, решаем логические задачи и разговариваем со всеми, кто попадется.

И все это выглядит графически безупречно, «переходов» между экранами как таковых нет — движение происходит плавно, а сорок пять суперреалистичных анимированных персонажей просто восхитительны. Да еще главный негодяй как две капли воды похож на Джона Малковича. Вместе с ними вы пройдете через десятки опасных испытаний, чтобы передать человечеству самое ценное наследие Атлантиды. Музыкальные темы подобраны тоже со вкусом — и арабские и египетские песнопения, первобытные барабаны. Буйство красок, современная графика, звук, ласкающий слух, сюжет со всеми составляющими — что еще надо, чтобы игра стала хитом?

Всего вам доброго в пути к тайнам Атлантиды!

Наталья ЯКОВЛЕВА

ИЩУ ДРУГА

Когда вы, дорогие друзья, будете читать этот номер, радостный день женского праздника окажется в далеком прошлом и, скорее всего, будет восприниматься как некое недоразумение – ну, в самом деле, чего там праздновать? Но традиции, как говорится, сродни совести. А журнальная традиция такова: в третьих номерах годовой подшивки обязательно найдутся материалы к 8 Марта. Журнал «МЫ» много лет придерживается этого правила, помня, что представительницы прекрасного и слабого пола – большая часть наших читателей. И, несомненно, более активная часть. Вот сейчас перед нами лежат разобранные на стопки письма в рубрику «ИД». И даже на глаз видно: писем от девушек раза в четыре больше, чем писем от юношей. И нам кажется, что будет справедливо, если вы, дорогие юные мужчины, проявите галантность и уступите место на журнальных страницах этого номера девушкам. Как в автобусе.

Ну что – поехали?

Начнем, пожалуй, вот с этого лаконичного письма. Лаконично оно потому, что подробнее о себе 16-летняя Ольга обещает написать тем веселым и интересным парням, которые ей напишут. Оля по знаку Зодиака Рыба, по году Тигр. Девушка считает, что обладает чувством юмора, любит хорошую музыку. «А больше всего люблю звуки гитары в звездные ночи... Не курю и не пью. Кому захочется фото – вышлю. Обещаю не разочаровать!»

Ольга, ул. Фурманова, д. 47, г. Славянск-на-Кубани Краснодарского края, 353565.

Ребята, чьим главным украшением ныне служит суровая солдатская шинель! От вас хотела бы получить письма 16-летняя Ира. Ей очень хочется пойти служить в доблестную Российскую армию, но она полагает, что этому желанию сбыться не суждено – армия все же мужское заведение. Ира написала про себя, что умеет вкусно готовить, увлекается волейболом,

баскетболом, футболом, любит ходить на дискотеки, в походы и в гости, пишет стихи о любви и наслаждается пением Баскова, Децла, «Рук вверх!» и «Иванушек».

Севостьянова Ира, ул. Набережная, д. 3, кв. 1, п. Тополиный Томпонского р-на Республики Саха (Якутия), 678723.

«Пишите все, кому 16-17 лет, кто по знаку Зодиака Весы, кто любит рок и металл, а также классическую музыку. Мои любимые группы – «ДДТ», «Нау», «Агата Кристи». Пишите, кому сейчас грустно и одиноко. Мне 16 лет».

Эло Наталья, ул. Дальняя, д. 6, п. Тайвола Суоярвского р-на, Республика Карелия, 186881.

«Мне 14 лет, я живу в Барнауле. Мне очень дорог мой город. Я люблю по вечерам гулять в парке, где осенью много разноцветной листвы, а весной распускаются клейкие почки и так хочется петь – и просто быть счастливой. Мне очень нравится

читать – мои любимые авторы М.Булгаков – «Мастер и Маргарита», Гете – «Фауст», «Эгмонт» и другие. Люблю музыку, особенно классику. По натуре я консерватор и романтик. Люблю смотреть фантастические фильмы. Хобби – история, психология, философия».

Данилова Люба, ул. 2-я Строительная, д. 22, кв. 2, г. Барнаул Алтайского края, 656016.

15-летняя Олеся решила нам написать потому, что ей не хватает друзей. «Увы, я не блондинка с голубыми глазами и длинными ногами. Я люблю читать, слушать музыку, обожаю писать письма. Мне больше всего нравятся парни-блондины...»

Олеся, ул. Советская, д. 6, кв. 1, п. Болтурино Кежемского р-на Красноярского края, 663475.

«Меня зовут Жанничик. Мне 15 лет. Я очень хотела бы найти друзей по переписке, особенно молодых людей. Я веселая, милая, отзывчивая девчонка. Всегда стараюсь помогать другим, но, бывает, и я нуждаюсь в чьей-то помощи и поддержке».

Жанна К., ул. Воронежская, д. 11/4, кв. 294, Москва, 115583.

После Жанничика пришла очередь Ольчика. Ей 14 лет, по знаку Зодиака Водолей. Обожают кошек – воспитывает сразу трех котов. После котов сразу упомянула группы «Руки вверх!» и «Отпетые мошенники» – свои любимые (интересно, кто у ребят с хвостатыми общего?). Следующее ее увлечение – фильмы

ужасов. Любимый актер – Брюс Уиллис, любимая передача – «Мировой реслинг» (та, наверное, где здоровые мужики друг друга по морде лупят). Такая вот экстремальная девушка.

Пенская Ольга, ул. Дружбы, д. 5, с. Ивановка Светлоярского р-на Волгоградской обл., 404187.

«Я, шестнадцатилетняя авантюристка, мечтаю найти интересных друзей как в России, так и немецкоговорящих странах. Увлекаюсь поэзией Маяковского, спортом (лыжи), чтением приключенческих и научных книг. Слушаю рок».

Корякина Инна, ул. Молодежная, д. 12, с Волчий Враг Тамалинского р-на Пензенской обл., 442913.

Девушки, дорогие! Ну почему так многие из вас пишут «обАжаю»? Ведь это слово – от слова «бог», пишется через «о». Не красиво как-то делать такую ошибку. Ею «страдает» и 17-летняя Таня, по знаку Зодиака Водолей. Она «обАжает» музыку и игру на гитаре, любит гулять и общаться с друзьями, веселиться на дискотеках. А вот учебник русского языка, похоже, не входил в число ее любимых книг. Конечно, не очень веселая, но все же нужная в жизни книжка.

Матвеечева Таня, ул. Молодежная, д. 1, кв. 2, пос. Теплое Тульской обл., 301900.

А вот и еще одна Таня. «Мне 17 лет. Я – поклонница русского рока (читай «Король и шут»). Люблю рисовать, играю на гитаре. Все, кто любит фантастику и все паранормальное, кто увлека-

ется творчеством «великого и ужасного» Макса Фрая, пишите мне!»

Таня, абон. ящик 5245, г. Красноярск, почтампт, 660000.

«Меня зовут Жанна, мне 16. Я — творческая личность. Занимаюсь музыкой, психологией, люблю общаться с людьми, а если мне кто-то интересен — знакомлюсь поближе. В людях ценю дипломатичность, чувство юмора, театральное отношение к жизни (возможно, потому, что это близко мне самой). Переписываться хочу с тем, кто дружить умеет и дружбы достоин, ну и, конечно, разделяет мои интересы и просто любит жизнь. Неплохо, если бы это был парень — буду только рада». Знаете, в этом письме при всей дипломатичности есть нечто эгоистичное... Ну уж — что есть, то есть.

Жанна, ул. Строителей, д. 15А, кв. 52, г. Новокуйбышевск Самарской обл., 446208.

В Вологодской области, наверное, в доме, где резной палисад, живет 15-летняя Оля, Скорпион — Тигр. Серьезное сочетание! «Я люблю слушать хорошую музыку, ходить на дискотеки, читать интересные книги, смотреть боевики и комедии. Переписываться хочу с парнями и девушками от 15 и старше».

Доможирова Ольга, ул. Центральная, д. 50, пос. Уткино Вологодского р-на Вологодской обл., 160525.

«Привет, поколение XXI века! Меня зовут Валюха, мне 15 лет. Увлекаюсь баскетболом (занимаюсь им почти три года) и по-

сещаю театральную студию. В музыке уважаю русский рок («Кино», «Ария») и восхищаюсь группой «Nirvana». Люблю читать и получать подарки. Я веселый и оптимистичный человек. Пишите мне все, кому одиноко».

Заболоцкая Валя, ул. Вяткина, д. 35, кв. 12, г. Абакан, Республика Хакасия, 655017.

«Я очень веселая девчонка. Даже не знаю, почему я всегда радостная — все невзгоды встречаю с улыбкой. Люблю кататься на коньках, лыжах. Занимаюсь английским языком. Учиться хорошо меня заставляют из-под палки. Ну не хочется мне учиться! Увлекаюсь комнатными растениями, лошадьми. Обожаю вечеринки в школе или дома. По выходным бываю на дискотеках. Но больше всего мне нравится летними вечерами сидеть у костра и петь под гитару песни. Мне 15 лет».

Сударикова Марина, дер. Селиваниха, д. 56, кв. 2, г. Егорьевск Московской обл., 140300.

Девушки, как известно, бывают разные — желтые, белые, красные... А еще бывают спокойные. Вот из числа спокойных 15-летняя Жанна, по знаку Зодиака Лев, голубоглазая блондинка, которая любит романы и фантастику, кроссворды и красивую музыку. Писем, как ни странно, ждет не только от парней.

Пинчук Жанна, ул. Юбилейная, д. 1, д. Судково Гомельской обл., Республика Беларусь, 247610.

«Мне 15 лет, я живу в небольшом поселке. Брюнетка,

ВАШИХ ПИСЕМ ЖДУТ:

зелено-карие глаза, по знаку Зодиака Стрелец. Я не похожа на своих сверстниц — не люблю дискотеки, шумные компании. В моем поселке у меня нет ни друзей, ни подруг, но я — живой человек, и мне нужен кто-то, кому я могла бы довериться. Я люблю природу, животных, звездную ночь. Пишу стихи о любви и разлуке. Пишите, парнишки от 15 до 18 лет!»

Мариенко Елена, ул. Школьная, д. 5, кв. 45, п. Стекольный Хасынского округа Магаданской обл., 685134.

На конверте, в котором лежало письмо от 18-летней Насти, было начертано: «Я ищу друзей, почему они меня не ищут?» Сложный вопрос! Настя занимается спортом (уже мастер спорта), любит разную музыку. Веселая, спортивная. Хочет переписываться с откровенными ребятами и девушками, которые любят писать длинные письма. «Если кому-то нужен друг, самый настоящий, кому не хватает ласковых слов, поддержки, единственного и преданного друга, — пусть пишут мне. Я отвечу всем, и парням, и девушкам».

Настя, ул. Ленина, д. 13, кв. 16, с. Высокиничи Жуковского р-на Калужской обл., 249180.

Ева не указала нам своего возраста, но сообщила, что по гороскопу она Рак, мечтательная и симпатичная девушка, которая любит песни под гитару, писать письма и, конечно, получать их, пишет стихи.

Шамилова Ева, дер. Багряники, п/о Ильинское Первомайского р-на Ярославской обл., 152404.

Маша, ул. Кошевого, д. 18, с. Белое Красногвардейского р-на, Республика Адыгея, 385331. 16 лет, коллекционирует комнатные растения, любит готовить. «Успокой, с кем хочу переписываться, не ставлю. Важно, чтобы было интересно общаться!»

Макарова Ирина, ул. Степана Разина, д. 4, г. Волжский-16 Волгоградской обл., 404116. 16 лет, Водолей — Тигр, любит музыку, ждет писем от ребят и девушек.

Рылова Маша, ул. Архаринская, д. 188, пос. Архара Архангельского р-на Амурской обл., 676740. 16 лет, любит дискотеки и современную музыку.

Александра, пер. Коммунистический, д. 1, кв. 2, п. Охотск Хабаровского края, 682480. 13 лет, о себе ничего не написала.

Внукова Татьяна, Кутузовский просп., д. 26, кв. 71, Москва, 121165. 15 лет, увлекается рок-музыкой (особенно группой «Ария»), любит читать и писать письма.

Мария, ул. Суворова, д. 20, кв. 6, г. Камбарка, Республика Удмуртия, 427954. 17 лет, будущий юрист, любит путешествия и спорт.

Гайфуллина Гульназ, ул. Социалистическая, д. 38, кв. 45, г. Усть-Катав Челябинской обл., 456040. 14 лет, по знаку Зодиака Телец, скромная, влюбчивая девушка. Любит детективы и романы о любви, из музыки предпочитает попсу и рок.

**ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!
ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!
ВСЕХ ДЕВУШЕК —
С ПРАЗДНИКОМ!**

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Ехали мы, ехали селами, станицами... И докатилась наша Телега до радостного для всех представительниц прекрасного пола праздника 8 Марта. Ну как тут не вспомнить традицию поздравлять наших очаровательных подруг, вручая им мимозу и духи!

Мимозы, правда, в нашей Телеге не оказалось. Духов тоже. Зато правила ею известная писательница-юмористка Инна Савельева. Как никто, проникла она в загадочную женско-девичью душу, разглядела ее с разных сторон – и отразила в своих замечательных произведениях.

Говорят, Лев Толстой любил сказать: «Я старичок обоюдный». А уж Инна Савельева... Даже трудно сосчитать все грани ее таланта. Тут и проза, и стихи, и афоризмы, и остроумные миниатюры. Всего не перечислишь. Будем считать, что она тоже на пути в классики, в Львы Толстые – едет туда в нашей Телеге.

Итак, женщина – о женщинах. И девушках, разумеется. Как всегда, начнем с суровой прозы...

Я ЭТОГО ДОСТОЙНА!

Анжела вспорхнула на пуфик перед трюмо и взяла в руки французский крем. «Ведь я его достойна!» - прошептала она, трепетно распечатывая душистую баночку.

- А вот и не достойна! - прошелестела баночка. - Есть и лучше тебя девушки.

- Чем это лучше? - вздрогнула от удивления Анжела.

- А ты в институте экзамен завалила.

- Да я этому лысому доценту пятьдесят баксов предложила, а этот гад!.. - закричала она со злостью.

- Ну вот - значит, не только ленивая, но и жадная! Сто надо было кинуть, - подал голос американский лосьон для лица.

- Даю сто - опять скажете, что я недостойна, потому что швыряю деньги. Хватит с него и семидесяти пяти, - решила она и успокоилась, любуясь своим отражением.

- Все равно недостойна, - затрещало венецианское зеркало. - Ты прекрасна, спору нет, но на свете есть милее, и красивей, и белее.

- Врешь ты, вредное стекло! Твои критерии устарели: я не какая-нибудь старая клюшка, чтоб с бледной мордой ходить. Теперь это не модно. Я полтыщи баксов потратила, чтобы так загореть. Ну, положим, я не мисс Россия, но очень мила.

- А что скажут старые клюшки с бледной мордой насчет того, что ты «очень мила»? - осведомилась импортная пудра.

- Да пошли вы! - обозлилась Анжела и шваркнула баночку с кремом на столик. - Я и без вашей замазки хороша. Вот увидите: сейчас голову помою, оденусь, и все мужики - мои.

- Ты меня недостойна! - сердито пробубльнул немецкий флакон с изумрудным шампунем, не желая выливаться на ладонь.

- Тебя еще не хватало, жижа болотная! Тебе-то чем я не угодила?

- Недостойна, недостойна. Ты свою солому блестящей делаешь, чтобы с мужиков побольше денег на подарки слупить.

Анжела разинула рот и зашлась от возмущения:

- У меня? Солома? Да я сейчас и без тебя такую прическу сделаю, что все мужики лягут!

- На кого? На тебя? - захихикала перламутровая помада.

Анжела смачно плюнула на ехидный тюбик и побежала принимать душ, опасливо натирая губку прозрачным заграничным мылом, но мыло ласково прошептало сквозь пену:

- Мойся, мойся. Чистота - залог здоровья.

После душа, вытащив из шкафа кожаные брюки в обlipку, она начала одеваться, но брюки ни за что не хотели налезать на тело.

- Ты нас недостойна, - сердито прошипели они, когда Анжела стала их ожесточенно дергать вверх. - У тебя на кухне гора грязной посуды, а ты выпендриваешься.

Она виновато вздохнула, нехотя накинула халатик и перемыла всю посуду. Лак на ногтях облез, и пришлось покрывать их заново.

- Крась свои ногти, крась, - замурлыкал английский голубой лак. - Теперь ты этого достойна. А потом одевайся и иди к Володе. Приличный мальчик. И не вздумай вешаться на богатых козлов!

- Вот еще! Приличный, приличный, а максимум что осилит подарить, так это какой-нибудь тухлый силиконовый крем для рук.

- Ничего, - сказали итальянские тени для век, - зато отечественная косметика не придирается. - Кто заплатит тридцать рублей - тот и достоин! Живи и радуйся!

ОМОЛОЖЕНИЕ

Две юные девушки провели на улице опрос среди пенсионеров: в целях рекламы Центра косметической резьбы, они предлагали им деньги на операцию по омоложению лица.

Первая же опрошенная ими мужеподобная старуха выпучила в ответ глаза и крупно закрестилась, отмахиваясь батоном:

- Свят, свят, свят! Да чтобы я дала свою морду резать? Я вам не свинья какая-нибудь!

Одинокая учительница махнула рукой:

- Кто может гарантировать одноразовые инструменты! Видите ли, СПИД шагает по стране, и не хотелось бы на старости лет... У меня такая репутация, знакомые еще подумают, что я с кем-нибудь... А впрочем, это даже было бы лестно!

Упитанная научная дама тщательно обдумала предложение:

- Допустим, я согласна, но если лицо будет с возрастным минусом, оно войдет в диссонанс с телом. Это имеет смысл только, если за ваш счет привести к одному знаменателю обе характеристики одновременно.

- Грех вам такое предлагать, - возмутилась следующая бабка в черном платочке. - Бог накажет!

- Какой грех, кого накажет, бабуля? - спросили рекламные девушки. - Вас или нас?

- Усех накажет! И вас, и мене, и усех накажет!

Тощенькая старушенция, «печеное яблочко», моментально предложила щадящий вариант омоложения:

- Девки, а вы мне энти деньги наличкой отдайте - я отъемся чуток, и все морщины на организме сами надуются, безо всякого обрезания.

Рыхлая тетка с тремя подбородками, свисающими на кримпленовый воротник, отказалась наотрез:

- Ну да, омолодишься трошки, а потом паспорт всем показывай и скандаль с утра до вечера, чтобы место в транспорте уступали.

Я уже наскандалилась за всю жизнь, я теперь заслуженно отдыхаю!

Юные девицы остановились перекурить, и вдруг одна сказала: - Слушай, я чего придумала! Чем мы хуже? Давай на эти деньги сами похорошеем, только по-другому! Проще простого.

Они пошли, накупили себе дорогой косметики, густо накрашились и в два счета стали выглядеть лет на десять старше.

ПО-АНГЛИЙСКИ

Он глядел ей не в бровь, а в глаз, и объяснялся в любви, не стеснясь в выражениях, и тогда она повернулась к нему неожиданной стороной. Он схватил любимую за неожиданную сторону и стал клонить ее ко сну, но потерпел фиаско. И всего-то несколько минут и потерпел: сначала она не хотела с ним спать потому, что за плечами у нее было тяжелое прошлое, но потом оно перевесило до упаду. Нащупала она на чем свет стоит, погасила и стала играть с мужчиной в темную. Ее тонкие сексуальные игры были высосаны из пальца.

- Мне пальца в рот не клади, - прошептал он и начал целовать, высунув язык, и одновременно стараясь снять с нее последнюю рубашку и буквально выпрыгнуть из своих штанов.

Однако ей хотелось и капитал приобрести и невинность со-
блюсти. Услышав мольбы о пощаде, он потребовал:

- Ну-ка, прикуси язык!

И она с жаром исполнила эту просьбу – энергично ответила на его поцелуй. «Кто меня за язык дернул?» - сначала не понял он, не веря в свое счастье. Поначалу она еще стеснялась и прятала глаза, но он все-таки нашел их и стал пялить глаза на девушку, поэтому какое-то время она еще смотрела на него косо и не сразу заметила, что руки его заскользили от лица по телу и напали на заветное место.

- Провалиться мне на этом месте! - воскликнул он и как провалился в черную дыру, поставив ее под удар.

«А он малый не промах, хотя иногда перегибает палку, - оценила девушка. - Надо почаще приводить его в себя».

И так несколько минут они жили припеваючи, пока он не пошел на попятную и не ушел в себя, а она осталась лежать, как оплеванная.

Истомленная, но счастливая, она отошла ко сну. «Отошла...», - с нежностью подумал он. И ретировался по-английски, оставив ее без гроша.

Стихи – они как бы всегда предполагают некое обобщение. Словам в них тесно, а мыслям – просторно. И вот Инна Савельева и задумалась: как бы кратенько изложить те достижения, к которым пришли нынешние чаровницы? Ну конечно, только в стихах! Одно из этих стихотворений адресовано, правда, мужчинам, но какой же порядочный мужчина – без женщины? А то и без двух-трех...

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Пупсы жирные теперь
нашим крошкам не нужны,
и они, качая ниндзя,
по-мужски увлечены.

В школах девочки давно
честь свою не берегут.
Честь, сказать вам честь по чести,
не почетный атрибут.

Нынче девушек не шлют
в стройотряд, на целину.
До того ль им? Ежедневно
измеряют ног длину.

Вон из кожи надо лезть,
чтобы мамой юной стать:

не пора ли по вагонам
на младенца собирать?

Хоть и нет очередей,
дамы не нашли покой:
бродят по оптовым рынкам
за просроченной едой.

Бабки ленятся уже
заявления писать -
все равно парткомов нету,
кто их будет защищать?

Избы наши всё горят,
кони скачут и хрипят,
только наводить порядок
бабы больше не хотят.

АССОРТИМЕНТ

У мочалок вид потасканный слегка,
У кошелок загребушая рука,
Телки, тупо глядя спутнику в глаза,
Уступают прямо с первого раза.

Дунька с мыльного завода хороша:
Возбуждается от рюмки и гроша.
У воспитанной с пеленок на уме:
Сохранить как можно дольше реноме.

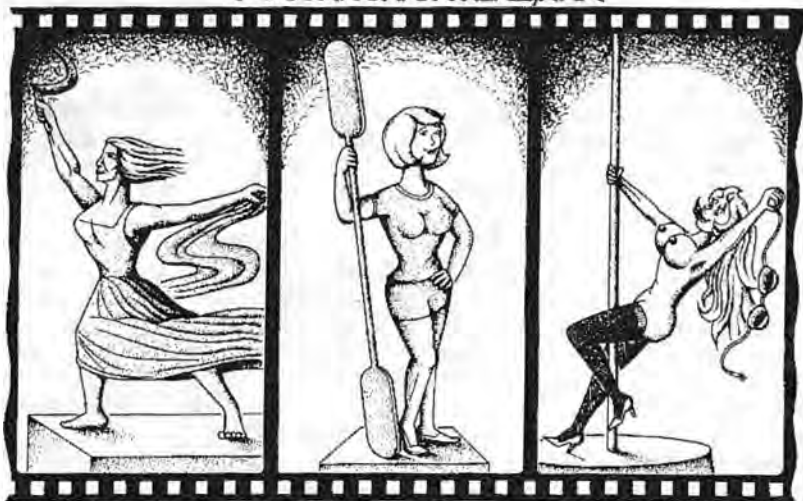
У герлы одна мечта - загнать в кровать,
А секс-бомба ждет, что будут страсти рвать.
У мордашек губки-бантик, а в глазах
Вековечный страх остаться на бобах.

Никакая - в койке будет никакой,
А с шалавой потеряете покой.
Кукла-Барби растрясет вам по нулям,
А с чувихой показаться стыд и срам.

Пусть мужской разнообразный контингент
Понимает, как богат ассортимент.
Я надеюсь, что прочтется между строк -
Выбор просто до противного широк!

Где ж, вы спросите, девица-идеал?
А таких детально Пушкин описал.

РОССИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА

Когда-то Ильф и Петров придумали замечательное выражение — «вечеринка с оргвыводами». То есть с пивом и водкой. Но поскольку наши прекрасные читательницы, надеемся, алкоголем не увлекаются — закончим свою вечеринку, посвященную 8 Марта, действительно выводами. То есть мыслями о том, каковы они, наши прекрасные подруги, и что им надо сделать, чтобы стать еще краше. Читайте внимательно, девушки, и запоминайте, что говорит вам многоопытная Инна Савельева.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ — ДЕЛО НАЖИВНОЕ

Женщина, у которой шоколадный загар, считается «сладкой женщиной».

Если женщина употребляет помаду марки «Макс Фактор», то издалека будет видно, что у нее губа не дура.

Женщина становится высокодуховной, если она часто дышит на ладан.

У мужчины при виде женщины идет голова кругом, если она вертится, как белка в колесе.

Женщина становится жирной, когда она как сыр в масле катается.

Чтобы прическа высоко поднималась надо лбом, женщине надо почаще смотреть такие триллеры, от которых волосы встают дыбом.

Для того, чтобы распрямились плечи, женщине нужно переделать все накопившиеся домашние дела, и тогда у нее гора с плеч свалится.

Чем больше зубов женщина держит на мужчин, тем сохраннее ее жевательный аппарат.

Чтобы глаза были нежнее, а ресницы пушистей, женщина не должна мозолить глаза.

Если вы не будете долдонить женщине о ревности, чтобы у нее в зубах не навязло, улыбка вашей дамы останется безупречной.

Молоденькой девушке надо говорить только приличные вещи, а то у нее слишком рано уши завянут.

Детородная функция сохраняется надолго, если женщина совершенно свободна. Только тогда она дает жизни.

Если женщина маленького роста, на пальце у нее должен сиять крупный бриллиант, тогда она сразу вырастет в глазах мужчин.

Женщина может заметно похудеть даже без дорогого тренажера, если она будет трястись над каждой копеечкой.

Гибкость стана хорошо тренируется тогда, когда женщина гнет хребет перед мужем.

Чтобы современная женщина не была позорного вида Венерой Милосской, пусть она носит мужчину на руках — небось, руки не отвалятся.

Крупные синие вены не украшают, поэтому мужчина обычно вытягивает из женщины все жилы.

Для пущей сексапильности женщину не стоит баловать нарядами, и тогда ей придется ходить в чем мать родила.

Если женщине приятно иметь очень развитый тугой бюст, придется как можно чаще бросаться грудью на амбразуру.

Чтобы кожа на руках была нежной и белой, жар надо загребать чужими руками.

Спина будет прямой и никогда не заболит, если все время висеть у кого-либо на шее.

Каждая женщина должна обязательно знать свое слабое место. Или хотя бы просто свое место.

Если у женщины муж и любовники, она должна уметь разводиться концы с концами.

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

АЛЕКСАНДР МАЛИНИН
«БЕРЕГА»
«Квадро-Диск»

Давно уже не «бьет мимо, хоть цель близка» певец Александр Малинин. Выступив в 1988 году на третьем всесоюзном конкурсе эстрадной песни в Юрмале со скандальной композицией «Коррида», он в одночасье взлетел на вершину успеха и с тех самых пор не устает совершенствоваться и удивлять новыми творческими находками.

Его последний альбом «Берега» — это еще один образец эстрадного качества и свидетельство неустанной требовательности артиста к самому себе. Приверженцы содержательно-красивых, мелодичных песен в «аристократичном платье» встретят на этих дорожках свои родные маяки.

Здесь и изящно-искрометные шлягеры («Сирена», «Мамбо», «Помни и не забывай»), и потрясающие своей глубиной лирические баллады («Берега», «Когда ты сбрасываешь платье», «Надо жить»), и христианские аллюзии («Рождественская Русь», «Христос воскрес»), и изысканные реверансы в сторону ретро («У меня есть сердце, а у сердца — песня...», «Ах, эти черные глаза», «Танго») Авторы музыки — В. Засухин, Ю. Донская, В. Матецкий, А. Савченко, В. Евзеров, В. Лоткин, В. Сидоров, а также О. Строк. Среди поэтов значатся Ю. Рыбчинский, М. Андреев, О. Куланина, Н. Зиновьев, В. Баранов, Т. Залужная, а также А. Дактиль и П. Лещенко. Дерзкой исповедальностью и почти эпической силой пронизан, пожалуй, самый жесткий опус альбома — «Отрада» В. Назарова на стихи Н. Гумилева. Он наряду с заглавной песней диска, пожалуй, самая большая удача артиста.

Каждая композиция имеет свой неповторимый шарм и колорит. Это достигается посредством неброских, но весьма элегантных аранжировок, сработанных с использованием живых инструментов — акустической гитары (В. Кись, А. Малинин), духовых и гармоники (А. Чиненков), электрогитары (В. Федоренко), клавиш (А. Титков), соло-гитары (И. Кожин). Словно улаждаю-

щий елей, льется в уши мягкий, гибкий, переливающийся десятками обертонов томный баритон певца, изредка переходящий в пронзительный тенор. Прекрасно оттеняет вокальное великолепие артиста стильно звучащий бэк-вокал. Словом, альбом А. Малинина являет собой редкий пример гармоничного сочетания всех составляющих успешного CD-проекта, начиная с подготовки исходного материала и заканчивая его записью в студии и сведением.

«Берега, берега, берег этот и тот, между ними река моей жизни течет — от рожденья течет и до тризны...» Этот маленький шедевр, услышанный хотя бы один раз, думается, еще долго будет звучать в душе самого искушенного меломана. Браво, Александр!

ТОНИ БРЭКСТОН
«SNOWFLAKES»
«BMG Russia»

Молочная шоколадка Тони Брэкстон, прославившаяся культовыми хитами «Unbreak my Heart» и «Spanish Guitar», после трех ранее вышедших (и весьма успешных) дисков издала четвертый — «SnowFlakes» («Снежные хлопья»). Он, как вы поняли, сезонный. И хотя зима, кажется, уже помахала нам ручкой, альбом Тони готов еще раз воскресить неподдельное очарование этого волшебного времени года. Хотя, по признанию певицы, зиму она не очень любит. Живя в Мэриленде (штат в США), она с приходом декабря очень тяготилась снегом и начинающимися

холодами, а будучи еще школьницей, в рождественские каникулы всегда мечтала уехать на Ямайку или в тропики.

Все композиции серебристого диска выдержаны в едином лирико-ностальгическом ключе. Это милые полумимовизационные зарисовки на тему ушедшей любви, прошлогоднего снега и грустных воспоминаний о том нескончаемо долгом (как ей кажется) времени, когда Тони пребывала в гордом одиночестве (да, и таких писанных див, случается, бросают!).

«Когда от меня ушел мой парень, все праздники я проводила одна, путешествуя и параллельно занимаясь раскруткой своих альбомов. Наверно, это пошло мне на пользу, — грустно улыбается певица. — Кроме того, я всегда понимала, что в своем репертуаре обязательно должна иметь эти печальные песни о любви. В композиции «This Time Next Year» я рассказываю настоящую историю нашего расставания, которая, конечно, знакома многим. В тот момент вы еще скучаете друг по другу, но

сделать уже ничего нельзя, и уик-энд вам придется проводить одной». В сочинении «Santa Please» певица, обращаясь то ли к Санта Марии, то ли к Санта Клаусу, вопрошает: «Ну когда же ОН придет ко мне?!» В этом ракурсе снежные хлопья в заглавии пластинки можно трактовать и как символ чистого листа, на который неутомимая Тони готова в скором времени написать новую, не менее увлекательную историю жизни.

Кстати, горевала девушка недолго и вскоре вышла замуж за продюсера Кери Левиса, который и помог ей спродюсировать новое детище. «Между прочим, — продолжает Брэкстон, — я бы, наверно, не смогла слушать свой альбом, будучи в подростковом возрасте: родители воспитывали меня очень строго — в религии, вере. Но потрясающая вещь: моя же семья пожертвовала солидные средства на выпуск «Снежных хлопьев»! Теперь эта музыка, наверно, заполнила все пространство отчего дома, и этим я горжусь больше всего».

Новые песни Тони Брэкстон действительно очень камерные, домашние, их приятно слушать в одиночестве — за чтением книги, холодным вечером — когда лень выходить на улицу, перед сном. Легкий, чистый, слегка приукрашенный вокал, разукрашенный к тому же большим количеством мелизмов, и эфемерные, незапоминающиеся мелодии в воздушной аранжировке успокоят от тягот дня и создадут в вашей душе желанный комфорт и уют. В этом смысле «Снежные хлопья» приобретают ярко выраженный психотерапевтический

эффект. Конечно, трудно предположить, что данный CD-проект повторит успех дебютного альбома певицы 1993 года, разошедшегося семимиллионным (!) тиражом, но своего слушателя он, безусловно, найдет.

ЮЛИАН
«Я НА АРБАТЕ
ПРОДАЮ ДОЖДИ»
«Столица-Продакшн»

Юлиан готовится к пробуждению! Вы поверите? Певец, доселе работавший исключительно на аудиторию рафинированных

пенсионерок и несмышленных школьниц-домоседок, слегка изменил свой имидж, репертуар и готов завоевывать сердца более продвинутой публики.

Для начала он выпустил альбом «Я на Арбате продаю дожди», где подвел некоторые итоги своей прошлой сценической деятельности и наметил пути к обновлению. Прежде всего он обратился к новым авторам и аранжировщикам. Песни к альбому написали Катя Семенова (популярная в прошлом певица ныне окончательно встала на путь композиторства), Андрей Ктитарев и Валерий Разумовский (известные своим сотрудничеством с группой «На-На», Николаем Басковым и Филиппом Киркоровым). Впрочем, не обошлось и без мэтров эстрады – Александры Пахмутовой (неформальной крестной матери певца), Олега Иванова и Игоря Демарина. Среди поэтов числятся Карина Филиппова (сотрудничавшая когда-то с Клавдией Шульженко и Аллой Пугачевой), Николай Зиновьев, Ольга Куланина, Николай Добронравов. Апологетов мелодичной лирики, бесспорно, порадуют такие сочинения, как «Под ноги цветы», «Обманешь», «Пуля», «Цветы на подоконнике» (на стихи С. Есенина), «Колыбельная», «Пьяная ночь», «Пересечемся». Нельзя сказать, что эти композиции так уж свежи и смелы, но Юлиан в их свете уже не воспринимается неким старомодным, записавшимся «в молодежь» кумиром, а приближается к своему реальному возрасту.

Родился артист 15 августа 1973 года в подмосковной Коломне (фамилия артиста – Васин

– несколько не сочетается с его красивым именем, поэтому по совету певицы Аллы Баяновой ее решили со сцены не произносить).

Существует версия, что свое имя младенец получил в честь писателя Юлиана Семенова, чей эпохальный сериал «Семнадцать мгновений весны», побивший позже все рекорды популярности, был тогда впервые показан по ТВ. Мама Юлиана – учительница музыкальной школы, отец – инженер авиации. С четырех лет Юлик учится играть на фортепиано, наигрывает любимые мелодии.

Интересно, что его талант проявился не только в песне, но и в науках: в восьмом классе Юлиан экстерном сдает все экзамены за десятилетку и сломя голову мчится в Москву – поступать в знаменитый ГИТИС. Говорят, педагоги были столь шокированы дерзостью юного абитуриента, что приняли его в виде исключения. Свой первый сольный концерт Юлиан спел еще в двадцать лет. По российским меркам это довольно рано.

Впрочем, Юлиан всегда был официозным везунчиком. В 1994 году по приглашению администрации Ельцина он выступил в Кремле перед королевой Англии Елизаветой II. В том же году его выбирают членом правления Международного Союза деятелей эстрадного искусства, а в 1995 году назначают главным исполнителем гимна Москвы. В 1999-м Юлиану указом Президента присуждается звание Заслуженного артиста России. Однако шлейф кремлевского баблоня в какой-то момент начинает мешать артисту, и он принимает решение временно прекратить эстрадную деятельность ради поиска новых репертуарных красок и имиджевых средств (сегодня над обликом певца колдует стилист Сергей Зверев). Параллельно Юлиан увлекается йогой, вегетарианством и медитацией (правда, никак не может бросить курить). А насколько это помогает ему в пении, решать вам.

**ДМИТРИЙ ДИБРОВ
& «АНТРОПОЛОГИЯ»
«РОМ И ПЕПСИ-КОЛА»
«Real records»**

Телезвезда, шалун и сердцеед Дмитрий Дибров с некоторых пор, как известно, решил попробовать себя в качестве звучащего поп-рок-идола. Впрочем, личности такого масштаба этот каприз простителен: филигранный профессионализм журналиста, харизма и узнаваемость на улицах могли бы послужить надежной индульгенцией еще и не от таких «грехов». Ибо не поет сегодня лишь тот, у кого банан в

ухе или кляп во рту. И хотя ни того, ни другого у Диброва как будто не наблюдается, он каким-то чудом умудрился... избежать этого процесса, то есть попросту не петь. Видимо, в этом и состоит козырная карта его дебютного CD-проекта.

Помимо неплохой дикции опытного ведущего, здесь присутствуют также приятное блюзовое сопровождение и специфический вкус в выборе произносимых под музыку текстов. Все они принадлежат оригинальному перу когда-то взлетевшего на гребень первой рок-волны и в связи с этим рано перегоревшего лидера ленинградской группы «Зоопарк» Майка Науменко. Однако в дибровских устах его творчество воспринимается несколько анахронично. Не забудем, что трепетный Майк в своих лирических (хотя и не всегда совершенных) рок-зарисовках олицетворял романтические искания юного поколения начала восьмидесятых, насыщая их искренним порывом нонконформизма и неприятием обыденщины. Для

Диброва же (в новую эпоху!) песни Науменко, скорее всего, повод прикоснуться к сладкой невозвратимости манящей поры — времени собственных юношеских грез и проказ. Хотя темы жизни любого рокмена как тогда, так и сейчас все те же — страстная любовь (зачем только проклинать за это попсу?), похмелье (с кем не бывает!) и... бедность. Правда, последнее нашему любимцу не грозит, тем не менее Дима не отказал себе в удовольствии пророчитативить: «Бедность — не порок, но она идет за мной, как злой рок... Эта бедность ждет меня на каждом шагу, я так много хочу, но так мало могу... Такого я не пожелал бы и врагу. Бедность, бедность!!! Одолжите пятачок — я пойман на крючок».

В другой композиции слышим: «О, братцы, как мне не по кайфу: во рту — сушняк, в кармане — голяк. Пойду-ка выпью пива — пусть станет мне ништяк!»

Что тут сказать? В дибровские сорок два пора бы, наверно, подумать о других ценностях. Впрочем, есть здесь и вечные проблемы: «Я познакомился с ней в гостях у своих друзей, и я не помню, зачем я пришел и чего я ждал... В ней было столько шарма, что меня постигла внезапная карма: я понял, мне уже не устоять... Она была прекрасна, и я обнял ее властно, мы танцевали всю ночь напролет...» Дальше вы понимаете: он «проснулся один», и им «овладел жесточайший сплин»: она ушла... «Дрянь, маленькая дрянь! Ты спишь с моим басистом, игра-

ешь в бридж с его женой. Я все прошу ему, скажи, что мне делать с тобой?» И так далее. В общем, сплошное ребячество.

Дмитрий не скрывает: «Этот альбом призван наградить студенческие общежития страны репертуаром для совместного распития (!) спиртного на дружеских бражничаньях!» По его мнению, музыка Майка для этого идеально подходит.

К слову о музыке: от классического Майка в ней ничего не осталось: здесь царит сплошная импровизация, часто в битловском стиле. Как признались музыканты, участвующие в записи альбома, творчество лидера «Зоопарка» заслуживает гораздо большего внимания, чем ему сегодня достается. «Поэтому в одну кастрюлю мы положили первобытный блюз и поэзию Майка, а виртуальные звуки перемешали с живыми, деланными пальцем. И получился бешеный салат, компоненты которого несколько не противоречат друг другу».

К слову сказать, Дибров не только исполнял «вокальные» партии, но и сопровождал себя на соло-гитаре. «Смысл жизни человека, цветка, муравья — в экспансии, — говорит он, — Как способное к развитию существо, я должен осуществлять экспансию в разных областях. На ТВ я делаю то же самое, что и в звукозаписывающей студии, служу тому же богу. Ищу парадоксы». Чего-чего, а уж этого в «Роме и пепси-коле» предостаточно.

Сергей БАТУСОВ

Александр СЕРОВ: «КАЖДЫЙ СЛЫШИТ ТО, ЧТО СПОСОБЕН УСЛЫШАТЬ»

«Не знаю имени я вашего и отчества, Стоим на палубе, дыханье затая, И уходить от вас, поверьте, мне не хочется, А вам, надеюсь, от меня...» Этот хит середины восьмидесятых сегодня, наверно, уже мало кто помнит. Только легким призраком маячит в недрах памяти роковой облик эффектного bruneta в белом костюме с голосом Тома Джонса, старательно выпевавшего мелодию любви. «Красавец!» - вздыхали дамы. «Орел, да не твой!» - вторили им их кавалеры. Однако и тем и другим он был всегда люб и желанен. Но женщинам, конечно, особо. А звали искуителя просто – Александр Серов.

Он пришел, когда его действительно ждали. Тогдашняя эстрада, особенно в мужской своей ипостаси, еще отчаянно билась в тисках железобетонно-пафосного патриотизма с короткими передышками в форме малодозированного прибалтийского «вольнодумия». Остро требовался новый герой – Донжуан, Казанова, Плейбой. Пусть даже на нашенский манер, по-советски.

И сейчас, наверное, кажется вполне естественным, что впервые Серов появился на телеэкране в заключительном концерте лауреатов конкурса с тягостным названием – «Песни стран социалистического содружества», где занял второе место. Шел 1983 год. Этот успех проторил ему дорогу в Москву. Ну а дальше по нарастающей – попадание в популярную телепрограмму «Шире круг» (с песней, прочитанной выше), участие в XII Фестивале молодежи и студентов, выпуск первого «миньона» на фирме «Мелодия»... И, конечно, гастроли – казалось, во всем Советском Союзе, а потом и в России, не было ни одной мало-мальски известной эстрадной площадки, где бы он не выступил.

Кстати, меломаны из российской глубинки нередко завидуют жителям столиц в том плане, что последние чрезмерно из-

балованы посещением роскошных эксклюзивных концертов, шоу, вниманием зарубежных гастролеров и т.д. Да, это действительно так, но... только не в случае с Александром Серовым. Кто бы мог подумать, что до 2001 года популярнейший артист (которому в этом году исполнилось, кстати, сорок семь лет) никогда не работал на сцене главного концертного зала страны – «Россия» – с сольной программой!

– Вот уж, Саша, удивили так удивили!

– Мой первый «солнышко» в любимой «России» действительно задержался на несколько лет. Этому были разные причины, много каких-то барьеров, препятствий, недоразумений, в том числе и творческого характера. Ведь я не только певец, но еще и музыкант – владею фортепиано, саксофоном, кларнетом, некоторыми другими инструментами, и часто одно увлечение, как бы это точнее сказать, мешает другому. Я невероятно требователен в работе, без конца шлифую звук, вылизываю каждую ноту и тем не менее постоянно недоволен то одним, то другим. И потом, за тридцать лет работы на эстраде я много чего повидал, так что уровень престижности зала меня не особенно беспокоит – люди везде люди. Главное, чтобы мои песни приносили им радость. Судя по восторженной реак-

ции зала, со своей задачей я справился.

- В программе «Моя богиня» наряду с хитами, проведенными временем, прозвучали и некоторые свеженькие песни из вашего нового, но так и не изданного пока альбома, хотя его выпуск планировался, кажется, еще в конце прошлого года...

- Альбом должен был выйти на фирме «Nox Music», но, к сожалению, из-за серьезных финансовых разногласий с ее директором Иосифом Пригожиным мне пришлось отказаться от ее услуг. Люди, которые предупреждали меня о возможных негативных последствиях сотрудничества с этим человеком, оказались правы. Увы, сегодня деловые партнеры часто не выполняют своих обязательств. Так что выпуск нового диска пока задерживается.

- Да, нынешний шоу-бизнес — вещь довольно скользкая. Трудно, наверно, не только в экономическом, но и в чисто творческом плане. Чем была вызвана ваша долгая сценическая пауза?

- Понимаете, после пика сумасшедшей популярности, которая свалилась на меня с 1988 по 1992 годы, нужно было как-то прийти в себя и осознать, что же происходит. Тогда у подъезда моего дома стояли десятки, сотни женщин, они ходили за мной по пятам, преследовали мою машину, все время что-то кричали, даже облили мне

как-то чернилами шубу... Успех ведь имеет и обратную сторону. Тогда в жизни артиста наступает момент, когда ему необходимо остановиться, оглянуться. Бывали и просто депрессии, которые выбивали из колеи, и все же я старался не поддаваться им — гастролировал по России, странам СНГ, а также в Канаде, Израиле, США, Германии...

Здесь необходимо сделать паузу и с вершины звездной горы, достигнутой артистом, спуститься пониже — к ее подношью.

Александр Николаевич Серов родился в 1954 году в селе Ковалевка Николаевской области на Украине. Музыкой всерьез увлекся еще в детские годы, играл в школьном оркестре на альти. В 15 лет, услышав по радио хит «Delilah», попал под обаяние чарующего голоса Тома Джонса. Думал — на время, а оказалось — навсегда. Вскоре Саша самостоятельно освоил игру на фортепиано и поступил в музучилище по классу кларнета. В 1969 году музицировал на рояле в ресторане «Парус». После службы в армии уехал в Краснодар и два года работал в местной филармонии вокалистом-инструменталистом ансамбля «Ива». Позже отметил в ВИА «Поющие юнги» (г. Николаев). С 1981 по 1984 год был не только музыкантом и вокалистом, но

и художественным руководителем сначала ВИА «Святязь» Волынской областной филармонии, а затем ВИА «Черемош» в Черновцах, в котором пели сестры Ротару — Лидия и Аурика. В середине восьмидесятых Серов около двух лет проработал в программе варьете знаменитого столичного Центра международной торговли — пел мировые хиты.

— Это было очень интересное время в моей биографии, хорошая школа. Я работал в итальянском ресторанчике, до меня там выступала Лайма Вайкуле. Пел, естественно, на английском языке. Проходил очень хорошо. Может быть, проработал там и еще, если бы не познакомился (кстати, в том же ресторане) с Игорем Крутым.

— Столь бурная звездная предыстория, Саша, конечно, дала вам колоссальный опыт, но, наверно, и наложила свой негативный отпечаток?

— Не без этого. До всеобщего взлета в 1988 году у меня, представьте себе, было пятнадцать лет концертного марафона по стране, а это куча концертов за плечами, истрепанные нервы, нищенская жизнь... Тогда буквально каждой мелочи приходилось добиваться кровью и потом. По молодости еще не очень за собой следил, отсюда масса болячек, проблем со здоровьем. Накопилась, конечно, и усталость.

— Есть мнение, что и голос ваш в последние годы испортился — стал суше, глуше, натужнее...

— А вот здесь не вполне согласен с вами. Это скорее не натужность, а форсаж. Я делаю это намеренно. Конечно, в середине восьмидесятых я пел иначе — это был такой чистый, романтический период. Прожитая жизнь, безусловно, отражается на голосе, но в моем случае, уверяю вас, это еще далеко не криминогенная ситуация.

— Я знаю, у вас серьезные проблемы со зрением: вы почти не снимаете темных очков...

— Дела и в самом деле не очень хорошие, хотя сквозь темные стекла я, например, прекрасно вас вижу. Дело в том, что я был одним из первых артистов, кто на своих концертах во дворцах спорта начал активно использовать пиротехнику — всяческие фейерверки, дымы, лазеры, «электросварку» и т.д. В результате пострадали глаза. Недавно мне предлагали даже сделать операцию, но я, посоветовавшись со знающими людьми, решил пока подождать.

— По гороскопу вы Овен, стало быть, умеете отражать напасти судьбы...

— А что остается делать? Помню, в 1987 году у меня возникли сложности с вылетом в Прагу, где я должен был представлять Советский Союз на фестивале «Интер-талант». Было много нервот-

репки, я приехал только к третьему туру – естественно, не рассчитывая уже ни на какие призы. Каково же было мое удивление, когда мне был присужден Гран-при! Через год меня послали в Венгрию на проходивший в Будапеште «Pop-Song Festival». Тоже было много волнений, мне тогда казалось, что я нахожусь не в лучшей вокальной форме. Но не зря говорят: сцена лечит. Я вышел и сам поразился своему голосу – он звучал легко, объемно, словно летел ввысь. Ну, думаю, второе место, наверно, заработал. И что вы думаете? Снова взял Гран-при.

В том же 1988 году фирма «Мелодия» выпустила первый виниловый диск-гигант Серова – «Мадонна», впервые открывшего широкой публике имя композитора Игоря Крутого, написавшего к альбому абсолютно все песни. Пластинка разошлась просто фантастическим тиражом, возведя талантливого артиста в ранг суперзвезды. В 1989 году Александр снялся в эпизодической роли в фильме «Сувенир для прокурора». И вновь фурор – шлягер «Как быть» в его исполнении становится супербоевиком. В 1991 году по приглашению знаменитого немецкого продюсера Томаса Хэка, работавшего с такими суперзвездами, как Том Джонс, Элтон Джон, Клифф

Ричард и другими, Серов принял участие в фестивале «Музыка в воздухе». В том же году увидел свет второй диск-гигант певца «Я плачу».

– Этот альбом был подвергнут почему-то резкой критике, – продолжает Александр. – Меня упрекали в излишнем пафосе, неискренности, каком-то лицемерии. Даже лукаво переспрашивали: ты плачешь или платишь? Особенно досталось одноименному клипу, где я появлялся в роскошной шубе, темных очках и пел по-английски: «I'm crying». Мне не верили. Но это был вовсе не пафос, не бравада, а элементарная ностальгия по семидесятым и дань уважения моему кумиру Том Джонсу. Я это сделал так, как смог. Вот и все.

– Поднявшись на такие высоты, сегодня подбирать репертуар, наверно, куда как трудно?

– Мне важно, чтобы каждая новая песня была не только профессионально сработана в музыкальном отношении, но и отражала мой внутренний духовный мир, соответствовала моему уже сложившемуся сценическому образу, человеческому характеру. Моя песня должна нести в себе определенную ауру, энергетику. Естественно, большое внимание уделяю аранжировкам – здесь мне ближе оркестровая подача, биг-бэндовая форма. Люблю экспериментировать: чтобы создать в песне соот-

ветствующее настроение, запуская сразу серию различных инструментов, варьирую звучание каждого из них, добиваясь оптимальной комбинации.

- А почему вы уже довольно давно не поете песен Крутого?

- У меня такое ощущение, что журналисты решили рассорить нас с Игорем. Нет, ничего у вас не получится. Мы по-прежнему друзья. Просто в творческом плане решили какое-то время отдохнуть друг от друга. Игорь выпустил свой инструментальный альбом, я — свой. А сейчас, если так можно выразиться, возвращаемся к старым позициям. Игорь вновь написал для меня несколько композиций, которые, надеюсь, как и многие предыдущие наши работы, понравятся слушателям. Однако с не меньшим удовольствием хочу сообщить, что мне пишут не только маститые авторы, но и малоизвестные. Так, главную песню новой программы и будущего альбома «Моя богиня» написал очень талантливый композитор, живущий в Америке, - Вячеслав Тоденбаум.

- Свой новый проект вы, конечно, посвящаете женщине. Под словом «богиня», однако, имеете в виду свою нынешнюю супругу Лену или это некое олицетворение всех женщин, бывших в вашей жизни?

- Можно считать как угодно. «Моя богиня» - это про-

должение «Мадонны». Я восхищаюсь русскими женщинами, их красотой, добросердечием, мудростью. Уверен, рязанские, костромские, нижегородские мадонны, о которых в свое время так много пели наши замечательные певицы Ольга Воронец, Людмила Зыкина и другие, - ничуть не хуже западноевропейских и американских. Скорее даже наоборот. Почему их нельзя назвать богинями? Они такие и есть.

- Кстати, как вы познакомились со своей женой, милой симпатичной блондинкой?

- Это было лет десять назад. Причем Лена вовсе не была моей поклонницей, мое творчество было ей даже неинтересно. Я еще подумал: ну надо же, другие готовы мне на шею вешаться при первой же встрече, а эта — хоть бы что. Взыграло даже какое-то самолюбие: я решил во что бы то ни стало добиться ее руки. Конечно, помимо азарта завоевателя, во мне вспыхнуло еще и чувство любви — в какой-то момент я понял, что Лена — тот человек, с которым мы должны идти по жизни вместе. Я был очарован ее человеческими качествами — мягкостью, нежностью, добротой, каким-то всегдашним спокойствием. Прошло уже столько лет, а я влюбляюсь в нее все больше и больше.

- А поддерживаете ли вы отношения с актрисой Ириной Алферовой, которая не

только когда-то снялась в вашем клипе, но и, насколько я знаю, была серьезно увлечена вами?

- Да, мы по-прежнему общаемся. Как-то встретились в Германии, потом я поздравлял ее с днем рождения, а недавно Ирина присутствовала на моем концерте по случаю съемок музыкального фильма... На самом деле у нас с Ириной Ивановой всегда были хорошие, дружеские отношения, хотя про нас писали бог знает что. Правда, с Леной я тогда еще не был знаком. Мне для клипа «Ты меня любишь» нужна была партнерша, к которой бы обращался герой песни. Там была эмоция, страсть, душевный порыв. Ирина это блестяще сыграла. Я преклоняюсь перед этой прекрасной актрисой и исконно русской женщиной — очень скромной, достойной. Заметьте, она никогда не занималась оголтелой саморекламой, не выпячивала свою персону, а главное, никогда не расталкивала в искусстве. Я просто горжусь тем, что она снялась в моем клипе.

Конец прошлого века подвел некоторые итоги в биографии Александра и окончательно утвердил его в глазах широкой публики как зрелого саксофониста. В декабре 2000-го увидел свет первый инструментальный альбом Серова «Мишель», в основу которого легли чудесные

миниатюры знаменитого американского композитора Джерома Керна, в благоговенно-медоточивом «Дыму» которого нежилось и медитировало не одно поколение наших меломанов.

- Многие журналисты почему-то окрестили этот диск музыкально-фоновой подкладкой для... сексуальных утех и забав в постели, - обижается Александр. — На самом деле я и близко не ставил такой задачи. Там просто очень красивая музыка. Недавно мы сняли фильм на «Мишель» — с цветами, экзотическими деревьями. Поставили столики и пригласили гостей. А я стою на сцене и играю на саксофоне. Там будет много и документальных кадров — с Мэрилин Монро, Кеннеди, Чарли Чаплином, видами Нью-Йорка... Пусть это будет в пику сегодняшнему дню, этой дешевой попсе. Ведь каждый в конце концов слушает то, что ему удобно, и слышит то, что способен услышать. Как ни лафосно это звучит, но я один из тех, кто хочет очистить нацию от пошлости и безвкусицы.

- Но ведь одни проблемы уходят, а другие приходят. Как вы, российский гастролер, относитесь к практикующейся иногда в Западной Украине и странах Балтии политике ограничения русскоязычных песен, спектаклей, фильмов?

- Во-первых, хочу заявить, что все эти участвовавшие

разговоры о «проклятых москалях», плохом отношении к русским и даже каких-то запретах на территории Западной Украины – сильное преувеличение. То же самое и в прибалтийских республиках. Во-вторых, год назад у меня действительно были отменены концерты во Львове, но отнюдь не из-за «тотальной русофобии», а потому, что продали не все билеты в то время, как в соседнем Ивано-Франковске был дикий переаншлаг. А вообще отношение к кому-либо из русских деятелей культуры – везде! – зависит прежде всего от поведения и замашек этого самого деятеля. Будешь нормальным человеком – к тебе так же и будут относиться.

- Тогда продолжим национальную тему в ином ракурсе. Новый альбом назван именем вашей дочери, а в честь кого наречена сама Мишель? Неужели вам не хватило русских имен?

- Когда Лена родилась, я был в Канаде. Дочку она хотела назвать Настенькой, а я воспротивился: нет, говорю, только Мишель! Скорее всего здесь выиграло мое страстное увлечение «Битлз» (а их «Мишель» до сих пор остается культовой композицией), еще мне всегда нравилась актриса Мишель Мерсье...

Дочери сейчас восемь лет. Я купил ей плеер, подарил альбом и сказал: «Сиди и слушай! Это в твою честь». Кем станет Мишель,

не знаю – ей еще мало лет. Если она пойдет в музыку, наверно, это будет логично и традиционно.

- Вы много занимаетесь дочерью?

- Я внимательно реагирую на перемены, которые в ней происходят, а воспитанием Мишель больше занимается жена. Считаю, что отец не должен постоянно сидеть с ребенком. Знаете, как было принято в дворянских семьях? Отец приходил, один-два дня занимался только семьей и детьми, а потом опять с головой погружался в работу, какие-то насущные профессиональные хлопоты, зарабатывал деньги...

- Хотя сугубо домашние, бытовые проблемы тоже частенько напоминают о себе...

- Ой, и не говорите! Недавно закончил ремонт своей квартиры, которая первого января едва не сгорела дотла – по вине соседки снизу: у нее загорелась проводка, и пожар бушевал целые сутки. У меня прогорел деревянный пол до зияющей черной дыры, сгорела дорогая мебель, вещи...

А соседка не только не возместила ни части ущерба, но, оказавшись крайне невоспитанной, даже не извинилась. Правда, утешаюсь лишь тем, что после ремонта квартира стала даже лучше, чем была.

**Беседу вел
Сергей СОСЕДОВ**

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Александр СЕРОВ

ПОДПИСКА

на 2002 год

Журнал "МЫ" можно выписать:

**По каталогу АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»
(«трехцветный» каталог):**

Индекс 70554 -

**подписка на полгода
и с любого месяца.**

Индекс 72385 -

годовая подписка

(один номер журнала – бесплатно!).

**По Объединенному каталогу
«ПРЕССА РОССИИ»,**

**том 1 – «Российские газеты и журналы»
(«зеленый» каталог):**

Индекс 88852 -

**адресная подписка на полгода
и с любого месяца.**

Журнал доставляется в упаковке, как бандероль.

**Наш журнал также можно выписать по системе
«ПОДПИСКА ЧЕРЕЗ КИОСКИ»,**

которая существует во многих городах.

Индекс 70554.

**Подписчики получают вышедшие номера
в газетном киоске.**

**В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ
ЖУРНАЛ "МЫ" НЕ ПОСТУПАЕТ**

**Индексы 70554,
72385 (годовая подписка)**